

Т. Н. САВЕЛЬЕВА

КАК ЖИЛИ ЕГИПТЯНЕ ВО ВРЕМЕНА СТРОИТЕЛЬСТВА ПИРАМИД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Т. Н. САВЕЛЬЕВА

КАК ЖИЛИ ЕГИПТЯНЕ ВО ВРЕМЕНА СТРОИТЕЛЬСТВА ПИРАМИД

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1971

Ответственный редактор
Д. Г. РЕДЕР

Савельева Т. Н.

С12 Как жили египтяне во времена строительства пирамид. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971.

118 с. (По следам исчезнувших культур).

Книга представляет собой как бы путешествие в древнейшую цивилизацию мира, отдаленную от нашего времени пятью тысячами лет. По сохранившимся памятникам материальной культуры и рельефам гробниц и храмов Древнего царства (XXVIII—XXII вв. до н. э.) автор рассказывает об особенностях труда и быта древних земледельцев, огородников, пчеловодов, пастухов, охотников и рыболовов, строителей — мастеров и рабочих, художников и скульпторов.

1-6-3
118-71 **9**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Период Древнего царства в Египте, охватывающий III—VI династии (XXVIII—XXII вв. до н. э.), принято называть временем строителей пирамид, потому что он прославился в веках сооружением огромных каменных памятников царям. (Небольшие пирамиды из кирпича строились и во времена Среднего царства.) Древние греки причисляли две великие пирамиды Гизе к «семи чудесам света». Пирамиды и по сей день стоят на левом берегу Нила в пригородах Мемфиса — столицы Египта Древнего царства, расположенной в 28 *км* к юго-западу от Каира — столицы ОАР. Они четко вырисовываются цепочкой треугольников в ослепительно голубой дали, если смотреть через Нил на Ливийскую пустыню из двора цитадели XII в., возвышающейся над Старым Каиром [1]. Период Древнего царства интересен не только строительством знаменитых пирамид, но также рядом великих и малых открытий и изобретений, которые легли в основу нашей современной цивилизации.

Развалины столицы Древнего царства — «Белые стены»,—позднее названной греками Мемфис (по имени пирамиды царя VI династии Пиопи I), погребены под пашнями современного поселения Мит-Рахине и раскопаны лишь частично (грунтовые воды и пашни мешают вести здесь археологические работы). Они сильно разрушены разливами Нила и в значительной степени использованы при строительстве Старого Каира. Обнаруженные среди них памятники датируются в основном более поздними периодами древнеегипетской истории.

Гораздо лучше сохранились и всесторонне обследо-

---

[1] Старый Каир — предместье египетской столицы на месте древнеегипетского города Хери-аха (греч. Вавилон).

ваны археологами пригороды Мемфиса в Ливийской (Западной) пустыне, где возле современных арабских поселений Абу Роаш, Гизе, Завиет эль-Ариан, Абусир, Саккара, Дахшур и Медум возвышаются пирамиды с окружающими их храмами, гробницами вельмож и остатками припирамидных поселений, в которых жили жрецы и ремесленники. Изображения и надписи в гробницах вельмож, а также в солнечном святилище царя V династии Ниусерра в Абусире и в некоторых поминальных храмах содержат основные сведения о ежедневной трудовой жизни людей того времени, главным образом втянутых в хозяйство царей, храмов и особенно вельмож.

На фрагментах расписанных красками рельефов из так называемой «комнаты времен года» солнечного святилища V династии в Абусире, хранящихся в Государственном Берлинском музее, изображены различные явления природы и сельскохозяйственная деятельность людей, характерные для трех времен древнеегипетского года — «половодья», «выхождения» и «сухости», по четыре месяца каждый. «Комната времен года» солнечного святилища дает прочную основу для суждения о сельскохозяйственной жизни во все времена древнеегипетского года. Правда, из-за фрагментарного состояния рельефов на них отсутствуют изображения некоторых важных полевых работ, которые, однако, восполняются изображениями на рельефах в гробницах вельмож. Зато на рельефах из «комнаты времен года» сохранились сцены огородничества, выдергивания льна, пчеловодства, редко или совсем не встречающиеся на гробничных изображениях, а также точно датированные временами года сцены сбора плодов, случки и отела скота, рыбной ловли, передвижения рыб, прилета и отлета перелетных птиц, их гнездовья, высиживания птенцов [38; 47].

Расписанные красками рельефы и надписи покрывают стены внутренних помещений гробниц вельмож Древнего царства. Они становятся особенно многочисленными и интересными во второй его половине, когда номархи и другие областные чиновники охотно сооружали себе гробницы не в центральных некрополях, а на кладбищах своих областей. Художники провинциальных кладбищ[2]

---

[2] Они расположены возле современных поселений Дешаше, Меир, Дейр Рифе, Рекакне, Бейт Халлаф, Махасна, Дендера (на западном берегу Нила), Завиет эль-Мейтин, Шейх Саид, Косейр эль-Амарна, Дейр эль-Гебрави, Нага эд-Дейр, Каср эль-Сайяде, Эль-

с успехом стали соперничать со столичными. Помещения гробниц центральных некрополей увеличились до 30 комнат и зал, как, например, в гробнице верховного сановника, жреца и одновременно художника Мерерука в Саккара. Настенные рельефы в гробнице Мерерука выполнены с большим мастерством под непосредственным руководством самого владельца гробницы и его сына, тоже художника. Неподалеку от гробницы Мерерука находится другая большая гробница в Саккара высокого сановника конца V династии Птаххотепа с художественно и тонко выполненными рельефами. Еще более известна своими рельефами тоже саккарская гробница везира V династии Тии, «заведовавшего царскими пирамидами и храмами». Внутренние культовые помещения этих трех гробниц электрифицированы — их обычно показывают туристам, прибывшим в ОАР. Посетители гробниц имеют полную возможность совершить увлекательное путешествие в далекое прошлое человеческой цивилизации, о котором ему расскажут настенные рельефы — своеобразная энциклопедия древнеегипетской жизни. В ней как в зеркале нашла свое отражение еще чрезвычайно примитивная и в тоже время уже достаточно богатая и мощная экономика эпохи строителей пирамид.

Изображения сцен ежедневной жизни в гробницах вельмож были сделаны с религиозно-магической целью и непосредственно связаны с заупокойным культом владельца гробницы. Однако они поражают посетителей не мрачными картинами смерти, а необыкновенной жизнерадостностью и любовью ко всем проявлениям жизни. Сцены заупокойного ритуала—трапезы умершего, принесение ему жертвенных даров и закалывание жертвенных животных, а также иногда похоронного обряда переправы по Нилу тела умершего из его дома к некрополю или из Гелиополя в Буто (и наоборот)—тесно переплетены с многочисленными, живо изображенными сценами из ежедневной трудовой жизни в хозяйстве вельможи и оттеснены ими на второй план. Это объясняется примитивностью представлений египтян Древнего царства о потустороннем мире и в значительной степени еще магическим характером заупокойного культа. Египтянин времени строительства пирамид верил, что умерший после

Каб (на восточном берегу Нила), около древних Абидоса и Фив и на острове Элефантина.

ряда магических церемоний получал возможность видеть все изображенное в его гробнице и как бы заново переживать свою жизнь. Загробную жизнь он представлял как продолжение земной, реальной жизни. Как остроумно заметил египтолог Г. Рюльман, египтяне Древнего царства по существу не имели еще никакого специфического представления о потустороннем мире, в смысле его отличия от земного, потому что оно вытекало из желания сделать смерть недействительной и магическими средствами продлить жизнь до бесконечности [70, стр. 26]. Говоря словами Б. А. Тураева, «египтянин любил жизнь всем существом своим и не мог помириться с мыслью о смерти» [30, стр. 27]. Поэтому он видел свое загробное благополучие в перенесении на тот свет и увековечении земных, окружающих его отношений — семейных, хозяйственных и социальных (речь идет, конечно, о знатном египтянине—вельможе, для которого сооружалась гробница) [3].

Сцены ежедневной жизни, выполненные техникой выпуклого и врезанного на камне рельефа, и сопровождающие их пояснительные надписи в гробницах вельмож только на первый взгляд кажутся простыми и понятными. Ученые (Ю. Я. Перепелкин, Г. Шефер, П. Монтэ, А. Эрман, Г. Юнкер, Л. Клебс и др.) приложили много труда, чтобы правильно прочесть эти надписи и понять смысл изображенного. Лишь сравнительно недавно было установлено, что рельефы на стенах гробниц показывают вельможеское хозяйство, «собственный дом» («пер-джет»), существовавшее еще при жизни владельца гробницы [20; 28]. А до того долгое время термин «пер-джет» переводили как «дом вечности» и понимали как обозначение либо гробницы, либо только заупокойного хозяйства вельможи.

Крупные вельможеские хозяйства наряду с царскими и храмовыми хозяйствами были ведущими в Древнем царстве. Они состояли из центральной усадьбы и владений (дворов и селений), разбросанных по разным областям (номам — греков) Верхнего и Нижнего Египта. Во многих гробницах на восточной стене культовой ком-

[3] Простые люди были не в состоянии делать себе гробницы, их по-прежнему хоронили в ямах-могилах. Только со второй половины Древнего царства низшие жрецы, мелкие служащие и мастера-ремесленники начали сооружать себе гробницы со склепами.

наты и в некоторых припирамидных храмах Древнего царства сохранились своеобразные изображения дворов и селений вельможеских и царских хозяйств в символическом персонифицированном виде как процессии их «представителей» — мужчин и женщин в праздничной крестьянской одежде с корзинами на головах, наполненными различными съедобными приношениями; в более поздних гробницах они ведут за собой на веревках крупный и мелкий скот, прирученных и откормленных диких животных, несут на руках, в сетях и в корзинах птицу и рыбу. Ученые установили, что рядом с символически изображенными дворами и селениями написаны их названия с указанием местонахождения в Нижнем или Верхнем Египте, реже — наименования областей, в которых они были расположены. Если дворы и селения составляли царское хозяйство, в состав их наименований входило имя царя — их собственника или его предков. Вельможеские дворы и селения тоже могли называться царскими именами, если они были пожалованы царем вельможе. В надписях около изображений вельможеских дворов и селений всегда указано, в чей «дом собственный» они входили. Среди вельможеских и царских дворов и селений изображены также «дворы двойника» — владения, специально посвященные заупокойному культу владельца гробницы.

Основная особенность гробничных рельефов Древнего царства заключается в художественном изображении на них многочисленных сцен трудовой деятельности работников вельможеских хозяйств, за которой наблюдает сам вельможа с помощью своих сыновей, братьев и служащих. Трудящийся люд изображен на них не сам по себе, а как составная часть домохозяйства вельможи — его рабочая сила, без эксплуатации которой оно не может функционировать. Как показывают пояснительные надписи, сопровождающие изображения, работники хозяйств вельмож были их «собственными» людьми, в состав которых входили подневольная «челядь» («мерет») и домашние рабы («баку»). От работы этих людей зависело благосостояние вельможеских хозяйств, почти полностью обеспечивавших свои нужды собственным производством. Созидательный труд непосредственных производителей вельможеских хозяйств, организуемый вельможей и его служащими, составлял важнейшую и неотъемлемую часть его общественной жизни, которую он

стремился перенести в свое загробное существование и тем самым увековечить. Ни одна другая древняя цивилизация не оставила столько изображений трудовых процессов, как египетская. Столь пристальное внимание египетской знати Древнего царства к простому труду объясняется не особым уважением к трудящемуся люду, а стремлением полнее воспроизвести на том свете социальные и экономические отношения земной жизни.

Гробничные рельефы Древнего царства открывают нам в значительной степени еще до сих пор загадочный мир основных производителей материальных ценностей египетского общества времени строителей пирамид, втянутых в крупные частные хозяйства вельмож. Они показывают древние способы и навыки работы земледельцев, пастухов, садовников, виноградарей, огородников, охотников, птицеловов и рыболовов, зернотерщиц, пекарей, пивоваров, виноделов и поваров, ремесленников — горшечников, металлургов, ювелиров, столяров, каменщиков и сапожников, художников и скульпторов, а также организацию многих из них в отряды во время работы во главе с надсмотрщиками. Египетские художники показывают работников всегда в труде и движении, не пренебрегая и живыми жанровыми сценками из их жизни и быта. Хотя на рельефах и встречаются сцены избиения людей, плохо справившихся со своей работой, они должны были производить скорее впечатление порядка, чем произвола, с точки зрения вельмож — владельцев гробниц. А в целом создавалась картина истово работающих в мире и счастии для блага вельмож. Тяжелая эксплуатация работников показана лишь намеками. Такую картину и жизнь хотели иметь перед своими глазами вельможи после смерти.

Живому, подчас с натуралистическими подробностями, изображению работников противопоставлен строгий официальный стиль изображения знатных лиц на гробничных рельефах, при этом с учетом занимаемого ими положения в обществе. Владелец гробницы — вельможа всегда изображен бо́льшим по масштабу, чем его служащие, а особенно работники. Он обычно наблюдает за работами, сидя или стоя под балдахином, в определенной позе, с посохом в руке, в сопровождении жены и детей; слуги приближаются к нему с благоговением. Для осмотра работ слуги приносят его обыкновенно в паланкине или на носилках. Надсмотрщики изображены в

меньшем масштабе, чем вельможа, но в бо́льшем, чем работники, тоже в определенной позе, с палицей и ремнем в руках, иногда с собакой. Так проявляется в древнеегипетском искусстве социальная направленность, подчеркивающая непроходимую пропасть между господином и его подвластными работниками.

Для того чтобы познакомиться со всеми памятниками Египта только Древнего царства, т. е. эпохи строительства пирамид, нужно проехать весь Египет от Каира до Асуана и часть Судана до второго порога, побывать в Египетском музее Каира (эль-Антикхана), где они занимают значительную часть первого этажа и несколько комнат второго, в Британском музее (Лондон), Лувре (Париж), в Берлинском и Дрезденском музеях и в наших отечественных — Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (Москва), Государственном Эрмитаже (Ленинград), где среди богатых коллекций более поздних эпох имеются также некоторые оригинальные памятники исследуемого периода, в том числе саркофаги, рельефы, печати и статуэтки. Такое путешествие заняло бы несколько месяцев и принесло бы пользу лишь в том случае, если бы турист, заинтересовавшийся эпохой строительства пирамид в Египте, сумел бы к нему подготовиться соответствующим образом.

Автор данной книги поставил себе задачу совершить вместе с заинтересованным читателем такое путешествие в древнейшую цивилизацию, отдаленную от нашего времени 5000 лет, как спутник, в руках которого находится ключ, позволяющий понять сложный язык памятников,— достижения нескольких поколений ученых в науке, именуемой египтологией.

ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

В эпоху развитого неолита (V тысячелетие до н. э.) египтяне научились выращивать зерновые культуры — ячмень и пшеницу-эммер[4], которые служили для приго-

[4] Пшеница-эммер — двузернянка, один из видов полбы, которую греки называют также олирой. Она менее требовательна, чем настоящая (голозерная) пшеница, которая вытеснила в Египте эммер лишь в греко-римский период, когда на полях стали использовать водоподъемные машины (сакие, архимедов винт). В современном Египте эммер не выращивают.

товления их основной пищи на протяжении всей древнеегипетской истории вплоть до греко-римского периода. Зерна ячменя и эммера были обнаружены археологами в хозяйственных ямах неолитических поселений Омари и Меримде, расположенных в юго-восточной и юго-западной частях Нижнего Египта, а также в Фаюме, Тасе и Бадари — на севере и юге Верхнего Египта. Земледельцы неолитических поселений не могли заимствовать навыки по выращиванию зерновых культур ни в Передней Азии, поскольку для эпохи неолита не установлены связи этой страны с Палестиной или Двуречьем, ни в Эфиопии, где самые древние следы земледелия датируются лишь III тысячелетием до н. э. Дикорастущие этих злаков могли произрастать в Северной Африке. Здесь в эпоху неолита был более влажный климат. Поэтому ученые полагают, что земледелие в Египте развивалось самостоятельным путем [6, стр. 140—142].

Неолитические поселения тасийцев и ранних бадарийцев в южной части Верхнего Египта были расположены еще не в самой долине Нила, а на пустынных ныне нагорьях, окаймляющих ее, которые в те времена были покрыты роще-степной растительностью, напоминающей современную саванну. В дождливую эпоху неолита долина Нила изобиловала густыми лесами, а ее низкие земли на границе с саванной оставались заболоченными после спада паводковых вод; они были покрыты зарослями тростника и папируса. Полагают, что поля, обрабатываемые тасийцами и бадарийцами, находились выше равнинной части долины. Во время мощных тогда разливов Нила они орошались и осушались естественным образом, а при меньших паводках зависели от осадков, которые в те времена выпадали в виде сильных дождей и в Верхнем Египте.

В эпоху энеолита (конец V—IV тысячелетие до н. э.) ранние земледельцы осушили долину Нила и очистили ее почву от зарослей леса, тростника, папируса и других болотных растений. При раскопках г. Ермонта были найдены остатки деревьев, росших выше уровня паводков Нила, и большое количество каменных топоров и тесел, служивших для вырубки леса. К концу первого (амратского) додинастического периода (в начале IV тысячелетия до н. э.) в связи с уменьшением дождей русла пересыхающих рек (вади) стали заполняться песком, окаймлявшие их рощи и деревья постепенно исчезали.

Роще-степная растительность нагорий сначала к востоку, позднее — к западу от долины Нила постепенно сменилась степями. Травы степей летом высыхали под горячими лучами солнца, появлялись пустыни. Вместе с исчезновением растительности в областях, сопредельных с долиной Нила, их постепенно покидал и животный мир саванн.

Ухудшение природных условий жизни ранних земледельцев нагорий к западу и востоку от Нила могло ускорить процесс их расселения по берегам реки и стимулировать борьбу с болотами и зарослями долины. Усовершенствование каменных орудий труда и появление медных позволило населению изготовлять из дерева и камня гораздо большее количество орудий, необходимых для землекопных работ и вырубки зарослей (мотыг, тесел и топоров), что намного повысило производительность труда. На естественных холмах вдоль берегов Нила археологи обнаружили поселения ранних земледельцев второго (герзейского) додинастического периода (IV тысячелетие до н. э.), которые перешли к оседлому образу жизни. Они научились использовать паводки могучей реки для нужд земледелия путем сооружения примитивных земляных валов, удерживающих на полях естественно разлившиеся воды паводка.

Покрытая болотами и озерами дельта в целом была освоена позднее долины Нила, но земледельцы и рыбаки ее южных окраин и прилегающей Фаюмской области раньше перешли к оседлости, чем население юга Верхнего Египта. Поселения ранних земледельцев Меримде и Фаюма были обнаружены археологами на песчаных холмах. Полагают, что их поля были расположены главным образом на островах. Когда они перешли от болотного земледелия к сооружению осушительных каналов, неизвестно. Но ранняя оседлость населения позволяет предположить, что ирригационные работы могли быть начаты здесь [24, стр. 170].

В результате длительного опыта осушительных работ в дельте и долине Нила тяжким и мучительным трудом земледельцев была создана основа сложной бассейновой системы орошения. Она образовалась не сразу, а постепенно, путем сооружения земляных валов, окружающих поля, дамб и плотин [2, стр. 67]. Для создания бассейновой системы орошения, позволявшей задерживать на полях воду паводка (необходимое для посева

время, наблюдательные древнеегипетские земледельцы сумели использовать особенности водного режима Нила и характер рельефа страны. Во время регулярных ежегодных разливов Нила (с июня по октябрь) воды паводка выходили из русла реки и заливали берега до края пустынных нагорий, которые в те времена были покрыты саванно-степной растительностью. Паводки Нила вызывались таянием снегов в Абиссинских горах (Эфиопия), где брал свои истоки Голубой Нил, и тропическими ливнями в районе Великих озер Центральной Африки, откуда вытекал Белый Нил. Голубой Нил и его приток Атбара стремительно несли огромные массы весенней воды. Воды Белого Нила при слиянии с более бурным Голубым Нилом отбрасывались обратно к Хартуму, широко разливаясь и образуя естественный водоем, который способствовал медленному спаду паводка в Египте и препятствовал его высыханию в период низкой воды [62, стр. 9]. Воды паводка не только орошали почву, но и удобряли ее плодородным илом — тучным черноземом, состоящим из органических остатков и минеральных частиц. На высоких берегах реки ил откладывался более толстым слоем, создавая рельеф долины, понижающийся к пустынным ныне нагорьям (в северо-западном направлении), который способствовал самотечному затоплению естественно орошаемых полей [35, стр. 82—100].

Сохранение бассейновой системы орошения до настоящего времени на части территории Верхнего Египта [5] позволяет судить о принципах ее устройства в древности, но лишь в общих чертах. Долина Нила между берегом реки и возвышенностями пустыни была разделена поперечными и продольными насыпями, плотинами и дамбами на бассейны разной величины (от 2 до 40 тыс. египетских федданов [6]) [33, стр. 12—16; 2, стр. 67—73]. Сквозь высокие берега Нила, первоначально естественные (позднее для лучшего удержания воды на полях их стали искусственно повышать насыпями) [7], прорывали короткие каналы для поступления воды в бассейны и для ее постепенного спуска. Насыпи, возведенные перпендикулярно реке, направляли воды паводка в бассейны.

---

[5] Если смотреть на долину Нила сверху, с самолета, она напоминает шахматную доску, разделенную на квадраты.

[6] Т. е. от 840 до 16 800 *га* (1 феддан = 0,42 *га*).

[7] Поэтому в текстах Среднего и Нового царств «берег» часто бывает назван дамбой («мерит»).

небольшими земляными валами внутри бассейнов вода распределялась по полям.

Ко времени Раннего царства (XXX—XXVIII вв. до н. э.) в основном было завершено сооружение бассейновой оросительной системы в долине Нила — ее плодородные земли стали использовать под пашни. Продолжался процесс освоения и осушения в значительной степени еще заболоченной дельты, покрытой богатыми луговыми пастбищами для скота; в ее западных и восточных областях были разбиты многочисленные виноградники, сады и огороды, в центральных областях начали сеять зерновые культуры. Ирригационные работы засвидетельствованы уже изображением на каменной булаве из Иераконполя додинастического царя Скорпиона [68, табл. XXVI с, 8; 26, рис. 2]. В передаче Геродота сохранилась легенда о том, что царь I династии Мена[8], которому древнеегипетская традиция приписывает объединение Египта, соорудил выше Мемфиса плотину на Ниле, направив его воды по новому руслу и осушив прежнее русло. Здесь был построен город «Белые стены» («Инбу-хеджу») — будущая столица Египта Древнего царства, известная под греческим названием Мемфис. Согласно рассказу Геродота, Мена обвел город озером, наполненным водами Нила (II, 4). Плотина, возведенная на Ниле возле Мемфиса, упоминается в повествовании царя Камоса (XVII династии) о борьбе с гиксосами (на табличке Карнарвона) и в одном греческом папирусе III в. до н. э. Во времена Древнего царства Фаюмское озеро называли «Южным», что позволяет предположить существование и «Северного», которое могло находиться возле Мемфиса. На памятниках Раннего царства многократно засвидетельствованы знаки пиктограмм, показывающие каналы, водоемы и землю, разделенную на бассейны. Полагают, что древний титул «управляющего» («адж-мер») первоначально был связан с ирригационными работами и обозначал «копающего канал», который ведал рекрутированием рабочей силы для рытья каналов и водоемов[9] [21, стр. 233—249; 62, стр. 22].

---

[8] Царя Мена идентифицируют с первым царем I династии Нармером или, что кажется нам более вероятным, с царем Хор-Аха, преемником царя Нармера.

[9] Позднее знак «канала» стал заменять знак искусственно вырытого водоема и служить определителем в знаке «орошаемой земли».

Население дельты было окончательно замирено и вся страна объединена в двуединое государство «Нижнего и Верхнего Египта» лишь в конце II династии. Объединение хозяйства Нижнего и Верхнего Египта в масштабах всей страны сыграло настолько большую прогрессивную роль в развитии сельского хозяйства страны, что позволило во времена Древнего царства вести грандиозное строительство великих пирамид. Ирригационное земледелие стало основой древнеегипетского хозяйства. Объединение страны в одно целое было необходимо для поддержания в порядке, а также для расширения и усовершенствования огромного ирригационного хозяйства страны.

Для Древнего царства можно говорить уже об искусственном орошении земель, недоступных естественному паводку, путем подведения к ним воды по большим искусственно вырытым каналам. Ирригационные каналы упоминаются в одном из «Текстов пирамид» при описании разлива Нила: «Открыт канал кормилиц, наводнен изогнутый канал, наполнены поля ситников водой» [72, пир. 343а]. В другом «Тексте пирамид» различаются простые каналы и головные протоки: «Заполнены каналы („меру"), затоплены протоки („итру")» [72, пир. 848]. О прорытии каналов сообщает в своей автобиографической надписи Нехбу — «начальник всех царских работ» царя VI династии Пиопи I [73, стр. 215—219]. В Дахшурском указе царя Пиопи I (VI династии) говорится об «учете каналов, прудов, колодцев, бурдюков и сикомор» [73, стр. 212]. В надписи номарха XIII (Сиутского) нома Ахтоя I (Первого Переходного периода от Древнего царства к Среднему) подробно описываются ирригационные работы, проведенные в номе под его руководством: «Сделал я замену реке (т. е. канал, проток), десять локтей (в глубину), для которого выкопал я (русло) по хебсу (искусственно орошаемым землям?)... Оборудовал я ворота (т. е шлюз?) его... Сделал я канал, обведенный плотиной, для города этого Верхнего Египта, высокие земли которого не видели воды... Сделал я высокую землю низкой пашней. Заставил я течь Нил на пустынную землю...» [42, стр. 3—10]. В надписи идет речь о превращении «высоких земель» и других, недоступных естественному орошению, в искуственно орошаемые путем прорытия большого глубокого канала-протока, сооружения плотины и, может быть, шлюза [2, стр. 70]. Выражение «отделять

плотиной» («джени» с определителем мотыги или плотины) встречается также в «Текстах пирамид» [72, пир. 278, 941]. Должность «начальника ворот (т. е. шлюзов) великого зеленого (Фаюмского озера)» упоминается в надписях позднего времени. В литературе Древнего царства — «Поучении» везира V династии Птаххотепа мудрец сравнивает рассерженную жену с потоком воды и советует «сделать для него канал» [75, стр. 43, 88].

Об освоении дельты и осушении ее заболоченных местностей во времена Древнего царства свидетельствует частое упоминание в надписях «вновь основанных поселений» («гергет») с указанием местности. Рисунок идеограммы, обозначающей «вновь основанное поселение», показывает выкопанный пруд с покатыми склонами, т. е. искусственно устроенный. Знак мотыги, воткнутой в пруд, указывает на то, что первоначальное значение термина было связано с освоением новых земель, поскольку мотыга была основным орудием для очистки земель от зарослей папируса и болотных трав, а также для выкапывания прудов и каналов [25, стр. 41].

Создание ирригационной системы потребовало не только огромного труда и навыков в работе, но и большого развития знаний в области астрономии, математики, гидравлики и строительного дела. Поскольку земледелие в древнем Египте было основано на бассейновой системе орошения, годовой цикл работ египетских земледельцев был тесно связан с водным режимом Нила. С древнейших времен земледельцы, а позднее астрономы Египта вели наблюдение за первым ранним восходом на небе звезды Пса (Сириуса), который сопутствовал поднятию вод Нила и знаменовал начало нового года. На основании этих наблюдений был изобретен сельскохозяйственный календарь. Он делился на три времени года по четыре месяца каждый: «половодье» («ахет»), «выхождение» («перит») и «сухость» («шему»). Как показывают сами наименования времен года, они соответствовали водному режиму Нила и связанным с ним сельскохозяйственным работам. Календарный год древних египтян, состоящий из 365 дней, был переходным (он расходился с астрономическим годом на $^{1}/_{4}$ дня), поэтому времена года могли приходиться на разные месяцы. Новый год, возвещенный Сириусом, совпадал с началом их астрономического года только через 1461 год, составляющий так называемый период Сотиса (греческое название Сириуса). Исходя из

известного начала периода Сотиса в 139 году н. э., ученые подсчитали другие, более ранние даты этого периода [10]. Начало нового периода Сотиса, когда происходило исправление неточностей календарного года древних египтян, с большей долей вероятности можно отнести к 2776 г. до н. э., возможно, к правлению царя Джосера, поскольку его верховным сановником был знаменитый астроном и строитель Имхотеп, обоготворенный в более поздние времена.

Текущие наблюдения египетских земледельцев и пастухов, охотников и рыболовов были сведены воедино жрецами Древнего царства в сельскохозяйственный календарь, который в середине III тысячелетия до н. э. был искусно воспроизведен художниками и скульпторами на рельефах «комнаты времен года» в солнечном святилище царя V династии Ниусерра в Абусире и крытого хода к заупокойному храму царя V династии Униса в Саккара [38, табл. I—XXIII; 47, табл. 1—14; 52, стр. 503—521]. Эти изображения — своеобразные египетские «георгики» [44, стр. 39] — воспевают годовой цикл явлений природы и связанных с ним сельских работ не языком поэмы, а резцом скульптора. Египетские художники и скульпторы сумели блестяще передать на высеченных ими знаменитых расписанных красками рельефах мгновенные, но точные наблюдения простых и в то же время целесообразных навыков и технических приемов египетских земледельцев, пастухов, охотников и рыболовов. Примитивный, но мудрый и полезный сельскохозяйственный календарь времен года можно рассматривать как практическое руководство для различных сельскохозяйственных работ. Например, согласно календарю одни земледельческие работы должны были выполняться во время спаривания тех или иных животных, другие — во время их приплода и т. п. К сожалению, некоторые рельефы «календаря» в солнечном святилище Абусира сильно повреждены, поэтому сохранились изображения далеко не всех примет времен древнеегипетского года. Однако лакуны сельскохозяйственного календаря вполне восполняются столь же детальным и искусным изображением художниками и скульпторами трудовых процессов земледельцев на рельефах в гробницах знати,

---

[10] В 1318 г. до н. э., 2776 г. до н. э. и 4241 г. до н. э. (?)

которые даны в изобилии, поскольку земледелие было основой их хозяйства.

Специальные чиновники наблюдали за уровнем подъема вод Нила во время паводка. Высоту паводка отмечали на ниломерах, установленных в разных местах реки. Результаты наблюдений сообщали верховному сановнику государства и записывали в царские летописи. Ниломер был изобретен уже во времена Раннего царства (начало III тысячелетия до н. э.), о чем говорят записи его данных в локтях и пальцах для времени I—V династий, сохранившиеся в летописи на «Палермском камне», которая была окончательно оформлена в правление царя V династии Нефериркара, одного из предшественников царя Ниусерра [71, табл. I—II; 73, стр. 235—250; 32, стр. 14—26]. Ниломеры Древнего царства находились, вероятно, один — вблизи столицы Мемфиса, скорее всего на том месте, где ниломер сохранился до наших дней,— на острове Родосе (вблизи Старого Каира), другой — на скалах острова Элефантина, возле первого порога. Родосский ниломер представляет собой колодец, выложенный из одинаковых по величине квадратных камней — вода в колодце поднимается и опускается вместе с поднятием и понижением вод Нила; на стене колодца сохранились древние пометки, отмечавшие уровень подъема воды. Описание колодца-ниломера на юге Египта (на острове Элефантина) оставил Страбон [XVII, 48].

Данные ниломеров позволяли заблаговременно предусмотреть размеры паводка, от которого зависел будущий урожай в стране. Известия о подъеме вод Нила гонцы разносили по всей стране, чтобы земледельцы могли подготовиться к паводку. Годичные записи данных мемфитского ниломера в царской летописи на «Палермском камне» свидетельствуют о том, что с 3000 г. до н. э. по 2500 г. до н. э. воды Нила во время паводка поднимались на разную высоту — от одного до восьми локтей, причем средний уровень подъема измерялся четырьмя локтями; текст летописи сообщает также, что при подъеме Нила до восьми локтей и трех пальцев начиналось наводнение — «затопление всех областей (и) людей „рехит“ запада (и) востока дельты», которое имело место во времена II династии [32, стр. 16—23; 71, табл. 1, стк. 3].

Если данные ниломера превышали обычный для того или иного времени уровень паводка, то стране грозило наводнение, при котором могли оказаться затопленными

не только поля, но и селения. Этим объясняется, почему поселения в Египте ютились большей частью на холмах (слова «холм» и «остров» входят в состав многих древних и современных названий поселений).

Но гораздо больше бедствий стране приносил низкий паводок, при котором часть «высоких земель» (искусственно орошаемых) могла остаться неорошенной, вследствие чего ей грозила засуха, влекущая за собой неурожай и голод. Воспоминание об ужасных бедствиях, постигших страну во времена первого царя III династии Джосера в результате того, что «Нил в течение семи лет не приходил», сохранились в рассказе птолемеевского времени «О семи годах голода», записанном на скале острова Сехель.

Сельскохозяйственный календарь, изображенный на рельефах Абусирского храма, указывал земледельцам, что они могли готовиться к паводку, когда в водах Нила появлялись косяки рыб из породы лобанов, так называемых мугилид («ааджу»), плывших из Средиземного моря вверх по реке на юг, до первых порогов возле острова Элефантина. За передвижением рыб наблюдали специальные люди со странным названием «пастухи поля», они, видимо, были обязаны извещать население о появлении лобанов в Ниле [38, табл. IX; 47, табл. 4, 12]. Поразительная точность наблюдения древними египтянами подобного явления природы подтверждается сообщениями античных авторов. Таково, например, высказывание Страбона об этих рыбах (со ссылкой на Аристобула): «Кестреис (греческое название рыбы, соответствующее латинскому „мугил“) втягивались в реку вверх по течению, неся икру, весной, но незадолго до заката Плеяд опять тянулись косяком вниз по реке, по какому поводу ловились и косяком попадали в вершу для жертвы» [XVII, 5]. Закат Плеяд (группы из семи звезд в созвездии Тельца) в те времена приходился на октябрь—ноябрь, т. е. на осеннее время. Кроме общего обозначения мугилид в надписях, сопровождающих их изображение в Абусирском храме, различаются два вида этих рыб («хезкемет» и «хеба»), соответствующих арабским «бури» и «тобар», которые действительно, как установили ученые, ежегодно в мае начинали свое передвижение вверх по Нилу и заканчивали его возвращением в море к концу ноября [11].

[11] С конца XIX в. мугилиды исчезли в Ниле после того, как в

С началом паводка в стране наступало великое ликование, которое так образно воспето в более поздних гимнах Хапи, т. е. Нилу. В надписях Древнего царства Нил характеризуется как кормилец царя и людей, который «стоит во главе Египта». На рельефах из поминального храма царя V династии Сахура и в каменных изваяниях IV династии показаны два Нила — Верхнего и Нижнего Египта, которые выступают как персонифицированно олицетворенные силы природы в виде двух тучных мужчин с отвисшими животами и знаками Нижнего и Верхнего Египта на головах. Они несут царю еду и жертвенные приношения [25, стр. 30—31, рис. 1].

Ландшафт половодья, наблюдаемый как бы с птичьего полета, изображен на рельефе из «комнаты времен года» Абусирского храма: полуостров со святилищем Собка (божества, почитавшегося в образе крокодила) в западной части дельты почти окружен водой, доступ к нему остался лишь по узким сухопутным дорогам справа и слева, но видно, как и они постепенно заливаются водой; косяк рыб из породы лобанов плывет на юг, вверх по течению; весна в разгаре, газели и прочие звери приносят приплод, страусы высиживают яйца [38, табл. IX, XIX; 47, табл. 4, 14]. Во время половодья от поселения к поселению можно было добраться только по насыпям и дамбам ирригационной системы. Картина половодья, изображенная в Абусирском храме, подтверждается его более поздними описаниями, которые оставили нам античные авторы — Геродот и Страбон. Геродот пишет: «Когда же Нил покрывает страну, только отдельные города виднеются над поверхностью, совершенно подобно островам на Эгейском море. И действительно, весь Египет превращается в море, с отдельными городами над поверхностью» [II, 97]. То же говорит Страбон о стране Нижнего Египта: «Она вся скрывается при разливах Нила и, за исключением жилищ, становится морем; последние воздвигаются на естественных холмах или насыпях, так что значительные города и деревни имеют издали вид островов» [XVII, 1, 4].

Из текста одного школьного «Поучения» Нового цар-

---

24 *км* к северу от Каира была сооружена плотина, ее шлюзы в середине февраля крепко закрывались, чтобы поддержать уровень воды в долине Нила к югу от плотины, и преграждали путь весеннему передвижению рыб из моря вверх по реке.

ства (папирус Лансинга), описывающего тяжелое положение египетского земледельца, мы узнаем, что «(когда) вода прибывает, мокнет он (т. е. земледелец) на берегу» [50, стк. 5, 8]. В ирригационных работах принимали участие не только земледельцы, но и все подневольное население страны, отбывающее государственные повинности — «царские работы», работы «на дом царя» и «всякие работы нома». Эти повинности упоминаются в царских указах, начиная со второй половины Древнего царства [25, стр. 45]. Но если отбывающие повинности были заняты на ирригационных работах временно и периодически (большей частью отряды людей работали по три месяца), то земледельцы были обязаны постоянно поддерживать в порядке ирригационную сеть участков, на которых они работали. Дамбы, построенные из земли, осыпались, плотины под напором воды разрушались, каналы засорялись песком и илом, зарастали сорняком. В Восточной пустыне на дне Вади Геррави сохранились остатки огромной каменной дамбы III—IV династии, которая не выдержала первого же напора воды и дала брешь. Дамба была сооружена для сохранения запаса питьевой воды в образуемом ею большом резервуаре, в который вода проникала по небольшим каналам, прорытым на дне вади [25, стр. 46].

Перед паводком ирригационную систему приводили в порядок: дамбы, по которым проходили сухопутные дороги, восстанавливали и укрепляли посадкой деревьев и кустарников, что нашло свое отражение в знаке «дороги» [33, стр. 12]; каналы очищали и углубляли. Об ирригационных работах египетских земледельцев позволяет судить вышеупомянутое изображение на каменной булаве царя Скорпиона. По обеим сторонам канала, или протока, огибающего бассейн с полем и пальмой, три человека, стоя по щиколотки в воде, укрепляют насыпи: один работает мотыгой, двое других — просто руками; на другом берегу протока стоит царь с мотыгой в руке, а рабочий человек, изображенный, как обычно, в меньшем масштабе, протягивает ему корзину с землей [68, т. I, табл. XXVIc, 8; 25, рис. 2]. Землекопные и ирригационные работы, как показывает изображение на булаве царя Скорпиона, производились с помощью примитивных орудий труда — деревянной мотыги и корзины — или даже без них, голыми руками. Предполагают, что найденные археологами каменные и кремневые наконечни-

ки мотыг периодов неолита и энеолита предназначались именно для копки, а не для земледельческих работ.

Во время паводка земледельцы следили за наполнением бассейнов водой. Когда вода заполняла поля бассейнов до уровня трех-четырех локтей, каналы, через которые она поступала, закрывали камнями и засыпали землей. В бассейнах паводковую воду задерживали около двух месяцев, пока не оседал ил и почва не пропитывалась влагой. Освобожденную от ила воду медленно спускали по дренажным (спускным) каналам.

К октябрю половодье медленно спадало. В условиях бассейновой системы орошения в древнем Египте практиковали простейший севооборот (с одним урожаем в год), при котором земля отдыхала под паром около пяти-шести месяцев. За это время аллювиальная почва, истощаемая ежегодными посевами зерновых культур на одних и тех же участках земли, успевала восстановить свое плодородие — насыщалась водой и удобрялась новыми отложениями ила, которые под воздействием солнечных лучей обогащали ее соединениями азота и фосфора. Сразу же после спада половодья в октябре — ноябре, в период «выхождения», начинались полевые работы земледельцев, сначала в Верхнем Египте, затем в Нижнем.

Хозяйственные особенности Нижнего и Верхнего Египта, объясняемые различным характером их природных условий [24, стр. 177—179], развились во времена Древнего царства в направлении специализации сельского хозяйства: «Нижнему Египту с землями, отчасти засеянными злаками, отчасти занятыми садами, лугами, болотами, Верхний Египет противостоял как преимущественно хлебный край. Обе половины страны в хозяйственном отношении дополняли друг друга» [5, стр. 160—161]. С эпохи неолита и до Среднего царства (XXII в. до н. э.) посевы ячменя («ит»), более устойчивой к засухе культуры, преобладали над посевами влаголюбивого эммера («бедет»). Такие качества ячменя и эммера были замечены земледельцами Древнего царства, поскольку практиковались смешанные посевы этих злаков (более устойчивый ячмень как бы защищал эммер), несмотря на то что уже с эпохи неолита египтянам были известны и раздельные посевы. На выращивании зерновых культур, особенно менее требовательного ячменя, специализировался Верхний Египет [69, стр. 817]. Нижний Египет, бо-

лее богатый лугами, садами и виноградниками, с конца Раннего царства тоже стал засеваться зерновыми культурами, преимущественно влаголюбивым эммером. В надписях Древнего царства кроме «верхнеегипетского ячменя» упоминается и «нижнеегипетский ячмень» [25, стр. 49; 51, т. VI, стр. 54, 444]. Оба наименования соответствуют двум различным сортам ячменя: шестирядному и двухрядному. Шестирядный ячмень имел большее распространение и употребление, чем двухрядный; из него выпекали основные сорта хлеба и приготовляли пиво — излюбленный напиток древних египтян. Двухрядный ячмень мог быть во времена Древнего царства заимствован египтянами из Передней Азии.

Во времена Раннего царства египтяне также заимствовали из Передней Азии и настоящую (голозерную) пшеницу («сут»). Но эта более требовательная, чем эммер, и истощающая почву культура не получила большого распространения в Египте до греко-римского периода, хотя хлеб из нее изготовляли высшего качества. Она редко упоминается в надписях, и зерна ее были обнаружены в очень небольшом количестве. Во времена Древнего царства выращивали также особый вид полбы («беша»), употреблявшийся для приготовления пива. Из технических и масличных культур египтяне с эпохи неолита культивировали лен, как ради его волокон для пряжи, так и с целью получения семян, из которых приготовляли льняное масло.

Открытие все новых и новых фактов удивительной наблюдательности и пытливой изобретательности древних египтян, сумевших изыскать рациональные методы ведения хозяйства и способы повышения производительности труда уже на заре египетского государства, позволяет пересмотреть распространенное в науке мнение о застойном характере древнеегипетского земледелия.

Способ посева древнеегипетских земледельцев существенно отличался от практикуемого в Европе, что было подмечено еще «отцом истории» Геродотом: «Теперь они (т. е. египтяне, проживавшие „ниже Мемфиса“) действительно собирают земные плоды с меньшим трудом, нежели прочие народы и остальные египтяне: они не трудятся над тем, чтобы провести борозды плугом, чтобы взрыхлить землю мотыгой или исполнить какую-либо другую работу над пахотным полем, обязательную для всякого иного народа. Сама собой река наводняет и оро-

шает поля, а оросивши, вступает обратно в свои берега; тогда каждый засевает свое поле и пускает на него свиней, которые и втаптывают семена в землю». Если отбросить наивно-преувеличенное представление Геродота о легкости труда египетского земледельца, то наблюдаемый им способ посева в дельте — без предварительной обработки почвы — соответствовал и древнеегипетской действительности [12]. Такой способ сева был возможен в хорошо орошаемой местности, земли которой долго оставались под водой во время паводка и покрывались значительным слоем ила.

Если после спада паводка вода продолжала оставаться на поле, вследствие чего земля долгое время была в состоянии жидкой грязи, сеятель бросал зерно прямо под ноги стаду овец и баранов, которых выпускали на засеянное поле для втаптывания зерна в землю и уплотнения почвы. Стада состояли из трех — десяти гривистых длинноногих овец и двух баранов — вожака, идущего во главе стада, и замыкающего стадо. Уплотняя почву и втаптывая зерно в землю, стада овец и баранов, по существу, выполняли работу бороны, которую можно часто встретить на полях современного Египта. За стадом бежали погонщики — от трех до шести человек. Они загоняли овец и баранов в топь с помощью палок или веток с колючками в одной руке и толстых бичей, сплетенных из кожаных ремней, в другой, размахивая ими высоко в воздухе над головами [78, т. III, табл. 44, 45, 46, 47, 51, 53] [13].

Иногда стадо заманивал в жидкую топь «пастух овец», протягивая на ладони горстку зерна (ячменя) или соли идущему впереди барану — вожаку стада и ласково уговаривая его: «Держись рядом со мной!» «Пастух овец», с сумкой зерна или соли на шее, в завязанной сзади узкой набедренной повязке, а иногда совсем голый, как и сеятель стоял по лодыжки в жидкой грязи, в которую погружалось стадо, послушно следуя за ним. Часто животных заманивал в топь мальчик. Увязая в

[12] Сообщение Геродота о свиньях, втаптывающих в его время посеянное зерно в землю, подтверждается изображениями поздних Фиванских гробниц.

[13] Погонщики обычно изображены бегущими друг за другом позади стада. Но это только художественный прием скульптора, стремящегося сделать видимым каждого работника. На самом деле погонщики бежали рядом друг с другом, прогоняя по полю, вероятно, не одно, а несколько стад.

мягкой топи, пастухи пели знаменитую песенку, слова которой высечены над их изображением: «Пастух в воде вместе с рыбами, он говорит с сомом, он обменивается приветствием с предводительницей рыб (оксиринхом). Запад? Ты оттуда, пастух?.. пастух Запада» [14] [78, т. III, табл. 45, 46, 51, 53]. Эта песня свидетельствует о том, что уже в представлении египтян Древнего царства культ Осириса воспринимался как культ бога умирающей и воскресающей природы и связывался с сельскохозяйственными процессами труда, придавая началу сева значение мистерии смерти и возрождения.

Иногда стадо скота, видимо, недостаточно глубоко прикрывало посеянное зерно, тогда за ним следовала еще упряжка из двух быков или коров, тянувших легкую деревянную соху. В этом случае соха имела особое назначение — она не рыхлила почву, которая пребывала еще в состоянии жидкой грязи, а дополнительно прикрывала посеянное зерно землей, погружая его глубже в почву. Бывало вслед за сохой на пашню опять выгоняли стадо овец и баранов, по-видимому для дополнительного уплотнения жидкой почвы и укрепления в ней зерна. Объяснение такого способа посева можно почерпнуть из текстов школьных «Поучений» Нового царства, описывающих злоключения земледельцев: не прикрытое сразу землею зерно могло засохнуть под палящими лучами египетского солнца и не дать побегов, оно оставалось при этом «красным» и «твердым как камень»; кроме того, не прикрытое землею зерно склевывали многочисленные в Египте птицы [9, стр. 152]. В связи с таким назначением сохи —прикрывать посеянное зерно, а не рыхлить почву — работа земледельца обозначена в надписях тем же термином, что и утаптывание зерна стадом: «прикрывать (зерно)» («сека») [66, стр. 184; 57, т. VI, стр. 67—

---

[14] «Пастухом Запада» обычно называли Осириса — египетского бога мертвых; он был пастырем народа, который научил обрабатывать землю и выращивать хлеб; убитый своим братом Сетом и брошенный в Нил к рыбам, он был воскрешен преданной любовью и магическими действиями своей сестры и супруги Исиды. Воскресший Осирис стал пастырем Запада — царства мертвых. Культ бога умирающей и воскресающей природы Осириса, олицетворяющий его с зерном, известен из Текстов Саркофагов Среднего царства: «Я живу, я умираю, я — зерно...» [IV, 169]. Зерно погружается (т. е. «погребается») в землю. В мифе об Осирисе и Исиде, записанном позднее Плутархом, он предстает олицетворением влажной стихии и Нила [44, стр. 10].

68; 25, стр. 55—56], «прикрывать (зерно) сохой», «прикрывать (зерно) овцами» [46, табл. 15]. Но на обыкновенных хорошо орошаемых землях, которые не было нужды уплотнять, посевное зерно, брошенное в почву сеятелем, прикрывалось сначала сохой, в которую была запряжена пара быков или коров, а затем уже дополнительно втаптывалось в почву стадами овец и баранов [66, табл. 28].

В условиях сухого и жаркого климата в Верхнем Египте, особенно на его юге, после спада воды почва быстро высыхала, растрескивалась и на ее поверхности образовывались затвердевшие комья земли. На высоких землях, где паводок пребывал временно и недолго, почва оставалась плотной после спада воды. Новые целинные земли покрывались буйно растущими сорняками. Такие земли нуждались в тщательной подготовке, поэтому, прежде чем сеять, работники разбивали комья земли мотыгами с заостренными или лопатообразными наконечниками. За ними шел пахарь с упряжкой коров (или быков) и сохою раздвигал уже мелкие комья земли в неглубокие борозды. И только за пахарем шел сеятель с сумкой зерна, перекинутой через плечо, и, как обычно, разбрасывал высоко поднятой правой рукой зерно. Посеянное им зерно втаптывали в землю стада овец и баранов, за которыми еще следовала женщина с мотыгой и разравнивала почву, прикрывая посев землею, очевидно там, где это недостаточно хорошо сделали овцы [78, т. III, табл. 95а]. Соха и мотыга служат здесь для рыхления земли. Сохранилось изображение трех работников, разбивающих большой ком земли мотыгами: они стоят лицом друг к другу и все бьют в одно место [78, т. III, табл. 44]. Прикрывают посев опять-таки при помощи мотыги и скота (рис. 1).

Севу, от которого зависел урожай будущего года, в следовательно, и жизнь всего народа, придавалось большое значение. Картины, изображающие руководство посевом, можно встретить на многих гробничных рельефах. Вельможа часто сам присутствует на поле в начале сева: он стоит с длинным посохом в шатре из циновок и наблюдает за работой; «начальник дома» протягивает ему для чтения развернутый лист папируса, видимо, с каким-то отчетом, под рукой он держит другой свиток папируса. «Писец сева» записывает на папирусе количество зерна, выдаваемого для посева, оно стоит перед ним в двух

мешках, сплетенных из травы, один на другом. «Управляющий» покорно подтверждает получение зерна, слегка наклонившись вперед, держа одну руку на плече, другую поднося ко рту. Сеятель в короткой узкой юбочке в отличие от писца и служащих, одетых в длинные широкие передники-юбки (до колен), стоит за управляющим; через плечо у него перекинута сумка с посевным зерном (на сумке не видно полос плетения, вероятно она из кожи). Левой рукой сеятель поддерживает сумку, правой разбрасывает посевное зерно [78, т. III, табл. 53]. Сеятель на другом рельефе (конца III династии) увенчан венком из каких-то растений, маленькая кожаная сумка с семенами висит у него на шее, правой рукой он сеет, левой поднял бич из плетеных ремней [66, табл. 28].

Деревянная мотыга в Египте была древнейшим и основным орудием для обработки земли. Ее изображение дошло до нас уже на додинастических памятниках — шиферных палетках и булаве царя Скорпиона, а кремневые и каменные наконечники — от эпохи неолита. Судя по изображениям, мотыга была сделана из двух кусков дерева, плотно прикрепленных друг к другу под острым углом при помощи веревки или кожаного ремня. В картинных знаках иероглифов нашла свое отражение не только мотыга, изготовленная из двух кусков дерева, но и ее самая примитивная форма — из раздвоенного сука. Мотыги с длинными деревянными наконечниками заостренной формы и широкой деревянной ручкой хорошо видны на рельефе гробницы Тии V династии (рис. 1).

Изобретение сохи в конце IV тысячелетия до н. э. было большим шагом вперед в технике полеводства. Первое изображение сохи дошло до нас в летописи на «Палермском камне» в виде иероглифического знака в имени одного додинастического царя. Картинные знаки сохи на памятниках Раннего царства показывают две ее формы: примитивную архаическую соху, напоминающую остроконечную мотыгу с прямой рукояткой (такая соха изображена на одном рельефе Древнего царства — в нее запряжена овца), и соху обычной уже для Древнего царства формы с двумя изогнутыми рукоятками и длинным дышлом — в нее запрягались быки и коровы. Иероглифический знак, отразивший в себе форму второй сохи, сохранился и в письменности более поздних периодов. Соха была деревянной, она изготовлялась из местных пород твердого дерева (тамариска, акации), а от-

дельные части скреплялись между собой веревками или ремнями. Во времена Древнего царства соха была недостаточно устойчива: изогнутые рукоятки не были еще скреплены между собой перекладинами, дышло было слишком свободно подкреплено веревкой к сошнику, большей частью сбоку и поэтому могло «играть».

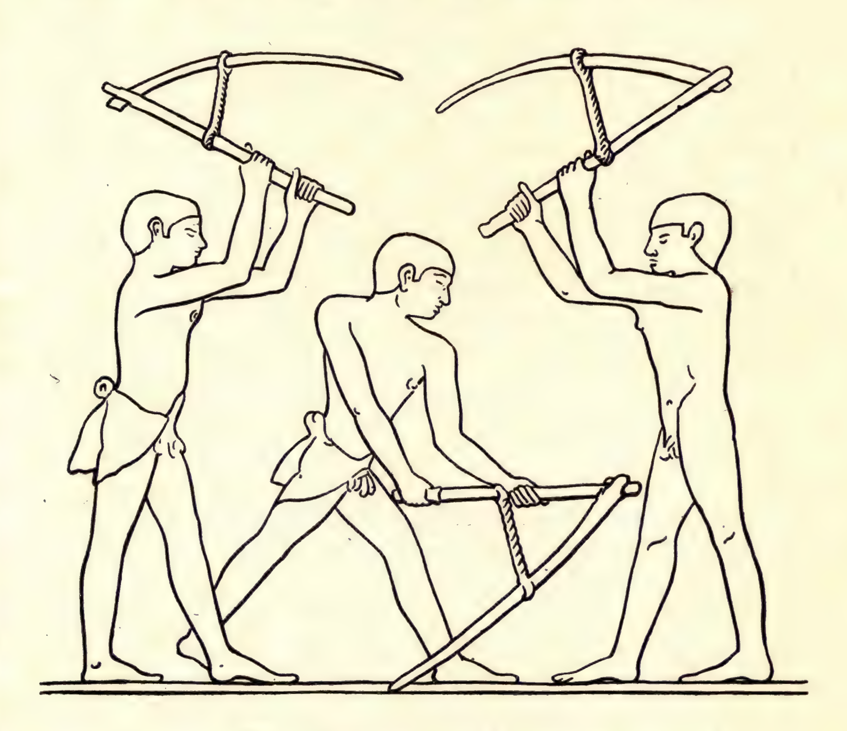

Рис. 1 Обработка земли мотыгами

В соху запрягали чаще коров, чем быков, поскольку более спокойными коровами было легче управлять и для пахоты аллювиальной почвы от тягловых животных, видимо, не требовалось большой силы. Для упряжки годились только рогатые коровы и быки (в те времена в Египте искусственно вывели породу комолого скота), так как ярмо накладывали на лоб животных и прикрепляли веревкой к рогам; к середине ярма привязывали дышло, прикрепленное другим концом к сошнику. Су-

дя по гробничным рельефам Древнего царства, пахали на разномастных коровах и быках крупной среднерогой и длиннорогой породы (с красивыми лирообразными рогами). Работа пахаря была тяжелой. Рельефы показывают его фигуру согнутой над сохой, на рукоятки которой он напряженно опирается руками. Все внимание и все силы пахаря были сосредоточены на том, чтобы удержать сошник в тягучей и вязкой почве, ведя соху по прямой линии и поворачивая ее обратно. Поэтому животных, тянувших соху, направлял и подгонял обычно не пахарь, а другой работник, который шел сбоку от упряжки, положив одну руку на спину быка или коровы, другой размахивая палкой, или же держал палку высоко над головой обеими руками. При этом он кричал то на скот, то пахарю: «О! Поднимайся! Под тобой работница» (т. е. смотри под ноги), «О! Иди!» (оба обращения к скоту), «Сажай плуг, сажай его!» (т. е. нажимай на соху — обращение к пахарю). Иногда пахарь кричал погонщику: «Бей эту!» (т. е. корову) [78, т. III, табл. 44, 45, 51, 53, 54,; 66, стр. 189]. И пахари и погонщики работали либо совсем голыми, либо в коротких завязанных сзади набедренниках [78, т. III, табл. 44, 51, 53] (рис. 2). Шею погонщиков часто украшали цветы голубого лотоса.

С течением времени соху и упряжку совершенствуют. В Среднем царстве крупный сошник, крепко соединенный с дышлом, и перекладина между прямоугольно согнутыми рукоятками сделали ее более устойчивой. На сошники иногда накладывают бронзовые наконечники.

В Новом царстве значительно усовершенствовали форму и устройство сохи, она стала устойчивым и более производительным орудием пахоты. Рукоятки сохи сделали более высокими, чтобы пахарю не нужно было нагибаться, вертикальными, с отверстиями для рук пахаря в верхней части, соединили их четырьмя поперечными перекладинами для крепости. Под нижней перекладиной закрепили один конец дышла с помощью кляпа, соединив его веревочным креплением с сошником. Когда пахарь нажимал на крепкие рукоятки сохи, он тем самым надавливал последней перекладиной на дышло, которое с большой силой рычага вдавливало сошник в почву. Но способ обработки земли сохою во времена Среднего и Нового царств оставался тем же, что был и во времена

Древнего царства: соха по-прежнему обрабатывала только верхний слой почвы, либо рыхля его, либо покрывая посев, но не переворачивая пласты земли лемехом, как это делал плуг в странах Европы. Соху в древнем Египте по традиции обычно называют плугом, но по существу она им так и не стала, потому что глубокая вспашка была неприемлема для почвы Египта, нижний слой которой изобиловал вредными для посева солями.

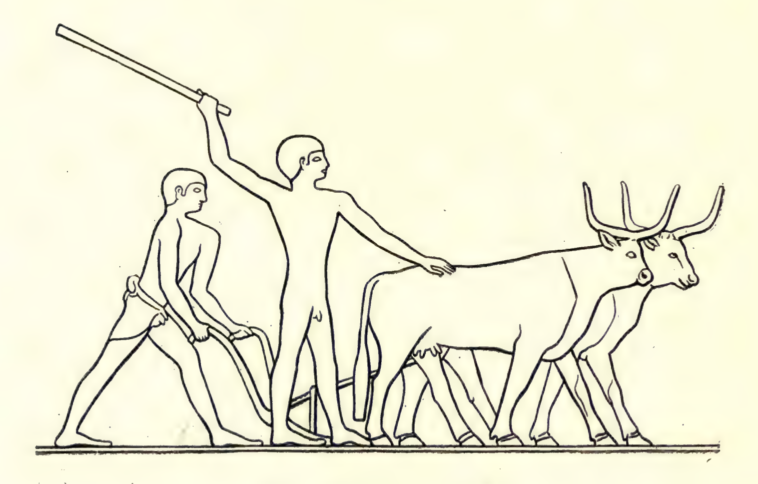

Рис. 2. Пахота сохой

В росписях Нового царства мы видим в упряжке большей частью уже не прежнюю крупную красивую породу коров и быков со средними и длинными лирообразными рогами, а низкорослую породу скота с короткими рогами, которая сменила первую в результате эпизоотии [44, стр. 19].

Из текста вышеупомянутого школьного «Поучения» Нового царства (папирус Лансинга) мы узнаем, что земледелец сам «заботится о снаряжении своем. Проводит он день, изготовляя орудия пахоты (дословно — прикрытия зерна); проводит он ночь, плетя веревку...» [43, 50, стк. 5,9—6,1].

Такое орудие нетрудно было изготовить и земледельцу из твердых пород местного дерева, главным образом тамариска, но так как соха состояла из нескольких ча-

стей, то для ее изготовления нужно было иметь медные орудия труда. Для больших царских и храмовых хозяйств такие сохи, вероятно, изготовляли в столярных мастерских.

Другим способом производили посев технической культуры — льна. Но сцены, изображающие посев льна, дошли до нас только на памятниках более поздних эпох. Обработка почвы сохой и посев семян льна тоже были тесно связаны друг с другом. Семена льна сеяли всегда после обработки почвы сохой. Сеятель шел вслед за сохой и бросал семена льна не высоко поднятой рукой, как сеятель хлебного зерна, а опущенной вниз, чтобы они попадали прямо в борозду, оставленную сохой. Это делалось для того, чтобы лен вырастал рядами, — так его легче было выдергивать. Сеятелями часто были женщины и мальчики, видимо, описанный способ посева семян льна не требовал такой физической силы, как разбрасывание хлебного зерна [78, т. I, табл. 19а, 51а, 112, 367].

Посевная пора продолжалась довольно долго. Заканчивали посев в основном уже в декабре. Сохранились рельефы, показывающие, как овец и баранов прогоняли по пашне с зелеными всходами. Е. В. Черезов объясняет это тем, что животные уплотняли почву для сохранения влаги и тем самым укрепляли стебли всходов [33, стр. 45].

Уборка урожая была для египетских земледельцев большим событием — радотным завершением тяжелых земледельческих работ. На рельефе из гробницы Тии изображение вельможи и его жены за осмотром работ по уборке урожая сопровождается надписью, определяющей их порядок: «Осмотр выдергивания льна, жатвы ячменя и эммера, увоза на ослах и нагромождения на гумно в селениях собственного дома (вельможи)» [78, т. III, табл. 48].

На рельефе сельскохозяйственного календаря солнечного храма царя Ниусерра в Абусире сохранилось изображение теребления — выдергивания созревшего льна, позволяющее датировать эту работу началом времени года «половодья», которое в середине V династии приходилось на апрель [47, табл. 4]. Это подтверждается данными конца XVIII в. н. э. о том, что в Среднем Египте сбор урожая льна начинался в апреле и продолжался восемь — десять дней, так как по истечении этого вре-

мени коробочки перезревали, трескались и семена выпадали.

В одних имениях, например вельможи Тии, теребление льна начиналось, видимо, раньше, потому что работники держат в руках пучки еще цветущего выдернутого льна. Верхушки цветущего льна со стеблями, достигающими бедер жнецов, имеют более светлую (голубую) окраску, при этом на стеблях льна не заметно листьев — ко времени созревания они подсыхали. Уборка урожая цветущего льна свидетельствует о том, что во владениях Тии лен выращивали только ради его волокон, не дожидаясь созревания семян, из которых изготовляли масло. Одиннадцать работников, теребящих лен, показаны на разных стадиях работы — один, слегка согнувшись, выдергивает лен, другой приводит в порядок выдернутый пучок, стоящий в середине треплет цветы льна. Все работники одеты в набедренные повязки. У тех, кому жарко, они завязаны сзади. Отдельная группа работников приводит в порядок выдернутые пучки льна и связывает их: одни, стоя, выдергивают из пучков непригодные стебли, другие, сидя на корточках, связывают в толстые пучки ровные стебли. Сохранившаяся около них надпись поясняет — «связывание льна». Справа и слева от работников лежат рядом друг с другом (на изображении один над другим) восемь снопов льна, крепко перевязанных веревками особым образом — у корней льна, вероятно, для удобства проведения следующей операции — чесания льна, которая не изображена на памятниках Древнего царства. Форма снопа, суженного с одного конца и расширенного с другого, стала настолько характерной для понятия «лен», что послужила детерминативом — определителем этого слова [78, т. III, табл. 48].

В имениях других вельмож, например Нефериртнефа и Мерерука, уборку урожая льна начинали, видимо, немного позже. Здесь на пучках выдернутого льна, которые держат работники, не видно цветов, а в толстых связках стеблей льна, лежащих на поле, можно различить шарики семян льна. Следовательно, в этих хозяйствах выращивали лен не только ради волокон для пряжи, но также с целью изготовления льняного масла. Стебли льна на полях показаны несколько более высокими, чуть выше бедер работников.

Работники, выдергивающие лен, изображены на

рельефах в гробницах вельмож и солнечного храма в Абусире в типичной для этой работы позе: слегка согнувшись, они с усилием выдергивают пучки льна обеими руками, сжатыми в кулаки, опустив их и расположив на пучке льна одна над другой. Ученые полагают, что на рельефах пучок льна показан схваченным выше, чем должно было быть в действительности, — не у самого корня стеблей, что объясняется желанием художников показать работников, дергающих лен, в более красивой позе — слегка наклоненными, а не совсем согнутыми [57, т. VI, стр. 135]. Изображения сопровождаются пояснительными надписями — «выбивание (т. е. выдергивание льна)», «выколупливание (т. е. теребление льна)» [78, т. III, табл. 53; 47, стр. 167, 169]. Последняя надпись стоит над работником, занимающимся тереблением льна, — одной рукой он крепко держит за конец пучок льна, другой — большим и указательным пальцем вынимает непригодные стебли. Сохранилась также надпись: «тяни, твоя рука творит» [78, т. III, табл. 45, 53; 47, стр. 168]. Работники, сидящие на корточках, очищают от сорняков, снимают зрелые семена и перевязывают пучки льна сначала в прямые снопы (перевязь расположена посредине), затем уже в снопы суженные с одного конца и расширенные с другого. На льняном поле, изображенном в гробнице Кахифа, двое работников (один из них мальчик) крутят из льна веревки для вязки снопов [25, стр. 65]. Снопы вязались тут же, на соседнем, уже очищенном от льна поле. Увоз снопов на ослах нигде не изображен, так же как и дальнейшая обработка льна, например чесание, тоже не показана.

Жатва злаковых культур — ячменя и эммера — на рельефах Древнего царства обычно изображена раздельно, что, вероятно, объясняется их созреванием в разные сроки: ячменя — в апреле, эммера — в мае [15]. Злаки, показанные на рельефах, различают по числу зерен и окраске: шестирядный ячмень окрашен в зеленый цвет, двузернянка-эммер — в красно-желтый. Изображение ячменя и эммера в краске, как даров времени года «сухости», сохранилось на одном рельефе XI династии (Каирский музей — № 49926) [78, т. III, табл. 48].

---

[15] В гробнице Мерерука начала VI династии уборка льна на рельефе изображена рядом с жатвой хлебов и охотой на перепелов [78, т. III, табл. 47]. Это позволяет датировать жатву ячменя тоже началом времени «половодья», т. е. апрелем.

Ячмень выращивали в верхнеегипетских владениях вельможи Тии. Верхний край созревшего ячменного поля, колосья которого показаны сбоку как трехзернянки, изображен на рельефе волнообразно, как будто колосья ячменя колеблются от набежавшего ветерка; хлеба высокие, доходящие до плеч работников. Несжатые полосы ячменя чередуются со сжатыми частями поля—жнивьем, которое доходит до колена работников. Фигуры жнецов показаны художником на разных стадиях работы, благодаря чему прекрасно выражен постоянный спокойный ритм работы: один жнец, схватив левой рукой пучок колосьев, правой еще только подносит к ним серп, другой жнец уже срезает серпом колосья, третий поднял резким движением левой руки вверх и несколько вбок пучок сжатых колосьев, четвертый, опустив руку вниз, кладет пучок колосьев на землю.

Одно время ученые предполагали, что жнец, поднявший пучок колосьев вверх и вбок, передает его какому-то невидимому помощнику. Но затем обратили внимание на жнеца, опускающего пучок сжатых колосьев на землю, поняв ошибочность предположения о наличии помощника. Передача жнецом пучка сжатых колосьев другому работнику значительно замедлила бы быстрый темп работы. Для того чтобы была хорошо видна каждая стадия работы жнецов, их фигуры показаны на одной плоскости идущими друг за другом. На самом деле они шли рядом друг с другом, о чем свидетельствует изображение части несжатого поля перед каждым, а сзади и сбоку — жнивья. Жали с помощью деревянных серпов со вставленными в них (закрепленными с помощью клея и глины) хорошо отполированными кремневыми зубьями [78, т. III, табл. 48] [16]. Пучки колосьев срезали так высоко, что стебли оставались наполовину не сжатыми. Жали правой рукой вплотную под левым кулаком, державшим пучок стеблей. Затем на поле с высоким жнивьем выпускали пастись скот [78, т. III, табл. 46]. Сжатые колосья, оставленные жнецами на земле, собирали другие работники, которые вязали их в снопы: пучки сжатых ко-

[16] Такие серпы были найдены археологами целиком и в фрагментах: в Гос. Эрмитаже хранятся кремневые лезвия серпа IV тысячелетия до н. э., обнаруженные Б. Б. Пиотровским в 1961 г. в Судане (в Хор Дауде, около Дакии) [5а, стр. 166; 33, стр. 32], в Каирском музее — четыре серпа I династии, найденные В. Эмери в Саккара [49а, табл. 15].

лосьев складывали поочередно колосьями то в одну, то в другую сторону; сноп завязывали с двух сторон, чем он отличался от снопа льна, перевязанного с одной стороны.

Уборкой урожая во владениях знати было занято большое количество людей, организованных в отряды «собственного дома» («пер-джет») [5, стр. 166]. Во владениях номархов в страдную пору на помощь отрядам «собственного дома» привлекались еще и «царские рабы» [20, стр. 84; 25, стр. 67, 193]. В имении Тии, как показывает рельеф из его гробницы, жнецы работали под надзором надсмотрщика: он стоит справа в юбочке до колен, в левой руке держит веревку, сложенную в петлю, правой рукой охватил нижнюю часть левой руки, что может обозначать позу отдыха. В нижнем ряду рельефа стоит другой надсмотрщик, тоже с бечевкой в левой руке, но его правая рука поднята с призывом к работникам; надпись, сопровождающая изображение, передает то, что он кричит жнецам, поощряя работающих: «Кто есть тот, который вовремя говорит и вовремя действует?» [78, т. III, табл. 48]. Один из жнецов отвечает: «Это — я». Надзиратели и старшие жнецы, изображенные на других рельефах, тоже поощряют «прилежных» и угрожают неуспевающим: «Кто ты, умелый в своей работе?» — «Это — я», «Кто ты, наиболее прилежный человек?» — «Иди сюда». «Я говорю тебе и всем людям, это ячмень дневного задания, кто будет жать хорошо, выполнит его» [57, т. VI, стр. 142].

Последний текст толкуют по-разному. Одни понимают «дневное задание» как определенный урок жнецам, который они должны были выполнить в срок в течение дня, другие считают, что в надписи имеется в виду не день, а только утро, т. е. то короткое время, когда производилась жатва, и поэтому следовало спешить, пока солнце не поднялось высоко [33, стр. 49]. Жнецы могли работать, видимо, и в жаркое время дня, так как часто, испытывая жажду, во время работы они пили пиво. В гробнице Мерерука над одним жнецом сохранилась надпись: «Сюда пиво, я срезаю злак беша» [57, т. III, табл. 47].

Отряды жнецов работали под звуки флейты. На рельефе в гробнице Тии показаны флейтист и певец, стоящие в середине поля в окружении слегка согнутых работающих жнецов. Певец, как свидетельствует серп под его

рукой, был жнецом, но стоит он в позе певца — одной рукой подпирает щеку перед ухом, другую протянул вперед. Он спрашивает флейтиста: «Прикажи мне (что я должен петь)» [78, т. III, табл. 47]. Под ритм музыки жнецам легче было выполнять тяжелую работу. Кроме того, флейта играла важную роль в культе бога умирающей и воскресающей природы Осириса, связанном с сельскохозяйственными работами, а позднее в мистериях Исиды [44, стр. 14].

В мае начинали жать более позднюю зерновую культуру—пшеницу-эммер, посеянный в ноябре—декабре, который созревал на месяц позже ячменя. Однако на гробничных рельефах жатва эммера иногда изображается рядом с жатвой раньше поспевающего ячменя. При часто практиковавшемся тогда смешанном посеве ячменя и эммера последний снимали недозрелым и сушили в специальных печах. На рельефе в гробнице Мерерука видно широкое поле с высокими хлебами (эммера), половина которых уже сжата. В жнивье видны два рода кустистого сорняка — один с гладкими стеблями и шишковидными головками, другой со стеблями, густо покрытыми листьями. На широком жнивье четверо крестьян ловят сетью перепелов, которые клевали упавшее из колосков зерно. Хлебное поле начинается и кончается жнивьем. Листьев у корней стеблей эммера не видно. Жнецы, срезающие колосья эммера, работают так же, как при жатве ячменя, под присмотром надсмотрщика, под звуки флейты и пение певца. Флейтист играет на длинной флейте, над ним надпись: «Выдувающий флейту» (рис. 3). Работающий рядом жнец, видимо, хвалит его игру: «Это весьма хорошо». Певец (с серпом под мышкой, как и певец на ячменном поле) держит одну руку у рта, другую поднял перед собой и кричит двум идущим за ним жнецам: «Кто ты, умелый в своей работе, иди ко мне (т. е. докажи мне это)». И здесь упоминается дневное задание жнецов: «Что это такое? Люди спешат весьма, потому что это эммер дневного задания» [78, т. III, табл. 48, 47]. Работали жнецы в набедренных повязках, завязанных большей частью сзади. Тут же, на поле, связывают сжатые колосья в снопы. Первый сноп и пучок колосьев жнецы несут своему господину, около которого стоит слуга с опахалом.

Доставка снопов ячменя и эммера с поля на гумно показана на рельефах многих гробниц в живых и забав-

ных сценах, хорошо передающих юмор египтян. На поле, изображенном в гробнице Тии, лежат восемь перевязанных в середине снопов. Работники готовят их к перевозке на гумно, которое было расположено около деревни, т. е. выше поля. Чтобы не было потерь зерна, снопы упаковывали в сетки-мешки разной формы. Двое работни-

Рис. 3. Жатва пшеницы-эммера

ков завязывают с большим напряжением ромбовидную сеть, упершись в нее ногами. Как сообщает надпись, из поселения на поле «спускались к снопам стада ослов». Погонщики пригоняли стада ослов на поле одно за другим. Для ослов тогда не применяли ни поводка, ни уздечки. Их гнали погонщики взмахами палок, криками и пинками. На одном рельефе погонщик держит палку обеими руками над головой, на другом — отряд погонщиков бежит, держа палки на плечах, бегущий впереди держит палку и в другой руке. На рельефе из гробницы Тии два отряда погонщиков, бегущие во главе их, танцуют своеобразный танец с палками в руках. Каждое

стадо состоит из семи ослов, последнее животное — обычно самка. Погрузка мешков со снопами на ослов была делом не легким. На рельефе в гробнице Мерерука изображена нагруженная ослица, рядом с ней — сопровождающий и погонщик, первый подпирает высокую сетку-мешок с грузом, затянутую веревкой через три петли (видны узлы веревки); на сетке, как обычно, лежит сноп (эммера). На вырывающемся осле, морду которого обхватил обеими руками сопровождающий его работник, пошатнулась такая же сетка-мешок со снопом, положенным сверху, ее с трудом ставят на место трое работников; справа за ними наблюдает надсмотрщик в широкой юбке до колен, с волочащейся по земле палкой в руке. Между этими двумя группами работников с ослами помещена надпись: «Хи, хи, молодец горячее сердце, ты велик, велик, товарищ!» [78, т. III, стр. 47]. На рельефе из гробницы Тии два погонщика, сдерживая палками стадо ослов, направляют его к мешку, который с трудом затягивают двое работников. Над животными стоит пояснительная надпись: «Любят тех, которые издалека (на работу) приходят, бьют тех, которые спят...» Снопы нагромождены друг на друга. Работник держит наготове овальный мешок за петли и кричит: «Веди его (т. е. осла) к ней (т. е. сетке-мешку, которую он держит)!» Один работник тянет животное за ухо и переднюю ногу, другой, с лысиной, бьет осла палкой и ругается. Осел с большой сеткой-мешком на спине покрыт попоной, чтобы груз не тер ему спину; тяжелый груз плохо держится на спине осла, поэтому идущий рядом погонщик должен не только подгонять его, но и поддерживать груз. Во время погрузки большой сетки-мешка на другого осла погонщик судорожно обхватил его голову руками, а другой работник держит осла за хвост. Тут же ведут нагруженную ослицу, а рядом с ней бежит маленький ослик (рис. 4). На изображениях некоторых ослов показан на плече черный крест, свидетельствующий о том, что перед нами дикий осел абиссинского (эфиопского) происхождения [78, т. III, стр. 49].

На гумне привезенные ослами снопы разгружали. На рельефе в гробнице Мерерука восемь носильщиков, некоторые с палками в руках, тащат на головах снятые с ослов снопы для передачи работнику, который под присмотром двух надсмотрщиков аккуратно складывает их один на другой [78, т. III, табл. 47]. Последующие

стадии работы на гумне показаны на рельефе в гробнице Тии, где работники с двух сторон складывают из снопов скирду. Некоторые снопы уже развязаны; в них можно различить колосья эммера и ячменя. Скирды имеют форму усеченного конуса. В пояснительных надписях к изображениям говорится о «сооружении скирд» ячменя и

Рис. 4. Перевоз снопов на гумно

эммера, даже сообщается количество снопов: «Сооружение гумна эммера, 1500». Вполне возможно, что речь идет о гумне для обмолота эммера.

На гумне, изображенном в гробнице Мерерука, высятся четыре скирды, между ними находится длинный ток, по обеим сторонам которого стоит по одному погонщику скота. Токи — площадки для молотьбы. Еще теперь в Верхнем Египте после жатвы круглая площадка поля, ближе к поселку и возвышенностям пустыни, выравнивается и утрамбовывается, на нее складывают колосья и выпускают животных с твердыми копытами — большей частью быков и ослов. В египетском изображении слой колосьев на току выглядит как прямоугольная полоса,

возвышающаяся над площадкой. На самом деле площадка была круглой, иначе по ней не мог бы бегать свободно скот, при помощи которого велась молотьба (не может быть этот ток и деревянным помостом, потому что ноги стоящих погонщиков и бегущих животных видны лишь выше колен). Слева от тока стоит важный надсмотрщик в широкой юбке до колен, опираясь руками на палку; позади него находится его сандаленосец в набедренной повязке. Два работника, стоя по обеим сторонам копны, забрасывают на нее снопы эммера, плотно перевязанные под колосьями. Слева от них, в углу, ряд параллельных штрихов обозначает стебли эммера, не связанные в снопы. Двое других работников сметают метлами зерно в большую кучу — показанный на ней пунктир обозначает зерно. Штрихи в правом углу тока изображают стебли эммера.

На току показаны работающими три стада животных: овцы, ослы и быки. Полагают, что стадо овец художник изобразил здесь по ошибке — они либо втаптывают зерно после пахоты, либо выпущены на жнивье. Стадо ослов гоняет по току голый погонщик, ноги которого увязают в соломе и колосьях; он размахивает над головой палкой, которую держит обеими руками, скорее пугая, чем нанося удары животным. Стадо рогатых быков тоже гоняет погонщик, погруженный по колено в колосья: он кричит погонщику, стоящему вне тока: «Держись около него (т. е. тока) и заставь их (т. е. быков) идти на его середину!» Ослы и быки бегают по току свободными в отличие от более позднего времени, когда на молотящих быков надевали ярмо. Справа от тока находится другая, более низкая скирда зерна, судя по пунктиру на изображении. Работник метет к ней зерно. По бокам скирды тянутся к ее верхушке два работника, каждый из них похлопывает одной рукой по ее плоской верхушке, в другой держит короткие пучки, которые на других гробничных рельефах можно увидеть по бокам верхушки скирды в качестве соломенной покрышки. Последняя скирда зерна, украшенная сверху деревцем с правого бока, частично разрушена — с нее уже снята часть зерна для очистки [78, т. III, табл. 47].

На рельефе в гробнице Тии на току показаны два стада — быков и ослов, которые молотят колосья ячменя. Надсмотрщик, одетый в широкую юбку до колен, стоит у тока с быками, опершись на палку, и кричит стоящему в

колосьях и соломе погонщику: «Обратно их!» (т. е. гони их от себя). Среди одиннадцати длиннорогих быков, находящихся на току, один безрогий; другой бык на току, что обычно для изображений, нагнув голову, пытается полакомиться колосьями. Лысый и с бакенбардами надсмотрщик в широкой полосатой юбке стоит возле тока с ослами, опершись одной рукой на палицу, другую положив на плечо. Голые погонщики с палками в руках [78, т. III, табл. 50] по кругу гонят десять ослов и одну ослицу с черным крестом на плече, т. е. абиссинского

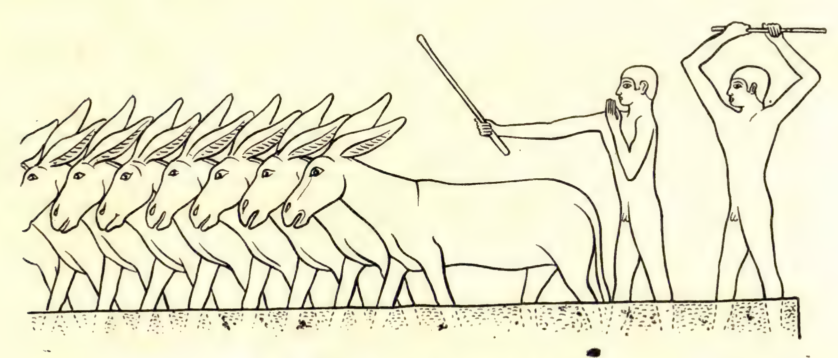

Рис. 5. Молотьба ячменя на току

(эфиопского) происхождения (рис. 5). Животные молотили на току до тех пор, пока зерно не выпадало из колосьев. Так как после обмолота зерно содержало много пыли и было перемешано с соломой и мякиной, то его тут же на гумне веяли.

На рельефе в гробнице Кахифа изображено, как поясняют надписи «веяние ячменя» и «веяние пшеницы» (обычной — «сут», не эммера). На гумне рядом с кучей зерна стоят две работницы в плотно завязанных на головах платках (платки держатся налобной повязкой) для защиты от летающей вокруг пыли и мякины—на некоторых рельефах заметно пыльное облако. Они одеты в обычные платья — сарафаны на бретельках. В гробнице Мерерука женщины изображены в платьях, подобранных до колен. Одна работница поднимает вверх веялки, представляющие собой две маленькие продолговатые лопатки, зерно падает вниз, ветер уносит мякину [25, рис. 9]. Другая работница держит веялки в правой руке, а левой

очищает зерно от мякины с помощью длинного узкого веника, за работой наблюдает надсмотрщик с двумя собаками на поводке [78, т. III, табл. 47]. В гробнице Тии показан последний процесс очистки зерна от пыли и грязи просеиванием через решето (рис. 6). Над изображением работающих сохранились надписи: «Очистка зерна решетом», «Подними твою руку с ячменем, она полна уже соломы». В работе принимают участие и мужчины — они заметают метлами очищенное [78, т. III, табл. 50, стр. 99—100] (рис. 6).

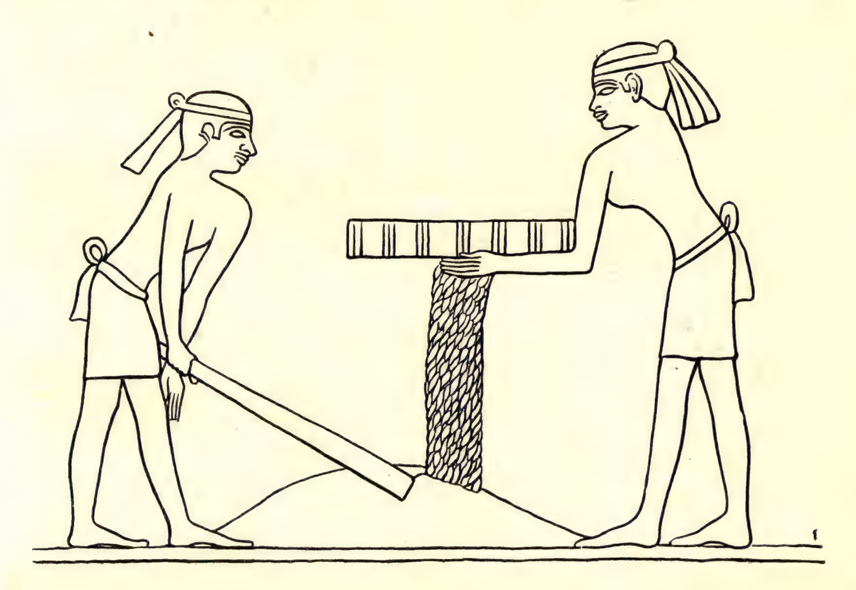

Рис. 6. Просеивание обмолоченного зерна через решето

Провеянное зерно измерялось и учитывалось писцами. Затем работники засыпали его в башневидные, закругленные сверху хранилища, стоявшие на фундаменте. В хозяйствах вельмож хранилища были сооружены из нильского ила (на рельефах они окрашены в серый цвет). В царских и храмовых хозяйствах их строили из кирпича-сырца. Такие зернохранилища были обнаружены археологами в припирамидном поселении царицы Хенткавес конца IV династии [25, стр. 70]. Зерно засыпали в

них сверху, а вынимали через выдвижную дверцу внизу. Посевное зерно оставляли до нового сева в хранилищах, устроенных на поле. Они представляли собой скирды снопов, обмазанных нильским илом и покрытых сверху стеблями папируса. Зерно засыпали и вынимали через отверстие у основания хранилища.

Так заканчивался годовой цикл ежедневных работ египетских земледельцев, которые своим тяжким трудом ежегодно обеспечивали возможность жизни и труда населению всей страны.

ОГОРОДНИКИ И САДОВНИКИ

Сады в древнем Египте были чудом трудолюбия и изобретательности египетского народа.

Они состояли во времена Древнего царства из искусственных водоемов, виноградников, посадок культивированной и дикой смоковницы (последнюю принято называть сикоморой) и огородов. Поскольку в Египте все земли, доступные естественному и искусственному орошению, использовались под посев зерновых культур, сады-огороды разбивались, по возможности, не на плодородной почве, а на возвышенных землях или на краю пустыни. При их устройстве прежде всего выкапывали искусственные водоемы — пруды и колодцы, из которых можно было брать воду для полива. Об этом рассказывают в своих автобиографических надписях номархи Древнего царства. В надписи Мечена (XXVII в. до н. э.) описывается устройство сада-виноградника в его большой усадьбе: «Дом длиною (в) 200 локтей, шириною (в) 200 локтей, построен (и) оборудован, были посажены деревья хорошие, был устроен пруд в нем большой весьма, были посажены смоковницы (и) виноградные лозы...» [71, стр. 4, стк. 10—14; 27, стр. 118]. Тремя столетиями позднее элефантинский номарх Хуфхор, сообщая в своей надписи о строительстве дома, тоже указывает: «Выкопал (я) пруд, насадил (я) сикоморы...» [71, стр. 121, стк. 15—16]. Таким образом, устраивая усадьбу или строя дом, египтянин обязательно разбивал рядом сад и выкапывал пруд или колодец. Текст архаического ритуала из города Деп (Буто греков) свидетельствует о том, что сады-огороды находились не только в усадьбах, но и в городах [26, стр. 138].

Появление виноградников в древнем Египте засвидетельствовано с начала III тысячелетия до н. э.: на печатях от винных сосудов Раннего царства и начала Древнего царства сохранились названия государственных виноградников, находившихся в ведении служб «царского дома». На некоторых из них указаны местности, где были расположены виноградники, —I ном («Белые стены»), III ном («Западный») и вообще «западные области» Нижнего Египта. В III («Западном») номе Нижнего Египта находились также виноградники, которыми управлял «служитель виноградников» Пехернефер, о чем он сообщает в своей автобиографической надписи III династии [25, стр. 52; 61, стр. 121, прим. 676]. Во второй половине Древнего царства (XXVI в. до н. э.) виноградники появляются и в северо-восточных областях дельты — на территории XIV нома («Начало востока») и позднее образованного XIX нома, о чем позволяют судить названия вин, перечисленных среди прочих яств в списках жертвоприношений V—VI династий [25, стр. 76, 77]. По-видимому, во времена Древнего царства виноградарством занимались главным образом в Нижнем Египте, в западных и восточных областях дельты.

О виноградниках Верхнего Египта сохранилось мало сведений в документах Древнего царства. Правда, некоторые ученые полагают, что здесь находились виноградники Мечена, поскольку он купил землю у «многочисленных царских людей», которых локализуют главным образом в Верхнем Египте. Но у Мечена было много земель и в номах Нижнего Египта, где в основном проходила его служебная карьера. Названия вин позволяют предположить, что виноградники появились на территории Большого оазиса Ливийской пустыни и в Фивах [25, стр. 76].

Виноградники обносились оградами, о чем сообщают многочисленные печати Раннего царства и надписи Мечена: «Был устроен для него виноградник (площадь) земли 12 *ха та* внутри стены, были посажены деревья» [71, стр. 5, стк. 10; 27, стр. 118]. Площадь виноградника, указанная в надписи Мечена, исчисляется по-разному. Если исходить из последнего определения К. Баэра, что египетская единица измерения площади земли «сечат» [17] во времена Древнего царства равнялась 3 *ха*, т. е.

[17] Во времена Среднего царства 1 «сечат», т. е. греческая арура или коптская сот, =2735 *кв. м.*

3000 кв. локтей, а не 100 кв. локтей, как в Среднем царстве, то площадь виноградника или сада Мечена могла составлять $^1/_5$ «сечат», или около 14 000 *кв. м* [27, стр. 126, прим. 31, стр. 132, прим. 76].

Во времена Раннего царства виноградники уже обозначались специальным словом «кану» [61, стр. 121]. В надписях Древнего царства этим словом называют не только виноградники, но также сады со смоковницами и огороды. В приведенном тексте из надписи Мечена говорится, что в винограднике («кану») были посажены деревья, судя по предшествующему тексту, смоковницы. В надписи Хуфхора упоминается сад из диких смоковниц — сикомор. О. Макконен определяет дикие смоковницы (капрификус) как «мужские» деревья, которые служили для оплодотворения «женских» культурных смоковниц. На основании рассказа греческого философа и ботаника Теофраста (370—285 гг. до н. э.) он устанавливает, что опыление производили мелкие насекомые — «орехотворки», которые откладывали яйца в бесплодных цветках дикой смоковницы, а покидая их, уносили на себе пыльцу и откладывали ее на семенных цветках культурной смоковницы. О. Макконен полагает, что двуполость деревьев была известна уже древним вавилонянам [65, т. 1, стр. 30—31]. То же самое можно сказать о египетских садовниках Древнего царства, поскольку в надписях того времени различаются горькие плоды сикоморы («нехт») и сладкие плоды культурной смоковницы — винные ягоды или инжир («даб») [23, стр. 110, сн. 20]. Чтобы превратить дикую абиссинскую (эфиопскую) смоковницу [18] в садовое дерево со сладкими плодами, египетским садовникам понадобились, вероятно, долгие годы кропотливой работы и внимательных наблюдений за размножением деревьев. Дерево смоковницы было посвящено египетской богине неба — Нут. В фиванских росписях Нового царства смоковницы часто изображены на кладбищах, где они должны были давать тень и утолять жажду умерших.

Финиковые пальмы в садах Древнего царства не упоминаются, но их изображение сохранилось уже на одной абидосской палетке конца IV тысячелетия до н. э. Неко-

---

[18] От смоковницы абиссинского (эфиопского) происхождения отличается более вкусными плодами смоковница Средиземноморского района.

торые ученые считают эти пальмы культивированными. Д. Г. Редер убедительно доказал, что садовые финиковые пальмы получили распространение лишь с конца Древнего царства, а особенно — в Новом царстве, в районе Фиваиды (Верхний Египет) [23, стр. 110]. Финики и финиковое вино упоминаются в списках жертвоприношений Древнего царства [25, стр. 78].

От «сада», «кану» происходит и наименование профессии садовника — «кани», которая упоминается уже на памятниках Раннего царства [61, стр. 121]. В надписи I Переходного периода из гробницы домоправителя Сенеджесуи содержатся сведения не только о площади сада, но и о количестве посаженных в нем деревьев: «Сад [столько-то локтей] в длину [его], 8, [8] локтя (с) половиной в ширину его, смоковниц 300 в нем» [25, стр. 52].

В тексте Дахшурского указа царя VI династии Пиопи I двум припирамидным поселениям говорится об «учете каналов, прудов, колодцев, бурдюков и сикомор» [73, стр. 212, стк. 4—6]. Следовательно, учитывались не столько сады, сколько деревья и источники воды, из которых можно было поливать растения. Пруды и водоемы были настолько важной и неотъемлемой частью садов и огородов, устроенных на землях, недоступных орошению, что обозначавшее их слово («ше») стало употребляться для наименования самого сада с прудом [73, стр. 121, стк. 15]. Сады и огороды назывались еще третьим словом — «хесеп», которое упоминается в тексте архаического ритуала из г. Буто [26, стр. 188]. В более поздних текстах, например в «Сказке о красноречивом поселянине», оно обозначало грядки. Поскольку земли в Египте было мало и она очень ценилась, огороды устраивали на территории фруктовых садов: на рельефах «комнаты времен года» солнечного святилища Абусира и в гробнице вельможи Мерерука грядки с овощами изображены прямо в саду [47, табл. 16; 78, т. III, табл. 59]. В пояснительных надписях к одному гробничному рельефу Древнего царства, на котором показан сад и огород, сообщается: «сад» («кану») и рядом — «полив лука» [64, т. II, табл. 61]. Поэтому во времена Древнего царства огородник назывался еще так же, как садовник, — «кани» (позднее их профессии стали различать). Сад-огород можно видеть на рельефах из «комнаты времен года» Абусирского храма и гробницы Ме-

рерука: грядки разделены на небольшие квадратики низенькими глиняными валиками, задерживающими воду при поливке; квадратики грядок как бы образуют маленькие бассейны, не позволяющие вытекать драгоценной влаге. В каждом квадрате посажено по отдельному растению. На грядках отчетливо видны салат-латук и луковичные растения [38, табл. XIX; 47, табл. 5; 78, т. III, табл. 59].

Один огородник Мерерука, стоя на коленях, работает заостренной палкой, по-видимому, делает ямку в земле, чтобы посадить саженец. Затем землю вокруг саженца укрепляют палкой. Другой огородник собирается вырвать уже созревший овощ [66, стр. 259]. Известно, что посадка луковичных растений (чеснока и репчатого лука) происходила в Египте в XIX в. в октябре — декабре, а лука-порея в июле.

На царском огороде (рельеф из «комнаты времен года») огородник рыхлит мотыгой землю около луковичных растений и пропалывает их, а надпись над ним поясняет, что он «мотыжит». Прополка овощей здесь совпадает с возвращением в Египет перелетных птиц, т. е. происходит в осеннее время «выхождения» [38, табл. XVIII; 77, табл. 9]. На другом рельефе из «комнаты времен года» мы видим, как огородник выдергивает луковичные растения обеими руками. Снятие урожая этих растений происходило в Египте с января по май, причем в Нижнем Египте раньше, чем в Верхнем.

Лук, лук-порей и чеснок были излюбленной пищей египтян, особенно простого народа. Во времена Древнего царства кроме салата-латука и луковичных растений умели выращивать также огурцы и тыкву. Рельефы показывают овощи, в изобилии лежащие на жертвенных столах и на тарелках. Огородничество в те времена развилось уже настолько, что превышало потребности некоторых хозяйств, поэтому овощи стали одним из основных товаров, предлагаемых на обмен, как показывает изображение рыночной сцены в одной саккарской гробнице [78, т. III, табл. 35].

Поскольку сады-огороды обычно разбивались на землях, непригодных для посева и, следовательно, недоступных орошению, огородники должны были регулярно поливать каждый квадратик грядки. На рельефе в гробнице VI династии Мерерука поливкой огорода занимаются трое работников: двое из них несут воду в круглых

глиняных сосудах, прикрепленных веревками к коромыслу, которое лежит у них на плечах; один из работников слегка нагнулся и поливает грядку из наклоненного сосуда, который он, однако, не снимает с коромысла [78, т. III, табл. 59] (рис. 7). В гробнице V династии Птаххотепа рельеф показывает садовника, который, держа обеими руками глиняный сосуд такой же формы, опрокидывает его и поливает виноградные лозы [78, т. III,

Рис. 7. Полив огорода из глиняных сосудов

табл. 16]. Таким образом, полив садов и огородов во время Древнего царства осуществлялся самым примитивным способом — вручную и с помощью простейшего, но для того времени достаточно искусного и полезного приспособления — коромысла. На двух веревках равной длины, висящих на концах коромысла, были хитроумно прикреплены два глиняных сосуда округлой формы, с довольно узким горлом и равного объема: веревки были закреплены в середине небольших кусков дерева, длина которых немного превышала диаметр отверстия сосуда, и будучи опущены внутрь сосудов, не могли из них выскочить. Поэтому сосуды крепко держались на веревках коромысла, как бы огородники их ни раскачивали [66,

стр. 259] [19]. Это было очень существенно, поскольку сады и огороды часто были расположены на возвышенных землях, а глубокие колодезные пруды, питавшиеся подпочвенными водами, лежали ниже и поливальщикам приходилось подниматься вверх с коромыслами на плечах.

Работа поливальщиков была очень тяжелой и малопроизводительной. Ахтой, сын Дуафа, так характеризует ее в «Поучении» своему сыну, написанном, по-видимому, в I Переходный период (XXI в. до н. э.), но дошедшем в списках Нового царства: «Огородник приносит палки (т. е. коромысла), плечи его покрыты нарывами, язва большая на шее его, выделяющая гной. Он проводит утро, поливая лук, а вечер — поливая растение шаут. Делает он (это) каждый день после того, как тело его стало плохим» [32, стр. 57].

Но для времени Древнего царства изобретение коромысла было значительным шагом вперед — оно все же облегчило тяжелый труд поливальщиков и несомненно повысило его производительность. Способ поливки вручную с помощью коромысла сохранился до Нового царства включительно, когда для облегчения водоснабжения новой столицы, Ахет-Атона, при Аменхотепе IV изобрели водоподъемное сооружение — шадуф, использующийся в Египте и поныне для полива садов и полей [20].

Росписи из гробниц Среднего царства в Бени-Хассане, Фивах и Эль-Берше свидетельствуют о том же при-

---

[19] Сосуды, висящие на коромысле, сравнивают с иероглифическим знаком «ми» — «подобно», смысл которого вытекает из равновеликости этих двух сосудов.

[20] Коромысло стало составной частью шадуфа, что позволяет понять его устройство, воспроизведенное росписями Нового царства: в землю вбивали два деревянных столба или тростник, обмазанный глиной, высотой в два раза выше человеческого роста; между столбами помещали жердь-коромысло так, что оно могло качаться во все стороны; на один конец коромысла на веревке, длиною в 5—6 локтей, подвешивали сосуд из глины или кожаное ведро, на другой насаживали более тяжелый, каменный или глинобитный, противовес. Шадуф ставили вблизи водоема. Работнику достаточно было потянуть за веревку, чтобы сосуд или ведро погрузить в воду на 1 *м* или еще глубже и наполнить его; затем работник медленно отпускал жердь-коромысло и тяжесть противовеса поднимала сосуд или ведро на высоту столба на территорию, где были устроены грядки, нуждавшиеся в поливе. Здесь сосуд или ведро опорожняли и снова опускали в воду.

митивном способе поливки вручную с помощью коромысла и сосудов — больших кувшинов, которые также опрокидывают на грядки. Сохранился ручной способ поливки и во времена Нового царства, о чем позволяет судить роспись в гробнице верховного сановника XVIII династии Рехмира. Тяжелые глиняные сосуды, висящие на коромысле, иногда заменяли более легкими кожаными ведрами — бурдюками.

Как показывают рельефы сельскохозяйственного календаря, сбор урожая плодов смоковниц — винных ягод или инжира — происходил одновременно со спариванием овец и баранов в сезон «выхождения», т. е. осенью, в октябре—ноябре [47, стр. 179, табл. 16]. Сцены сбора винных ягод хорошо сохранились на рельефах в гробницах вельмож Нефериртнефа и Кагемни [78, табл. 61, 62]. На рельефе в гробнице Нефериртнефа изображены четыре смоковницы обычным абрисом, внутри которого показаны ветви и висящие на них плоды (когда-то нарисованные красками листья не сохранились). Деревья кажутся достаточно высокими, поскольку на их ветвях стоят сборщики плодов. Один спускает вниз на веревке привязанный за ручку плетеный кошель, полный плодов. Работник, стоящий на коленях под деревом, принимает кошель, крича находящемуся на дереве: «Опускай вниз!» (текст пояснительной надписи). Сборщик на соседнем дереве срывает плоды, наполняет ими свою корзину и собирается бросить несколько винных ягод сладкоежке, который стоит под деревом и протягивает к нему обе руки, прося «чего-нибудь сладкого». Сборщик на третьем дереве тоже спускает вниз на веревке кошель, наполненный плодами, а работник, стоящий под деревом, тянет его к себе.

На рельефе в гробнице Кагемни подобная сцена сбора винных ягод изображена живее. Здесь плоды с одного дерева собирают четыре человека, с другого — пять (сохранилось изображение четырех). На каждом дереве находится по два сборщика плодов. На ветвях одного дерева стоит работник, широко расставив ноги, одной рукой собирает плоды, другой держит кошель; под ним сидит на ветвях другой работник, удобно откинувшись назад; одной рукой он срывает плоды, другой держится за ветку, а кошель висит у него на локте. Работники, устроившиеся на корточках под деревом, держат в руках плоские тарелки, на которых горкой, в виде пира-

миды, лежат винные ягоды (один из них изображен условно возле вершины дерева). Сборщик, сидящий на ветке другого дерева, протягивает плод работнику, который просит у него: «Дай мне винную ягоду!». Сидящий под деревом на корточках принимает от него корзину с плодами. На нижней ветке дерева сборщик плодов лежит на животе и протягивает плод сидящему внизу, изображение которого не сохранилось (рис. 8).

По-видимому, сборщики плодов смоковниц работали отрядами, которые, судя по изображениям на рельефах,

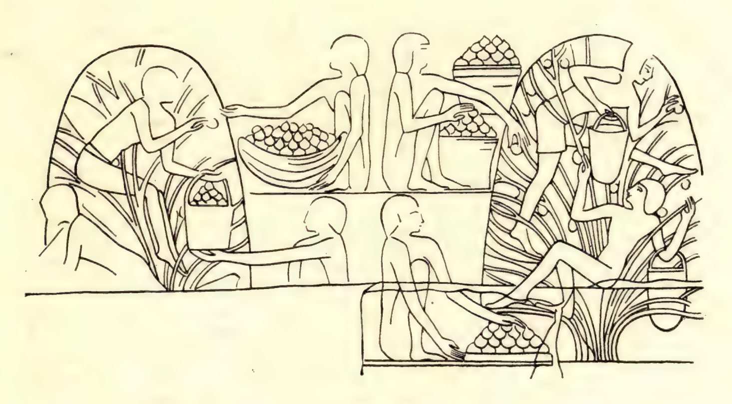

Рис. 8. Сбор винных ягод со смоковниц

состояли от двух до пяти человек. Скорее всего это были все-таки знаменитые «пятерки» работников, встречающиеся и среди других профессий, но из-за отсутствия места художники не всегда могли показать их на рельефах. Несомненно, у сборщиков плодов было разделение труда: одни работники собирали плоды на дереве, другие укладывали их в корзинки.

Хорошее изображение сбора винограда сохранилось на рельефах в гробницах Нефериртнефа и Птаххотепа [78, табл. 16, 61]. Эти изображения позволяют судить об устройстве виноградников Древнего царства. Мы видим, что виноградные лозы здесь не стелились по земле, как в некоторых других странах с жарким климатом, а поднимались с земли и поддерживались вилообразны-

ми подпорками, через которые они тянулись, ниспадая опять с другой стороны к земле и как бы образуя беседку. Виноградные лозы имели крепкие стебли и приносили прекрасный урожай черного крупного винограда с синеватым отливом. На изображениях показаны только стебли виноградных лоз и свисающие с них гроздья винограда (листья были нарисованы краской и не сохранились) — темные точки на светло-синем фоне. На плохо сохранившемся рельефе в гробнице Тии показан виноград другого вида — низкий, который не нужно бы-

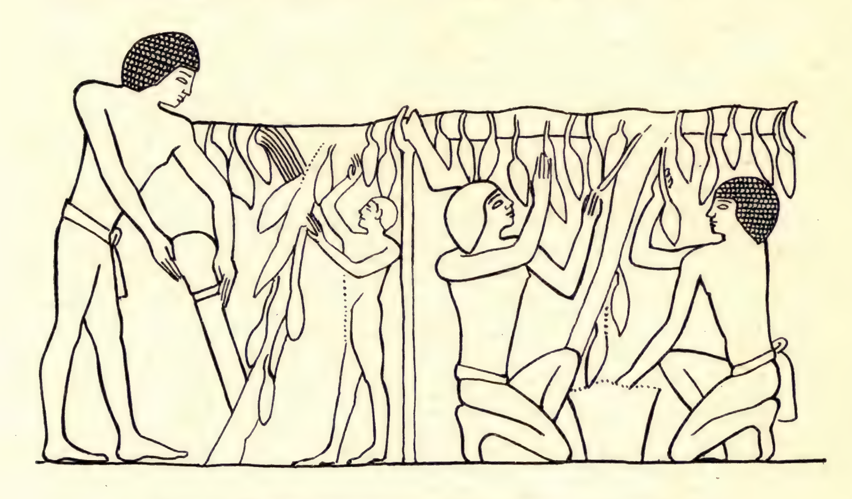

Рис. 9. Полив виноградника из глиняного сосуда и сбор винограда

ло поддерживать подпорками [66, стр. 265, табл. XXI]. В гробнице Птаххотепа изображен полив виноградных лоз: работник выливает воду на землю из глиняного горшка, который он держит просто в руках, без коромысла (рис. 9).

На рельефе в гробнице Нефериртнефа сбором винограда занимаются четверо работников. Трое из них стоят на коленях, одной рукой срывая гроздья винограда, другой укладывая их в разнообразные плетеные корзины (высокие слегка расширяющиеся кверху, в форме полушария и полумесяца). Такая поза была удобна для виноградарей, потому что они находились под тенью листвы и, кроме того, им не надо было лиш-

ний раз нагибаться к корзинам [66, стр. 266]. В гробнице Птаххотепа виноградарям помогают два мальчика. Виноградари одеты в короткие набедренники, дети совсем голые. Несколько сборщиков сгруппировалось вокруг одной корзины. Когда корзины наполняли доверху, работники ставили их себе на плечи и вереницей тянулись к большому чану, в который высыпали свои корзины. В гробнице Тии целый ряд на рельефе был занят изображением носильщиков корзин с виноградом (сохранился только один). Изображение сопровождает надпись: «Приносить виноград для топтания».

Из собранного винограда тут же в саду делали вино. Об этом сообщается в надписи Мечена: «Было посажено деревьев (и) виноградных лоз весьма много, было произведено вина там весьма много» [73, стр. 4, стк. 17, стр. 5, стк. 1; 27, стр. 118]. В гробницах Мерерука и Птаххотепа изображены два этапа в процессе приготовления вина: выдавливание и выжимание [78, т. III, табл. 16, 63]. В большом низком круглом чане, скорее каменном, чем деревянном, пять или шесть работников топчут ногами виноградные гроздья, над чаном на двух вилообразных подпорках лежит перекладина, за которую держится каждый работник одной рукой, чтобы не поскользнуться и не упасть, другой рукой они обхватили друг друга за талию, поднимают и опускают ноги, все одновременно, повинуясь звонкому ритму, который выбивают кастаньетами два музыканта, сидящих на циновке. Изображение сопровождает надпись: «Давать ритм». Во времена Нового царства выдавленный из винограда сок стекал из чана по желобу в большой сосуд, расположенный ниже чана. На рельефах Древнего царства не показано такое приспособление. По-видимому, виноградари Древнего царства предпочитали после выдавливания оставлять сок на день-два бродить, чтобы сахар винограда перешел в алкоголь [66, стр. 268].

Как показывают изображения в гробницах Мерерука и Птаххотепа, второй этап приготовления вина заключался в выжимании сока из оставшейся после топтания винограда в чане кожуры. Для этого было изобретено довольно удобное, но требующее затраты большой физической силы приспособление, которое действовало как пресс: в петли на концах мешка из крепкого полотна (в него были сложены выжимки, оставшиеся от винограда)

продевали два шеста, которые закручивали в разные стороны, отжимая мешок, сок из которого стекал в широкий сосуд, стоящий под ним. Отжимали остатки сока таким прессом пятеро работников: четверо закручивали шесты (по два человека с каждой стороны), пятый работник показан как бы парящим в воздухе в горизонтальном положении — он опирался ногами и руками на верхние концы шестов, не позволяя им тем самым сближаться при закручивании. Каждый новый оборот закручивания требовал все большего и большего напряжения от работников. В гробнице Птаххотепа, видимо, показан один из последних оборотов, когда мешок закручен до предела. Одеты виноделы в короткие набедренники, часто сдвинутые назад. В I Переходный период (во времена XI династии) для отжима был изобретен станок, облегчивший тяжелую работу виноделов [34, стр. 69].

ПЧЕЛОВОДЫ

Долгое время египтяне собирали и использовали дикий мед. Однако предполагают, что приручение пчел в Египте произошло очень рано — уже в середине V тысячелетия до н. э. В таком случае честь открытия пчеловодства принадлежит египтянам [40, стр. 45; 44, стр. 26]. Во всяком случае рельеф сельскохозяйственного календаря из «комнаты времен года» в солнечном храме царя Ниусерра в Абусире (XXVI в. до н. э.) изображает храмовую пасеку и свидетельствует о том, что египтяне Древнего царства умели делать искусственные ульи, помещали в них пчел и выкачивали мед [47, табл. 11]. Рельеф календаря показывает бородатого пчеловода, вынимающего соты из ульев, чтобы положить их в сосуд, который он держит в руке. Пчеловод стоит перед рядом нагроможденных друг на друга ульев и дует в один из них, чтобы легким шумом, который он производит, вызвать вылет роя. Ульи были сделаны из плетеного тростника, обмазанного илом, и имели продолговатую форму. Другой пчеловод выливает мед из продолговатых кувшинов в большой сосуд. Около него сохранилась надпись «наполнять». Предполагают, что в большом сосуде могли смешивать мед с водой для приготовления

сладкого напитка. Шаровидные каменные кувшины заполняли медовым напитком или просто медом, закрывали их плоской крышкой, перевязывали веревкой и запечатывали. На полке уже стоят два таких перевязанных веревкой кувшина. Согласно сельскохозяйственному календарю, выемка меда совпадала с возвращением перелетных птиц в Египет и передвижением рыб мугилид обратно к Средиземному морю, т. е. производилась в конце времени года «выхождения», в ноябре.

Мед был ценным лакомством. Его ели и употребляли для изготовления сладких пирогов (сахарный тростник был неизвестен древним египтянам), в качестве лекарств и при бальзамировании.

ПАСТУХИ

Обязанности пастухов Древнего царства были многообразны и ответственны. Они блестяще справлялись с ними, используя длительный и ценный опыт своих предков — пастухов и охотников — в наблюдении и изучении повадок животных. На рельефах гробниц знати и сельскохозяйственного календаря в святилище Абусира домашние и прирученные животные изображены с такой анатомической точностью, что современные зоологи имели полную возможность установить их виды и породы. Стада состояли из быков и коров, овец и баранов, коз и ослов. Наличие свиней в хозяйствах Древнего царства засвидетельствовано надписью Мечена [73, стр. 3, стк. 2]. Характерной особенностью этих стад было присутствие в них прирученных животных — антилоп, газелей и гиен.

На рельефах Древнего царства можно видеть стада крупного рогатого и безрогого скота белой, коричневой, черной и пятнистой масти. Коровы и быки имеют рога различной формы, чаще всего большие, красивые, в виде лиры, но также средние — прямые и в форме полумесяца. Комолый скот был искусственно выведен. Изображения голов быка с большими лирообразными рогами встречаются уже на сосудах первого додинастического периода; кроме того, в неолитическом поселении Меримде была найдена глиняная модель головы такого быка [6, стр. 151, 152]. Крупная порода рогатого скота

вымерла ко времени Нового царства, ее заменила мелкая порода с короткими рогами. В настоящее время быка с длинными рогами можно увидеть лишь за пределами Египта, в Судане [44, стр. 19].

В Древнем царстве для тяжелой физической работы в земледельческом хозяйстве использовались не только быки, но и коровы. Более спокойных коров даже чаще, чем быков, запрягали в соху, причем использовался только рогатый скот, так как ярмо привязывали к основаниям рогов. Стада быков, погоняемые погонщиками, молотили зерно на гумне. Примитивное использование коров для пахоты не мешало развитию молочного направления в животноводстве Древнего царства, судя по часто встречающимся на рельефах сценам доения коров.

Египту Древнего царства еще не была известна порода тонкорунных овец и баранов, от которой произошли современные бараны и овцы. Эта порода, богатая шерстью, появилась в Египте только со времени Среднего царства (XXII в. до н. э.). В Египте Древнего царства разводили другую породу длинноногих овец и баранов с почти горизонтально идущими рогами, которых называют гривистыми. Они могли произойти от североафриканских диких гривистых овец, на которых продолжали еще охотиться во времена Древнего царства [78, т. III, табл. 51]. Изображение дикой гривистой овцы, окруженной животными в ошейниках, вероятно собаками, дошло до нас на додинастическом сосуде из Накада [41, стр. 559]. Стада гривистых овец и баранов использовали в Древнем царстве очень примитивно — для втаптывания семян в землю при посеве и уплотнения почвы. Возможно, это была древнейшая форма использования скота в земледельческом хозяйстве. Сохранилось одно изображение овцы, запряженной в соху [62, стр. 45].

Египетские домашние козы не происходят от североафриканских козерогов, которые так и не были одомашнены, хотя и приручались. Предполагают, что они были заимствованы египтянами из Передней Азии. Но кости домашней козы были обнаружены уже в неолитических поселениях [6, стр. 151]. Стада домашних коз изображены на додинастических сосудах из Накада [41, стр. 554] и на нескольких рельефах в гробницах Древнего царства: стадо коз объедает листья на ветках дерева, стоя на задних ногах, пастухи кормят коз, лежащих в хлеву [78, т. III, табл. 37]. Сохранилось изображение использо-

вания домашней козы в земледельческом хозяйстве: козье стадо втаптывает посеянное зерно в землю [62, стр. 45, 46]. Однако овцы и бараны полностью вытеснили коз в этом виде работы. Изображений доения коз не сохранилось, но поскольку египтяне Древнего царства умели приготовлять сыр, надо полагать, что козы использовались в молочном хозяйстве.

Единственным вьючным животным Египта до Нового царства был осел. Он широко применялся в земледельческом хозяйстве: молотил на гумне зерно, возил снопы с поля на гумно. Черные кресты на плечах некоторых ослов свидетельствуют об их абиссинском (эфиопском) происхождении. В караванах, идущих через пустыни на Синайский полуостров, к Красному морю и в оазисы, осел был единственным вьючным животным. Лошадь практически не была известна в Египте до гиксосов (XVI в. до н. э.), хотя ее костяк, недавно обнаруженный при раскопках в Нубии, датируется более ранним временем. Да и позднее она никогда не использовалась в Египте как тягловое животное.

Живо переданные изображения животных пустыни в стадах приоткрывают для нас скрытую веками тайну удивительно глубокой первобытности: попытку ранних земледельцев и пастухов, а может быть даже охотников мезолита, приручить еще до одомашнивания козы и овцы таких пугливых и диких животных, как различные виды антилоп, газелей, козерогов и даже свирепых гиен [40, стр. 12—14; 41, стр. 537—549]. Эта любопытная попытка оказалась неудачной — приручаемые животные никогда не становились домашними, поэтому их кости не претерпели никаких изменений, и археологи не имеют возможности судить, принадлежали они к прирученным или свободно живущим животным. Понятно, что большие стада этих животных возбуждали у населения желание приручить их. Быстро бегающих антилоп и газелей было трудно убивать. Несмотря на пугливость, они легко поддавались приручению, мясо их было вкусно, а кожа, сухожилия и кости могли широко использоваться в хозяйстве древних людей. Кроме того, в климатических условиях Египта было удобно создавать живые резервы мяса. Во время охоты стали собирать молодняк, выращивать его и приручать.

Изображение прирученных антилоп, газелей, гиен на рельефах Древнего царства и в незначительном количе-

стве даже более поздних периодов свидетельствует о том, что этих животных продолжали приручать и держать в стаде даже после одомашнивания коз, овец и быков. Б. Брентьес рассматривает такую особенность древнеегипетского скотоводства в классовом обществе как остаточное, явление первобытного содержания скота [41, стр. 542].

На рельефах Древнего царства встречаются очень интересные изображения антилоп, газелей и гиен, находящихся в стадах, загонах и даже хлевах вельможеских и царских хозяйств. Часто можно видеть газелей, пойманных живыми на охоте [78, т. III, табл. 99, 101]. На рельефах в гробницах Птаххотепа и Манофера можно видеть, как пастухи ведут антилоп за рога, а в гробнице Ахтихотепа — пастух держит антилопу за рог и ошейник (!) [78, т. III, табл. 88, 67а]. Газелей в ошейниках чаще можно видеть в гробницах более позднего времени. В гробнице Сешеманхптаха показаны козерог, сабельная антилопа (орикс), газель, коровья антилопа (бубал), оленебык и гривистая овца, которых пастухи ведут за рога. Все эти животные названы «молодняком» («рен») [78, т. III, табл. 51]. Охота на этих животных происходила в специальных загонах [78, т. III, стр. 99, 102]. Такой огороженный загон для диких зверей, среди которых находится и мендесская антилопа, можно увидеть на рельефе сельскохозяйственного календаря в святилище Абусира [47, табл. 11]. Небольшое стадо антилоп, которые пасутся под присмотром двух пастухов, а рядом с ними стоит знак ограды, изображено уже на одном сосуде из Накада додинастического времени [41, стр. 540]. На рельефе в гробнице Мерерука антилопы разных видов и несколько гиен показаны в стаде вместе с быками и козами [78, т. III, табл. 37]. На том же рельефе сабельная антилопа и газели показаны в хлевах, привязанными к кормушкам, из которых они едят. По-видимому, в отдельных случаях попытки приручения газелей и антилоп все же удавались, потому что на нескольких изображениях более поздних эпох показаны самки, которые кормят своих телят.

Самые удивительные сцены на рельефах в гробницах Мерерука и Кагемни относятся к откармливанию хищных гиен: животное, опрокинутое на спину, тащат два пастуха с помощью бечевки, привязанной к ошейнику, и недоуздка; один из пастухов держит гиену за ноги, в то

время как другой впихивает ей в пасть кусок какой-то живности; если животное было очень свирепым, его задние ноги связывали [78, т. III, табл. 87] (рис. 10). Египтяне Древнего царства, как и их предки, ловили, держали и откармливали диких антилоп, газелей, козерогов и гиен в качестве «живого мяса». Другого хозяйственного использования этих животных не было.

Пастухи, пасущие скот на пастбищах, вели полукочевой образ жизни. Чтобы уберечь скот от хищных живот-

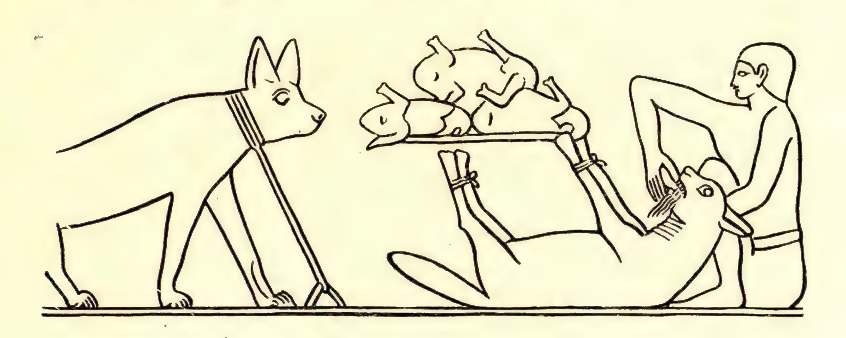

Рис. 10. Откармливание гиены в хлеву

ных, особенно по ночам, они устраивали временные загоны для скота на опушках пустыни, где в те времена росла еще скудная трава и кустарники, покидая их, когда скот съедал корма. Царские указы Древнего царства свидетельствуют о специализации загонов по видам скота: «пастбища быков, пастбища ослов, пастбища мелкого скота» [25, стр. 153]. Стада передвигались из областей Верхнего Египта к тучным пастбищам дельты. Работа пастухов на пастбищах была многообразна, требовала больших навыков, смекалки и храбрости.

Рельефы из «комнаты времен года» позволяют определить, что любовные игры и спаривание сабельных антилоп, а следовательно и других животных стада, происходили осенью, в сезон «выхождения». В это время пастухи занимались подбором пар и побуждали быков вести борьбу вокруг коров [57, табл. 11].

Самый трудный и тревожный период у пастухов начинался во время сезона «сухости», когда животные приносили приплод (в январе). На рельефе гроб-

ницы Тии сохранилась следующая сцена: пастух стада помогает корове при отеле, вытягивает за ноги новорожденного теленка; другой пастух, стоящий рядом с коровой, ласково ее успокаивает и говорит первому: «Отели корову, пастух».

Во время половодья пастухам надо было продолжать ухаживать за молодняком и стеречь его от всевозможных бед. Художники особенно охотно изображали живописные и трогательные сцены переправы скота вброд через проток в сезон «выхождения» земель из паводка,

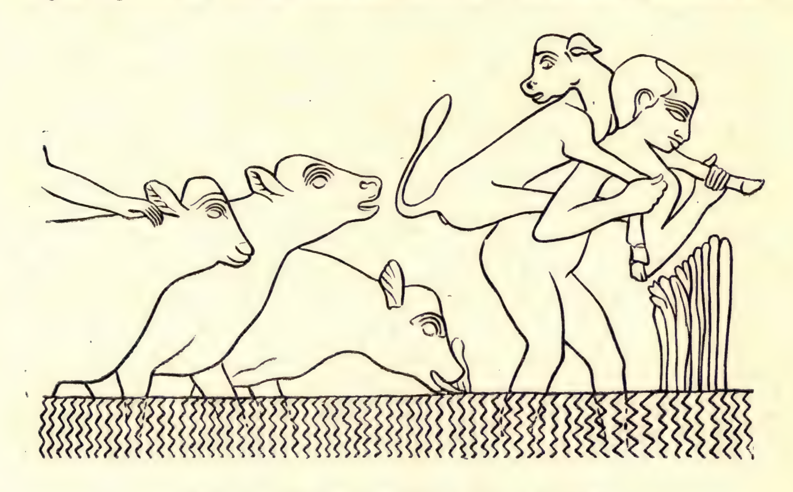

Рис. 11. Перенос теленка через проток

когда страна изобиловала озерами и протоками. На рельефе в той же гробнице Тии показана переправа стада безрогих и рогатых коров вброд через проток; стадо сопровождают три пастуха, идущие по колено в воде; пастух заботливо переносит через проток теленка на своей спине, согнувшись под его тяжестью. Теленок повернул морду к матери (безрогой корове), которая тянется к нему и увлекает таким образом за собой все стадо. Рядом с безрогими коровами идет пастух, за спиной у него циновка, на плече он несет палку с горшком, пастух, замыкающий стадо, подгоняет животных палкой, крича: «Да пойдут эти коровы!». В другой надписи поясняется, что это «выхождение из топи» [78, т. III, табл. 44] (рис. 11).

Иногда, переправляя стадо, пастухи сопровождали его на лодках, следя за тем, чтобы крокодил не утащил какое-либо животное. На рельефе в гробнице Анхмахора изображены две лодки, сопровождающие большое стадо на переправе; пастух, сидящий на передней лодке, держит за поводок теленка, плывущего впереди стада. Теленок здесь тоже служит приманкой, за которой плывет все стадо. Но на дне реки виден крокодил, и пастухи произносят против него заклинания: «Пастух, твое лицо живет! Вперед, в топь, которая на воде, пусть он идет с ослепленной головой!». Пастух и гребцы переговариваются между собой. Стоящему на корме кричат: «Ты, пастух рогатого скота, твоя рука над водой (т. е. охраняет скот)». Пастух отвечает гребцам: «Греби хорошо, ты товарищ», чтобы скорее проехать над крокодилом [78, т. III, табл. 52, стр. 107]. На рельефе Птаххотепа показана переправа через открытую воду небольшого стада быков и коров; пастухи на лодке тоже тянут за поводок теленка, за которым плывет мать, облизывая его. Пастух в середине лодки испуганно поднимает руку, увидев в воде крокодила, и предупреждает об этом пастуха, который тянет теленка; последний вытягивает вперед руку и произносит заклинание против крокодила.

Чтобы животные не ушли, их крепко привязывали толстой бечевкой (из волокна пальмы), которую закапывали глубоко в землю и закрепляли камнем, так что только небольшая часть в форме петли выступала из земли. Этот способ привязывания и поныне используется в Египте. В гробнице Тии изображено доение коровы рядом со сценой пахоты. Работник связывает бечевкой задние ноги коровы (такой способ доения существует и поныне в современной Африке). Он наблюдает, как начинает доить корову в большой горшок его помощник-подросток. Пояснительная надпись сопровождает изображение: «Подои мне, торопись, пока не пришел этот пастух!» [78, т. III, табл. 44]. Видимо, это было недозволенное доение в отсутствие главного пастуха. Доение коровы показано здесь без присутствия теленка, что свидетельствует о ее давнем одомашнивании [78, т. III, табл. 44]. Но на другом рельефе в той же гробнице дойная корова изображена, как обычно, рядом с теленком (рис. 12). Доением занимаются всегда подростки, а взрослые пастухи держат корову. Сохранилось одно изобра-

жение коровы, которую доят даже не связав ноги. Доили коров в широкие сосуды, из которых молоко переливали в сосуды овальной формы и затыкали их пучком травы. Для обозначения молочных коров имелся специальный термин («менат»).

Пиктографический знак «пастуха» («мениу») показывает мужчину, сидящего на циновке, форма которой напоминает кресло со спинкой; в руках он держит ко-

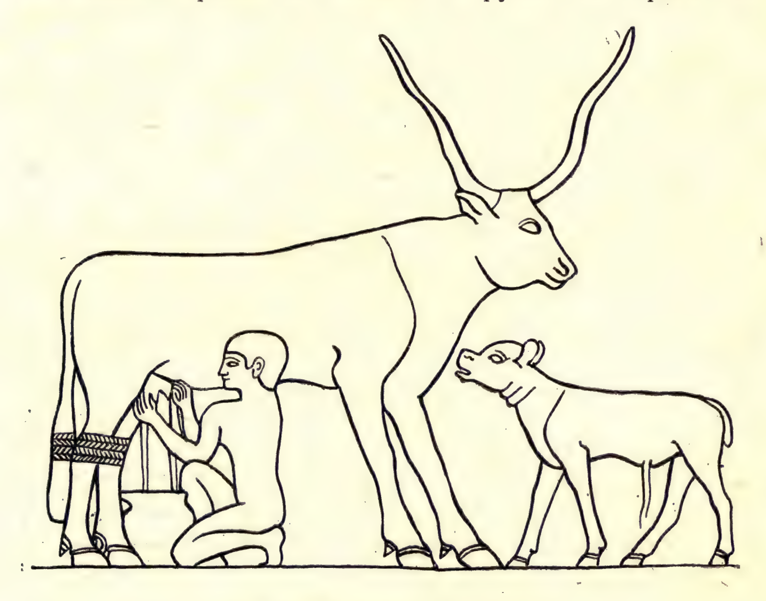

Рис. 12. Доение коровы

роткий посох с петлей, в нее закреплена его циновка [66, стр. 99—100]. Циновки пастухи изготовляли сами из стеблей папируса, тростника или камыша, а также жесткой травы хальфа и пальмового волокна. Сохранились циновки, изготовленные уже тасийцами и бадарийцами, додинастическими египтянами, собирателями и пастухами Раннего и Древнего царств [12, стр. 232]. Рельефы в гробницах Древнего царства позволяют ознакомиться с методом изготовления циновок: два пастуха загона, сидя напротив друг друга, укладывают рядами расщепленные стебли папируса и на равных расстояниях перевязывают их веревками. Когда циновку делал один па-

стух, он закреплял стебли папируса на колышке, вбитом в землю, так что они принимали веерообразную форму. Упругие стебли папируса позволяли придать циновке форму кресла, причем края циновки закрепляли, обвязывая их льяным шпагатом или бечевкой, скрученной из травы хальфа, тростника или пальмового волокна. Рядом с двумя пастухами, занятыми изготовлением циновки, в готовом кресле-циновке сидит старый пастух, наблюдая за их работой; у его ног лежит верный пес

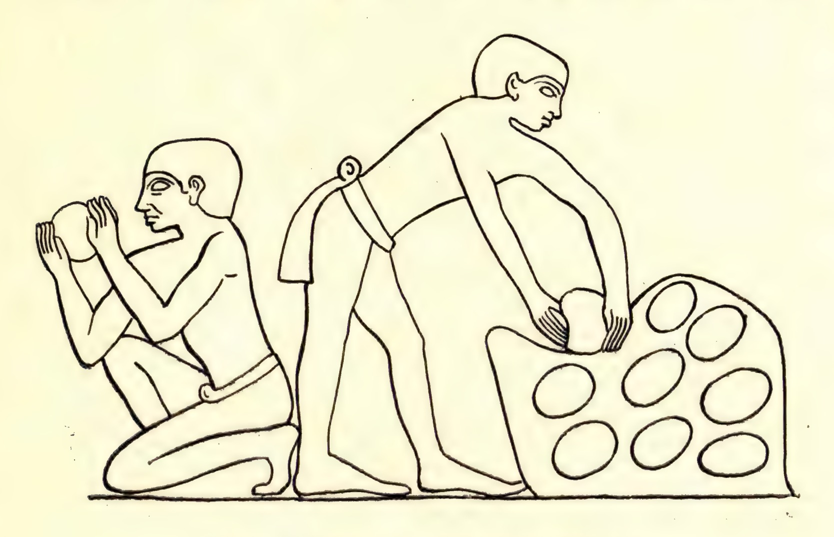

Рис. 13. Выпечка хлебов в горячей золе

[63, стр. 98—99, рис. 80, 81]. В креслах-циновках пастухи обычно сидели, присматривая за скотом на пастбище, где было сыро; спинки кресел-циновок предохраняли их от свежего ранним утром ветра. На рельефе в гробнице Нефериртнефа можно увидеть «начальника стад», сидящего в плетеном кресле; в руке у него посох, за спиной мешок. Пастух наблюдает, как его помощники пекут хлеб: один берет тесто из горшка, другой катает руками тесто, третий печет хлебы в груде золы [78, т. III, табл. 57 (А)] (рис. 13).

В хлевах содержали откармливаемый и молочный скот. Художники изображали условно хлев на рельефах, а именно то, что происходит внутри него. В хле-

вах были сделаны кормушки: для быков более низкие, для газелей и антилоп более высокие. На рельефах сохранились сцены ухода пастухов за животными в хлевах. В гробнице Мерерука изображено кормление коз пастухами: козы лежат, а пастухи сидят возле них на корточках [78, т. III, табл. 37]. На рельефе в гробнице Тии показан пастух, который поит теленка из горшка, а рядом с ним пастух кормит корову травой [78, т. III, табл. 44]. На одном фрагменте рельефа можно увидеть очень спокойного быка с большими лирообразными рогами, который стоит перед пастухом на одном колене, а пастух, лысый и бородатый, запихивает ему в рот траву [78, т. III, табл. 57 B].

Во времена Древнего царства скот стал служить единицей податного обложения, поэтому чиновники и писцы вели его «счет» и «учет» каждые два года. В надписи Пиопинахта сообщается, что «взимался налог („иру") на быков и коз в средних областях (номах)» [25, стр. 27]. Управление царским и государственным скотом было сосредоточено в «Доме пастуха». Пастухи, пасущие скот на пастбищах, должны были регулярно отчитываться в поголовье скота перед чиновниками и вельможами [25, стр. 125]. Плохо бывало тому пастуху, который не сумел увеличить поголовья скота, за это он расплачивался собственной спиной.

ПТИЧНИКИ

В вельможеских хозяйствах Древнего царства, так же как в царских и храмовых, имелись большие птицефермы, в которых содержали и откармливали огромное количество птиц разных пород и видов: гусей, уток, журавлей, лебедей, голубей и пеликанов. Изображенные, за исключением пеликанов, на рельефе в гробнице Птаххотепа, они насчитываются сотнями тысяч, причем приведенные цифры (121 200, 11 120 и др.) настолько конкретны, что не вызывают сомнения [78, т. III, табл. 17; 25, стр. 83; 33, стр. 72]. Необычный состав птиц, содержавшихся на птицефермах, объясняется тем, что они поступали от охотников, поймавших их в сети. То был несъеденный остаток добычи птицеловов. Доставленных в больших клетках птиц [78, т. III, табл. 73,

76, 69, 80] оставляли в вольерах и откармливали, так же как газелей, антилоп и гиен, в качестве постоянного запаса живой дичи.

Пойманные птицы, которых хорошо кормили, быстро свыкались с неволей, и уже во времена Древнего царства птичники делали успешные попытки их приручения. На том же рельефе из гробницы Птаххотепа показана стая настолько уже прирученных гусей, что их пасут на свободе (вне клеток и вольеров), возвращая отдельных беглецов концом изогнутого пастушьего посоха. Б. Брентьес полагает, что попытка одомашнивания гусей

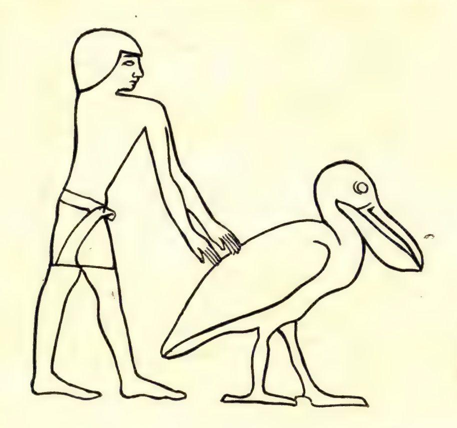

Рис. 14. Пастух пасет прирученных пеликанов

была сделана в Египте только в середине II тысячелетия до н. э., когда там уже стали разводить кур. От этого и более позднего времени дошли изображения гусят рядом с гусями [41, стр. 635—636][21]. Трех прирученных белых пеликанов, которых пасут три храмовых пастуха, можно видеть на рельефе сельскохозяйственного календаря абусирского святилища царя V династии Ниусерра [47, табл. 11] (рис. 14).

Птичьи фермы («херт»), изображенные в гробницах Тии, Кагемни, Мерерука и Неферсешемптаха [78, т. III, табл. 190, 109; 66, рис. 25], состояли из помещений для работников и затянутого сетью вольера для птиц. Перед помещениями для работников находился портик с

[21] Б. Брентьес считает попытку приручения гусей в Египте неудачной, поскольку домашний гусь происходит от другой породы — серых гусей.

четырьмя красивыми каннелированными или гладкими колоннами, которые были увенчаны капителями в виде раскрытых цветов лотоса. В вольере для птиц обязательно находился прямоугольный бассейн с садом — в нем птицы могли купаться и пить воду. Помещения для работников полны людей — писцов, которые записывают количество выдаваемого для корма птиц ячменя, и птичников, таскающих в птичьи вольеры зерно в больших плетеных кошелях или корзинах, которые они ставили себе на голову или на плечи. В вольерах птичники опоражнивали содержимое своих корзин, рассыпая зерно по земле. Надписи это поясняют: «Бросание ячменя гусям», «Бросание ячменя журавлям» [66, стр. 117—121, табл. 10].

В специальном помещении фермы («шетбу») птичники готовили пищу для птиц и кормили их, вытаскивая из вольера. На рельефе в гробнице Тии изображены два птичника — один варит в горшке, стоящем на огне (видно пламя) между двух камней, какую-то смесь из муки, другой катает из этой смеси колобки. В пояснительных надписях говорится: «Варка хлеба», «Приготовление хлеба в колобках» [66, табл. XI; 44, 24]. Сцены, изображающие насильственное кормление птиц, поражают своей необычностью [78, т. III, табл. 76, 77, 78, 81; 66, табл. XI]. Одной рукой птичники схватывали птиц за верхнюю часть шеи, поднимая вверх клюв, чтобы они его открыли, а другой рукой запихивали в клюв колобок, который птица заглатывала. Особенно часто показывают кормление журавлей — колобок надо было им впихивать в клюв особенно быстро, так как птица могла больно схватить работника за пальцы (рис. 15). Как показывают более поздние изображения, при транспортировке журавлям иногда привязывали клювы к шее, чтобы сильная голенастая птица не могла броситься на людей [44, стр. 24]. Так же как журавлей, кормили и других птиц. Сцены кормления поясняют надписи, не оставляющие сомнений в правильности их интерпретации: «Кормление журавлей», «Кормление гусей сер», «Кормление голубей» и т. п. После усиленного и насильственного кормления птиц птичники должны были водить их на прогулку, о чем сообщают надписи: «Хождение гусей после еды» [66, стр. 125].

Хорошо откормленных птиц специальные работники закалывали, ощипывали и подавали господам для еды.

Но думается, что столь тщательный уход за птицами мог иметь одновременно и другую цель — попытку их одомашнивания. На эту мысль наводит хотя бы изображение прирученных белых пеликанов храмового хозяйства в сцене осеннего спаривания диких птиц и животных в период сезона «выхождения» на рельефе сельскохозяйственного календаря в солнечном святилище Абусира. О том, что позднее египтяне действительно пытались сде-

Рис. 15. Откармливание журавля на птичьей ферме

лать пеликанов домашними птицами, свидетельствует изображение в гробнице Харемхеба (середина II тысячелетия до н. э.) пастуха, пасущего пять пеликанов, возле которых стоит пять корзин, полных яиц [78, т. 1, табл. 249]. Попытки приручения и одомашнивания диких птиц в Египте Древнего царства, так же как и диких животных пустыни, были тесно связаны с охотой — ловлей в сети постоянно обитающих в стране и перелетных птиц. Самая тяжелая работа у птичников приходилась, видимо, на осеннее время сезона «выхождения», когда перелетные птицы возвращались в дельту: пойманных птиц надо было осторожно вынуть из клеток, посадить в вольеры и приучить принимать пищу в неволе. Сцены насильственного кормления птиц, довольно часто встречающиеся на стенах гробниц Древнего царства, свидетельствуют, что к тому времени птичники сумели уже выработать оп-

ределенные удобные для них приемы работы, основанные не только на непосредственном наблюдении за жизнью пернатых, но и на знании их анатомического строения.

ОХОТНИКИ И РЫБОЛОВЫ

Охота во времена Древнего царства не утратила еще своего большого хозяйственного значения в экономике Египта. Охотники поставляли убитую дичь, значительно увеличивая мясные запасы страны, и обеспечивали крупные хозяйства молодыми животными и дикой птицей для приручения, откармливания и попыток одомашнивания.

В те времена в густых, подчас непроходимых зарослях дельты, на ее топких болотах и в озерах гнездилась масса водоплавающих птиц — гусей и уток различных видов, ибисов, цапель. Осенью в сезон «выхождения» здесь задерживались перелетные птицы — журавли, перепела, ржавые гуси. Удодами и бекасами были полны сады египтян, а перепелами — жнивье весной [66, 260—265; 78, т. III, табл. 47; 44, стр. 41]. Воды Нила, в которых еще водились крокодилы и гиппопотамы, кишели разной рыбой — оксиринхами, нильскими окунями, африканскими сомами, нильскими тилапиями и двумя видами мугилид из породы лобанов [47, стр. 153—156; 33, стр. 74—75]. Пустынные нагорья, покрытые роще-степной растительностью, и низкие земли их опушек, остававшиеся заболоченными после «паводка», посещались дикими животными пустыни — зубрами, баранами (муфлонами) и козлами, газелями двух видов, козерогами, сабельными антилопами (орикс), мендесскими антилопами, коровьими антилопами (бубалами), оленебыками, а еще чаще хищными животными — львами, гиенами, волками и шакалами. Встречались еще там страусы и позднее исчезнувшие жирафы, водились мелкие животные — зайцы, ихневмоны, ежи [47, табл. 4, 11, 12; 78, т. III, табл. 16, 17; 44, стр. 41—42].

Охота была древним промыслом, и ко времени Древнего царства охотники достигли высокого мастерства. Идеограмма охотника, четко воспроизведенная на рельефе в гробнице Мечена [64, т. II, табл. 3], показывает человека, стоящего на одном колене (обычная поза для охотника, изображаемого на рельефах в гробницах Древ-

него царства) с бумерангом в одной руке и борзой собакой на привязи в другой. Охотники («нуу»), преследовавшие диких животных и хищников пустыни, стояли под началом царских чиновников — «руководителей охотников». Охотой на птиц в болотистых зарослях, на озерах, в садах и на жнивье занимались люди другой профессии — птицеловы («ухау») [25, стр. 84—95; 27, стр. 124, прим. 21], они были большей частью работниками вельможеских хозяйств.

В пустыне охотники преследовали диких животных с помощью лука и стрел. Но поскольку нужно было как можно больше дичи захватить живьем, охотники с палками и лассо устраивали псовую охоту — травлю животных борзыми собаками с загоном их в специально огороженное место с западнями. Такая псовая загонная охота изображена на стене заупокойного храма царя Сахура V династии и в гробницах Птаххотепа и Мерерука [25, стр. 84; 78, т. III, табл. 16, 17, 100; 34, стр. 76]. Египетские борзые собаки отличались быстротой и свирепостью. Они легко догоняли быстроногих антилоп и газелей. Естественно, ловля этих животных живыми в целях их приручения стала возможна только после одомашнивания египтянами собаки. Это произошло очень давно— костные остатки собаки были обнаружены археологами в неолитических поселениях [6, стр. 155], а на сосудах из Накада дошло изображение дикой гривистой овцы, окруженной животными в ошейниках, по-видимому собаками [41, стр. 559]. За это время египтяне вывели стройную длинноногую породу борзых собак[22] и сумели ее выдрессировать для охоты на быстроногих животных. На рельефах в гробницах Мерерука и Птаххотепа борзые собаки показаны нападающими на раненных стрелами антилоп, газелей и гиен. Одна собака свалила на спину сабельную антилопу и свирепо кусает несчастную жертву в шею (рис. 16). Другая расправляется сразу с двумя гиенами.

Самое поразительное в загонной охоте, изображенной в гробницах Птаххотепа и Мерерука, — использование в ней прирученного льва, которого выпускают на дикого быка. Ранее полагали, что лев в этих сценах является объектом охоты, а Брентьес убедительно доказал, что он

---

[22] Б. Брентьес неправильно описывает египетских охотничьих собак, изображенных на рельефе, как коротконогую и кривоногую породу, наподобие такс [40, стр. 11].

заменяет собаку в охоте на диких быков [41, стр. 597]. И действительно, на рельефе показаны охотники, пускающие стрелы в антилоп, газелей и гиен, а не в льва, и борзые собаки, нападающие на них, а не на льва. Наоборот, охотник, стоящий на колене, держит одной рукой двух борзых собак на привязи (впереди него еще

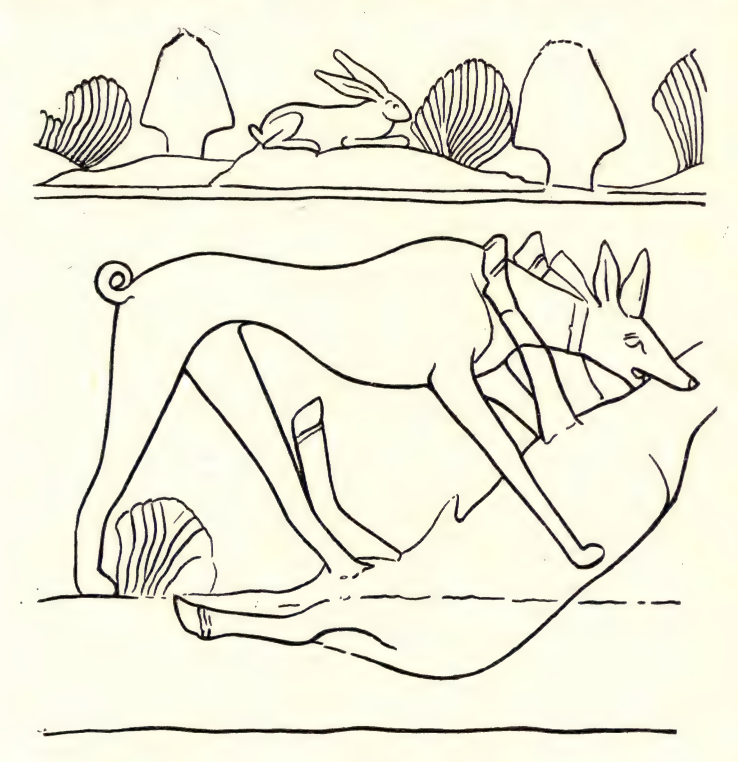

Рис. 16. Охота с борзыми собаками на антилоп

одна маленькая собака, не на привязи, но тоже в ошейнике), а другую протягивает, вытянув пальцы, к быку, в морду которого вцепился лев; кажется, что охотник собирается бросить лассо на рога быку (рис. 17). О приручении львов в Египте Раннего царства свидетельствует палетка Нармера, на которой львицы изображены в ошейниках. Как показывает рельеф в гробнице Нефермаат (IV династия), египтяне Древнего царства использовали

на охоте вместо собаки также прирученного гепарда — стоящий на одном колене охотник держит его на привязи [78, т. 1, табл. 396].

На рельефе в гробнице Птаххотепа можно видеть, как доставлялись в имения животные, захваченные живыми во время охоты в пустыне. В двух больших зарешеченных клетках, поставленных на полозья, охотник везет льва и

Рис. 17. Охота на дикого быка с помощью прирученного льва

леопарда. Другой охотник бежит с коромыслом на плечах, к которому привязаны корзинки, а в них сидят связанными телята антилопы, бубала, козерога и газели. Третий охотник несет клетки, привязанные к коромыслу, в которых сидят ежик, заяц и лисица [78, т. III, табл. 17]. Одеты охотники по-разному: в короткие рабочие набедренники, завязанные сзади, в трусики (очень редкое изображение), в звериную шкуру, закрепленную на одном плече, и в сандалии (поскольку этот охотник стоит, опираясь на посох, он — не простой охотник, а начальник). Охотничьи загоны послужили исходным моментом создания пастбищных загонов для скота.

Опасной была охота гарпуном на гиппопотамов. Т. Вениг справедливо считает этот вид охоты не спортивным, а хозяйственным. Охотой на гиппопотамов египтяне занимались с додинастических времен, используя их мясо для питания. Кроме того, гиппопотамы были обжорами и, выходя на сушу, наносили большой вред пашням земледельцев. В одном из «Поучений» Нового царства

имеется указание о том, какой вред приносили гиппопотамы земледельцам: «Разве не помнишь ты участи земледельца, когда учтен урожай (его), после того как змея (червь?) похитила (одну) половину его и пожрал гиппопотам другую...» [9, стр. 152]. И наконец, вельможи, которые занимались охотой как спортом, никогда не принимали участия в охоте на гиппопотамов, они только

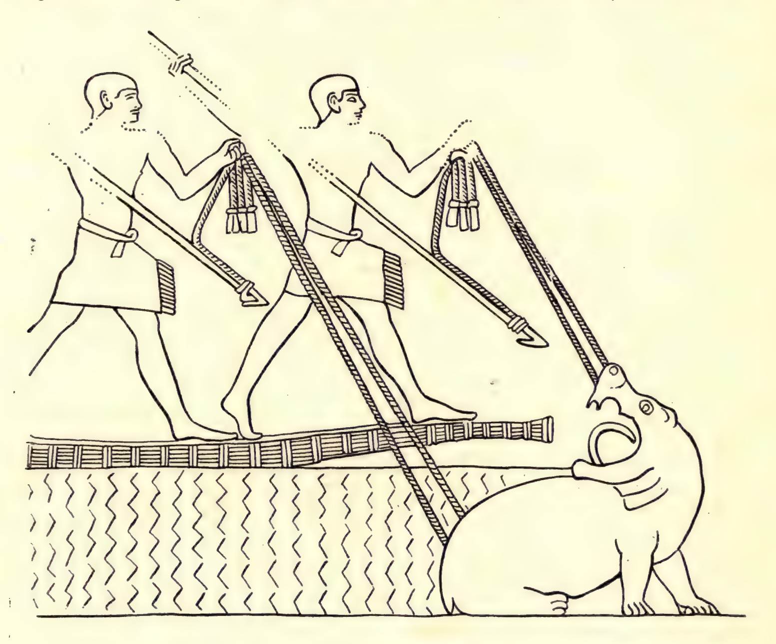

Рис. 18. Охота с гарпунами на гиппопотамов

наблюдали за ней издали [76, стр. 75—76]. Изображение охоты на гиппопотамов сохранилось в гробнице Мерерука [76, табл. 56—57]. На легком папирусном челноке стоят охотники и колют гарпунами гиппопотама, находящегося в воде. Раненое животное повернуло к ним свою огромную открытую пасть. Однако охотники крепко держат его толстыми канатами, привязанными к гарпунам, приканчивают и вытягивают канатами из воды (рис. 18).

Как показывают изображения, изящная охота с бумерангом на водяных птиц была спортивной, поскольку

ею занимались вельможи, совершающие увеселительную прогулку вместе с семьей в легком папирусном челноке через заросли папируса и тростника, где птицы высиживают и кормят птенцов. Стоя в лодке, вельможа-охотник поджидает момент, когда птица пролетит низко над зарослями, тогда он ловко ударяет бумерангом по шее птицы, и она падает замертво в воду. Бумеранг египтян представляет собой метательную палку со слегка согнутым концом, он не похож на австралийский бумеранг [45, т. I, табл. 5; т. II, табл. 5, 3; 34, стр. 79; 44, стр. 43].

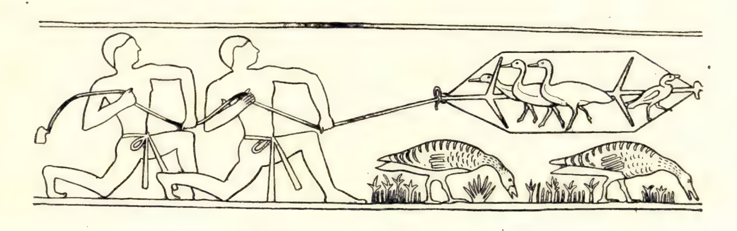

Рис. 19. Ловля птиц ударной сетью

С помощью древнего орудия охоты — бумеранга можно было только убивать птиц, но не ловить их. Поэтому египтяне изобрели простое, но хитроумное снаряжение — ударную сеть, которая позволяла ловить живых птиц и сразу в больших количествах. Изображения ударной сети в росписи на стене гробницы Нефермаат в Медуме и на рельефах в гробницах Тии, Птаххотепа и Кагемни позволили узнать ее устройство и принцип действия [66, стр. 42—52, табл. 1, 2, рис. 10, 11; 78, т. III, табл. 73 C] (рис. 19). Снаряжение состояло из двух прямоугольных сетей, которые расстилались по одну и другую сторону пруда или озера, короткие поперечные стороны сетей были снабжены подвижными жердями-распорками, закрепленными (каждая в одной точке) на четырех колышках, воткнутых в землю, так что сеть могла двигаться вокруг них, аккуратно закрывая и снова открывая пруд; через свободные концы двух сетей пропускали толстую бечевку, которая с одной стороны поперечных жердей-распорок закреплялась на коле, глубоко закопанном в землю, проходила с другой стороны

и, образуя шестиугольную фигуру, соединялась узлом; этот длинный конец бечевки держали в руках птицеловы. Когда птицеловы с силой тянули на себя конец бечевки, обе створки сети поднимались и с шумом захлопывались одна на другую, закрывая пруд или бассейн вместе с находящимися там птицами. Чтобы застигнуть птиц врасплох и не дать им улететь, нужно было внезапно захлопнуть ударную сеть, а для этого — тихо и вовремя подать сигнал.

В гробнице Тии рельефы показывают три этапа в ловле птиц ударной сетью. Первая сцена поясняется надписью: «Ставить сеть». Здесь один птицелов занят вколачиванием большого кола в землю, четыре работника ставят распорки, один разматывает бечевку и, наконец, последний тащит на плече палку со свернутой сетью и провизию в кошеле. Во второй сцене сеть уже расставлена и внутри нее разгуливают птицы, а птицеловы, стоя, ожидают сигнала тянуть веревку, чтобы закрыть сеть. Командует сам хозяин — вельможа Тии, поэтому его фигура изображена сбоку в крупном масштабе. Он наблюдает за птицами из-за зарослей папируса и подает сигнал вытянутой рукой. В третьей сцене сеть уже захлопнута, под ней валяются птицы в разных положениях, а птицеловы с бечевкой в руках лежат на спине один за другим.

В гробницах Кагемни и Птаххотепа ловля птиц ударной сетью показана только в одной сцене. Командует не хозяин, а старший птицелов. Он следит из-за кустов и подает сигнал отряду птицеловов платком, когда видит, что пространство внутри сети заполнилось птицами; по его сигналу отряд птицеловов тянет веревку, и сеть захлопывается. Птицеловы обычно работают голыми, поскольку им приходится стоять по пояс в воде. Во время работы они перебрасываются между собой такими фразами: «Тяни сеть, товарищ, она полна птицами для тебя», «(Поверни) твое лицо ко мне, совсем!» Пояснительная надпись в гробнице Сешеманхптаха содержит название профессии птицеловов: «Улов птиц сетью, (совершаемый) ловцами („ухау“)» [78, т. III, табл. 51].

Вынутых из сети птиц осторожно запихивали в клетки, которые несли подвешенными к коромыслу. Птицеловы с клетками, заполненными гусями, утками и голубями, изображены в гробнице Птаххотепа. Перед посадкой в клетки птицам подрезали крылья, чтобы они не улете-

ли. Около занимающегося этим работника стоит пояснительная надпись: «Вот, ослабляю крылья» [78, т. III, табл. 15].

Перепелов на жнивье ловили сетью другого устройства, которое, однако, остается не совсем ясным по изображению в гробнице Мерерука, где четверо птицеловов стоят по два человека с каждой стороны сети, полной птиц, и затягивают слабо натянутые бечевки, длинные в нижних концах сети, короткие в верхних [78, т. III, табл. 46].

Рядом со сценами ловли птиц на рельефах Древнего царства иногда показано изготовление сети птицеловами с помощью специальной иглы. Работники сидят на циновках перед сетью, подвешенной на вилообразную жердь [63, стр. 97, рис. 77].

Сельскохозяйственный календарь, изображенный на рельефах солнечного святилища в Абусире, показывает возвращение осенью, в сезон «выхождения», перелетных птиц в дельту как знак птицеловам натягивать сети. В это время года, по-видимому, и производилась основная ловля птиц, за исключением перепелов. Их ловили в жнивье, следовательно, во время жатвы хлебов, которая происходила весной, в сезон «сухости». В весеннее время года, когда животные приносили приплод, а страусы и водоплавающие птицы высиживали птенцов, охота, видимо, разрешалась только на перепелов, которые склевывали на пашнях зерно. На рельефе в солнечном святилище Абусира, относящемся к весеннему времени, показан охотник, перед которым свободно бегут собаки в ошейниках, насторожившись, но не гоня окружающих их диких животных. Последние, в свою очередь, спокойно передвигаются, не обращая внимания на собак и охотника. Полагают, что эта сцена сельскохозяйственного календаря должна была показать запретное для кровавой охоты время. Охотник с собаками мог отыскивать отбившихся молодых животных [47, табл. 4, стр. 171—172]. Из кошелки охотника торчит мордочка молодой газели.

Рыбная ловля в Египте Древнего царства имела большое хозяйственное значение, дополняя мясные запасы свежей и вяленой рыбой. Наиболее продуктивно ловля рыбы во времена Древнего царства производилась вершами и неводом. Ловля рыбы вершами воспроизведена в гробницах Тии, Мерерука и Кагемни [66, табл. 3; 78,

т. III, табл. 96; 76, табл. 53] (рис. 20). Верши, сплетенные из прутьев, опускали глубоко под воду, отмечая их местонахождение поплавками (кусками дерева). Когда вершу подрезали, нужно было не менее двух лодок, чтобы ее поднять. Гребцы на двух лодках, изображенные в гробнице Тии, перекликаются между собой: «Греби сильно, товарищ! Делай хорошо присоединение», «Греби, говорит

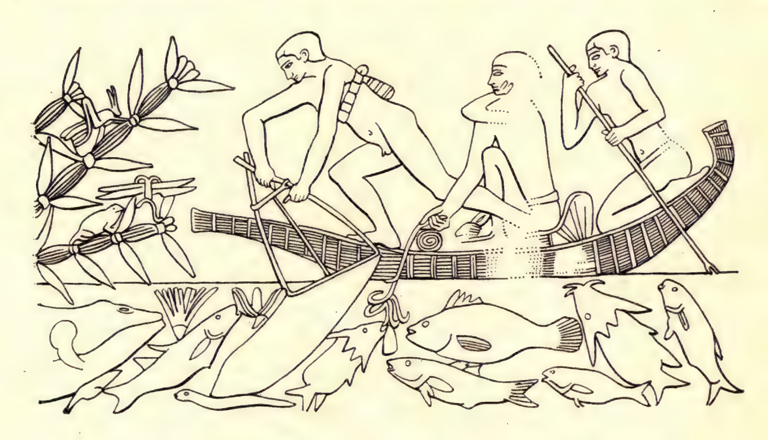

Рис. 20. Ловля рыбы вершей с папирусной лодки

человек, который здесь. Я гребу сильно!». Когда вершу вытянули из воды, один из рыбаков воскликнул: «Как она полна. Этот раз именно!»

Неводом захватывали рыбы еще больше, чем вершей. Изображение ловли рыбы неводом сохранилось в гробницах Рахотепа, Тии, Мерерука и на одном из гизеских рельефов [66, табл. 4; 78, табл. 27, 92 С]. Как показывают изображения, невод представлял собою длинную сеть, которую опускали на дно реки или протока. К сети привязывали тяжести — грузила, они тянули ее ко дну, а поплавки держали на поверхности верхнюю часть сети. К концам невода были прикреплены бечевки, за которые его вытаскивали из воды. Тянули сеть пять-шесть рыбаков под наблюдением надсмотрщика (рис. 21).

В гробницах Тии, Идут и Кагемни можно видеть ловлю рыбы на крючок с маленьких папирусных челноков. Загнутые крючки изготовляли из кости и меди. Несколько связок крючков привязывали к бечевке, кото-

рую держали прямо в руке. Изображения удилищ появляются позднее, со времени Среднего царства, когда рыбная ловля на крючок становится спортивным занятием знатных лиц.

Во времена Древнего царства рыбу также били гарпуном. Этим видом рыбной ловли занимались знатные

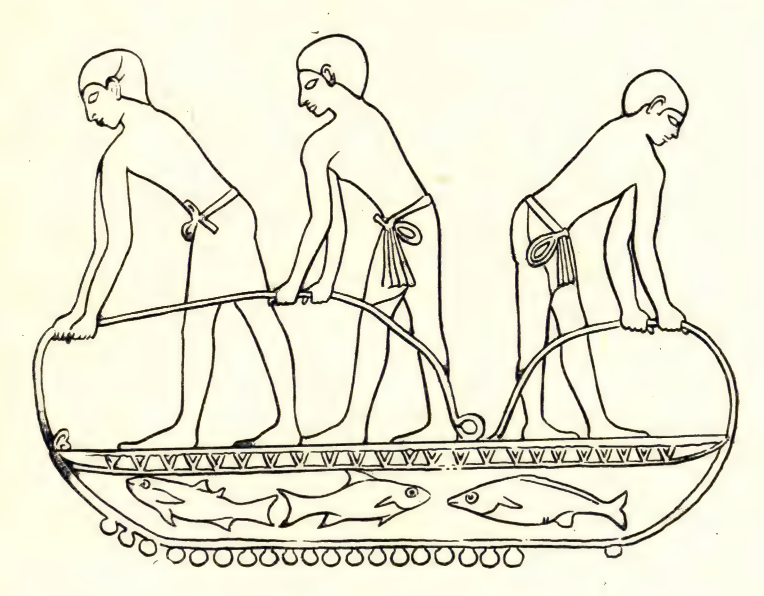

Рис. 21. Ловля рыбы неводом

вельможи, например Хетепхерахти, который плывет на легком папирусном челноке вместе с женой. Вельможа стоит во весь рост и держит на гарпуне двух больших рыб, а жена сидит у его ног [74, рис. 1].

Как свидетельствует сельскохозяйственный календарь, самые большие уловы рыбы приходились на начало сезона «половодья», когда одновременно с поднятием вод Нила в них появлялись косяки рыб мугилид из породы лобанов, которые плыли из Средиземного моря вверх по течению до первых порогов у острова Элефантина, и на осенний период «выхождения», когда мугилиды возвращались обратно в море, чтобы положить там икру. В гробнице Тии сохранилось изображение двух

видов этих рыб («хезкемет» и «хеба»), которых арабы называют «тобар» и «бури».

Профессия рыбаков обозначалась тем же словом, что и птицеловов,— «ловцами» («ухау»), поскольку пиктограмма этого слова состоит из двух знаков—лодки и сети. На гробничных рельефах сохранились сцены вязания рыболовной сети из веревки с помощью специальной иглы. Рядом показано изготовление веревки: скручивание пряди из тонких волокон льна и свивание нескольких прядей в одну [63, рис. 78]. Пойманную рыбу разделывали для сушки иногда прямо в лодке, но чаще на берегу. Рыбу разрезали вдоль хребта и чистили так, что ее голова, хвост и брюхо оставались целыми. Вынутую из рыб икру складывали в горшки [63, стр. 79, рис. 73]

ПЕКАРИ, ПИВОВАРЫ, ГОРШЕЧНИКИ

В царских, храмовых и вельможеских хозяйствах имелись особые заведения, называемые «домами шнау»,— своеобразные пищевые мастерские, которые соединяли в себе пекарню и пивоварню, а также подсобное гончарное производство и поварню, где жарили и варили птицу и мясо [5, стр. 1—7]. Часто встречающиеся на стенах гробниц Древнего царства изображения хлебопекарен и пивоварен свидетельствуют об их большом хозяйственном значении в те времена. Хлеб и пиво были основной пищей древних египтян, которая упоминается на первом месте в заупокойных жертвенных формулах и в текстах, сообщающих об оплате труда ремесленников за сооружение гробниц. В списках жертвоприношений перечислено около двадцати названий различных сортов и видов хлеба (островерхий, округленный, ячменный, свежий, маленький круглый каравай и т. п.), а также несколько сортов пива [25, стр. 74—75]. О государственных пивоварнях идет речь в должностном наименовании чиновника Пехернефера конца III династии: «Начальник пивоваров дома шнау Внутренней земли (т. е. Верхнего Египта), начальник пивоваров дома шнау Нижнего Египта» [25, стр. 71].

Изображение хлебопекарни и пивоварни «дома шнау» сохранилось во многих гробницах Древнего царства.

В них готовили не только для жертвоприношений двойнику, но и для земного стола вельможи, как показывает надпись в гробнице Сешемнефера: «(Приготовление) припасов для Сешемнефера» [51, т. III, табл. 147]. В пояснительной надписи к изображению большой хлебопекарни и пивоварни в гробнице Тии сообщается, что при этом хозяйственном заведении находилось зернохранилище [66, табл. 20]. Как показывает изображение на рельефе, работники «дома шнау» брали зерно из хранилища — отодвигали расположенную внизу дверцу-дощечку и подставляли сосуд, в который ссыпалось зерно. Писец записывал на папирусе количество взятого зерна.

Для превращения зерна в муку его обрабатывали очень примитивными и трудоемкими способами. В центре хлебопекарни Тии два дюжих молодца толкут зерно длинными пестами в большой ступе, чтобы отделить от него колосковые чешуйки. Иногда эту работу выполняли трое мужчин. Надписи над работающими сохранили их восклицания: «Опускайся, ты (т. е. пест)! (Это) я делаю!», «Опускай, поднимай!» Судя по надписям, работники поднимали и опускали в ступу песты в определенном ритме [66, табл. 19].

Очищенное от чешуек и раздробленное зерно женщины-рабыни растирали округлыми камнями на горизонтально лежащих каменных плитах. В «Поучении» Птаххотепа, составленном в конце V династии, упоминаются рабыни («хемут»), работающие на зернотерках («бенут») [25, стр. 194]. Сохранилось большое количество статуэток из камня и дерева, изображающих зернотерщиц, которые, стоя на коленях, растирают зерно между двух камней. На некоторых рельефах перед зернотерщицами можно увидеть небольшие мешки — из них сыплется зерно на каменную плиту. Труд зернотерщиц был очень тяжелым, поэтому они работали обычно в одном опоясании. Одна из зернотерщиц отвечает торопящему ее работнику: «О! Я растираю изо (всех) моих сил!» Уже в Древнем царстве делались попытки усовершенствовать зернотерки. На рельефе в гробнице Сешемнефера каменная плита, на которой растирается зерно, имеет немного вогнутую форму и лежит не горизонтально, а покато: под один из ее концов подложен другой камень, благодаря чему работница могла принять более удобную позу.

Рядом с зернотерщицами работницы просевают ситами разной формы муку, полученную из растертого зерна. Муку грубого помола, оставшуюся после просеивания, они отправляли обратно на зернотерки. Это повторялось до тех пор, пока не удавалось получить муку лучшего качества. В надписи Пехернефера упоминаются мастерские помола, специализированные для различных сортов хлеба. В хлебопекарне Тии растиранием зерна и просеиванием муки заняты восемнадцать работниц [66, табл. 19].

Из полученной муки месили тесто в больших квашнях. На рельефе в гробнице Тии изображена работница, которая месит тесто в такой квашне, погрузив в нее руки. Рядом две работницы выливают закваску из сосудов в другую квашню. В стороне от них стоит большой горшок с подписью «тесто», которое, видимо, было оставлено для получения из него закваски. Дрожжи в Древнем царстве не были еще известны (их стали употреблять со времени Нового царства) [66, стр. 239].

Пока женщины готовили тесто для выпечки хлеба, двое работников разжигали очаг и прогревали на огне глиняные конусообразные формы для выпечки хлеба. Эти формы, количеством от девяти до тринадцати, располагались горкой над очагом, причем так, чтобы пламя огня охватывало их изнутри. Один работник, присев на корточки, мешает палкой угли очага, закрывая рукой глаза от жара. Другой работник ловко схватывает самую верхнюю форму с помощью прихваток, чтобы определить, достаточно ли она нагрелась для выпечки хлеба. Он говорит пекарю: «Торопись, она горяча!» Наступал момент выпечки хлеба. Горку из форм над очагом разбирали и ставили их в ряд. Пекарь наполнял формы до краев тестом и покрывал их такими же, но пустыми и перевернутыми формами-крышками. Получались маленькие глиняные печи, которые хорошо сохраняли жар. Когда хлеб был испечен, крышки снимали, а формы осторожно разбивали, чтобы его вынуть. Испеченные хлебы с коричневой корочкой ставили на подносы или складывали в корзины [66, стр. 239, табл. 19].

Процесс пивоварения был непосредственно связан с хлебопечением: из ячменной муки грубого помола выпекали хлебцы, немного не пропеченные в середине, помещали их в сосуды с водой для закваски и прессовали в чане. В пивоварне, изображенной на рельефе в гробнице

Тии рядом с хлебопекарней [66, табл. 20], на очаге тоже прогревают глиняные формы для выпечки хлебцев — куполообразные, но более широкие и низкие, чем в хлебопекарне, и овальные. Один пивовар замешивает тесто в квашне, рядом с ним другой выливает из кувшина в горшок пряности; двое, сидя на корточках перед низеньким столом, раскатывают тесто ладонями, чтобы заполнить им продолговатые овальные формы. Хлебцы в чане перемешивались с пряностями, соком фиников, который играл важную роль, и растворялись. Полученную смесь процеживали и разливали по осмоленным внутри сосудам, которые закупоривали конусообразными или круглыми пробками [66, стр. 249]. Иероглиф пивовара («афти») показывает работника, стоящего в чане; полагают, что он либо давит финики, либо месит тесто ногами.

Поскольку для выпечки хлеба требовались глиняные формы, а для разлива пива — глиняные сосуды, в «доме шнау» работали также гончары. Гончарное производство было в Египте одним из древнейших: глиняные горшки из грубой, плохо перемешанной глины дошли до нас от эпохи неолита (VI—V тысячелетия до н. э.). Но со времени бадарийской культуры стали изготовлять уже хорошо обожженную, красивой формы керамику. Процесс изготовления керамической посуды начинался, как и в современном Египте, с размешивания ногами политой водой глины, к которой иногда добавляли мелко рубленную солому — для уменьшения липкости глины, лучшего испарения воды во время сушки и предотвращения чрезмерной усадки сосуда при сушке. Солома и следы выжженной соломы были обнаружены археологами в додинастической керамике [12, стр. 555].

В гробнице Тии не сохранилось изображения первого этапа работы гончаров. Но он засвидетельствован на другом, правда, плохо сохранившемся рельефе Древнего царства с подписью «утаптывание глины». На рельефе из гробницы Тии показан уже второй этап работы гончаров: формовка сосудов на гончарном круге — маленькой круглой площадке для поддержки глины, которая медленно, вручную вращалась на вертикальном стержне. Существуют разные мнения ученых относительно времени появления в Египте гончарного круга, но большинство склоняется к тому, что он появился во времена I династии, а вошел в общее употребление с IV династии. Изо-

бражение формовки сосудов, в которых хранилось молоко, пиво и вино, сопровождается пояснительной надписью: «повертывание сосуда, формовка сосуда». После изготовления сосуд подвергался сушке, а для превращения глины в твердую массу сосуд обжигали. Первоначально это делали; вероятно, прямо на земле — на костре. В гробнице Тии мы находим уже изображение высокой гончарной печи, дверца у которой находится внизу, справа; весь корпус окрашен в красный цвет, чтобы показать, что печь горячая. Сосуды, вынимаемые из печи после обжига, тоже красного цвета [66, табл. 19, 20].

КОЖЕВНИКИ И ТКАЧИ

Кожа в Египте Древнего царства нашла очень широкое применение. Из нее изготовляли сандалии, бурдюки, мешки, кошели, чехлы и футляры различной формы для свитков папирусов и драгоценных изделий, пергамент и, наконец, ремни. К сожалению, от Древнего царства сохранилось очень мало кожаных изделий. В саркофаге Иду была обнаружена пара сильно поврежденных сандалий [57, т. VII, стр. 107], которая не позволяет судить о качестве работы. Но придворный сапожник Ута сообщает в своей надписи, что он изготовил царские сандалии к радости своего господина, потому что гордился их украшением. Судя по тому, что в Тархане было найдено деревянное хранилище для сандалий, изящной обувью рано начали дорожить, особенно при дворе [59, стр. 24]. Сандалии украшали прежде всего ремнями из пестрых плетеных шнурков, но также делали рисунки и на подошве, как показывают экземпляры, сохранившиеся от более поздних периодов. В гробнице царицы Хетепхерес сохранился кожаный футляр, в котором лежали драгоценные золотые украшения. Футляр художественно выполнен — на нем инкрустирована эмблема бога Мина [69а, т. II, стр. 47]. Х. А. Кинк обратила внимание на использование кожаных ремней для прикрепления к рукоятке рабочей части многих орудий труда (топор, тесло) и для скрепления деталей мебели, что хорошо видно на сохранившихся предметах обстановки в гробнице Хетепхерес [7, стр. 55]. В гробнице Хесира имеется изображение различных кожаных предметов. Футляры писцов

можно видеть на многих рельефах в гробницах Древнего царства.

Египтяне с древнейших времен умели обрабатывать шкуры, которые им в изобилии доставляли охотники и пастухи. Стручки акации, содержащие танин, позволяли им заниматься дублением кожи [44, стр. 63]. Изображение кожевенных мастерских сохранилось на рельефах в гробницах Анхмахора и Тии [78, т. III, табл. 34, 35]. В мастерской Анхмахора показан кожевник, растягивающий кожу на трехногих козлах. При выделывании кожи ее сначала мочили в масле, затем дубили и, наконец, растягивали, чтобы придать эластичность [44, стр. 63]. Пояснительная надпись в гробнице Анхмахора над растянутой на козлах кожей сообщает: «Она (т. е. кожа) очень мягка». В мастерской Тии один кожевник растягивает кожу тоже на козлах, другой же на каком-то приспособлении, состоящем из стволов, закрепленных у вершины кола. В мастерской Анхмахора находится еще сапожник, который «режет» на скамеечке «сандалии», и мастер, изготовляющий кошель. Придворный сапожник Ута сообщает в своей надписи, что он умел делать футляры для свитков папируса, пергамент и сандалии. При дворе он занимал высокое место чиновника, «посвященного в тайны» [59, стр. 7].

Изображения ткацких мастерских появляются только в Среднее царство, но пряслица от веретен в виде каменных колец дошли до додинастических и раннединастических времен. В надписи Пехернефера упоминается мастерская по обработке льна, в которой женщины били лен деревянными колотушками, чтобы снять с него оболочки и разрыхлить волокна. Из льна изготовляли ткани, паруса, веревки, ложа для кроватей и сиденья для стульев. Льняные веревки были найдены в гробнице Хемака. Веревка состоит из свитых прядей, скрученных из тонких волокон льна с помощью веретена и вилообразной жерди, через которую тянули нить волокна [63, рис. 78]. Остатки полотняных тканей были обнаружены уже в гробницах неолита. Рассмотрение кромок тканей Раннего и Древнего царств позволяет сделать вывод, что в эту эпоху были уже известны ручные горизонтальные ткацкие станки. Встречающиеся в надписях наименования должностей «начальник ткацкой мастерской большого дома», т. е. дворца, и «начальник мастеров ткацкой мастерской» позволяют предположить, несмотря

на отсутствие изображений ткацких мастерских, что по меньшей мере в царских и храмовых хозяйствах ткачество в те времена уже отделилось от сельского хозяйства. Это подтверждает обилие наименований сортов полотняных тканей в списках жертвоприношений Древнего царства, их многонитяные переплетения и высокое качество. Ахтой, сын Дуафа, в своем «Поучении» I Переходного периода, рассказывая о бедствиях ткача, по существу описывает ткацкую мастерскую: «Ткач находится в помещении, он более слаб (букв. плох), чем женщина. Колени его у живота его, и не может он вдыхать воздух. Если... в день в тканье, то его бьют пятьюдесятью. Дает он хлеб привратнику ради позволения увидеть свет» [32, стр. 57]. Но, по-видимому, в какой-то части ткачество носило еще домашний характер. Для плиссировки тканей имелся особый станок-доска.

МЕТАЛЛУРГИ И ЮВЕЛИРЫ

Добыча медной руды во времена Раннего и Древнего царств велась в юго-западной части Синайского полуострова около Вади Магхара и Серабит эль-Хадим, где были найдены остатки древних рудников и поселений рудокопов. Древние горные экспедиции, среди участников которых названы медники, писцы и надзиратели над медниками, отправлялись на Синай обычно в прохладное время года: в конце сезона «выхождения» — начале сезона «сухости» (приблизительно на три-четыре месяца, с середины января до середины мая, когда еще не начинал дуть хамсин). В более поздних надписях начальники экспедиции жалуются на тяжелые условия работы в необычное для них время: сильную жару и трудности с водой. Экспедициям часто приходилось отражать нападения кочевых племен бедуинов. В честь побед над ними на скалах вблизи рудников оставляли барельефы и надписи (I—VI династий). В этих надписях и в летописи на Палермском камне район рудников в Вади Магхара назван «Уступами бирюзы», откуда доставляли «кирпичи меди» [25, стр. 90; 6, стр. 104; 32, стр. 22].

В жилищах рудокопов и копях были найдены медная руда, шлак, древесный уголь, сломанные тигли из

глины для выплавки медной руды, формы для отливки и куски меди. Обнаруженные орудия рудокопов позволили определить, что добыча медной руды, залегающей неглубоко, велась открытым способом с помощью остроконечных каменных кирок и молотов (большей частью из кремня), медных кирок и зубил. На стенах копей сохранились следы работы медными инструментами. Руда выплавлялась там же на месте добычи в круглых горнах, сложенных из камней. Тигли изготовлялись из глины, смешанной с кварцевым песком, и имели своеобразную форму, отразившуюся в знаке иероглифа меди: две половинки в виде сапожков. Поселок рудокопов составляли приблизительно 125 жилищ, сложенных из грубо обработанных камней с большими щелями. Он был рассчитан на временное сезонное пребывание рудокопов.

Золото добывалось в Восточной пустыне, где сравнительно недавно были обнаружены новые архаические надписи, свидетельствующие о разработке золотых рудников уже во времена Раннего царства [50а]. Во времена Древнего царства Нубия еще не поставляла золото Египту.

Изображения мастерских металлургов сохранились на рельефах в гробницах Вепемнеферта, Анхмахора, Тии и Мерерука [51, т. IV, стр. 192; 78, т. III, табл. 33—35]. В мастерской Вепемнеферта показаны мастера-металлурги, обрабатывающие медь, что выясняется из пояснительной надписи: «Плавка меди». Четверо работников, сидя на корточках вокруг костра на куче древесного угля, поддувают в него из длинных тростниковых трубок так, чтобы пламя направилось под тигель и расплавило медь [23]. Концы трубок, опускаемые в костер, обмазаны глиной для предохранения от возгорания. Металлург, стоящий рядом с костром, выливает расплавленную медь из тигля в открытую форму, около него надпись: «Литье меди». Двое кузнецов, зажав в правой руке плоские куски камня, заменяющие молоты, куют на каменной наковальне. Профессия металлурга обозначалась тем же знаком тигля, что и медь («биа»).

Несмотря на то что медь, добываемая на Синае, была мягкой, так как имела незначительное количество при-

[23] Для плавки металлов нужна была высокая температура — выше 1000° [7, стр. 92; 44, стр. 65].

месей марганца и мышьяка, древние кузнецы умели ее закаливать путем холодной ковки так, что получали достаточно твердый металл. Химический анализ орудий из меди показывает, однако, что металл эти свойства со временем терял. Но бронза в период Древнего царства была еще неизвестна — медь не сплавляли с оловом, чтобы сделать ее тверже. Из этого следует, что только ковкой и перековкой медных орудий древние кузнецы достигали удивительной твердости. Из меди в этот период изготовляли многие инструменты для обработки не только дерева и мягких сортов камня, но также и твердого камня — базальта, гранита, о чем свидетельствуют следы медных инструментов, сохранившиеся на гранитных и базальтовых блоках и саркофагах. Медные орудия были найдены в каменоломнях и копях, а целые наборы медных инструментов оказались положенными в гробницы знати. Из меди изготовляли топоры, пилы, тесла, резцы, долота, когти для подъема каменных блоков, ножи, гвозди, скобы и, наконец, цилиндрические сверла. Умели делать из меди и такие сложные произведения искусства, как статуи: до нас дошли две медные статуи (большая и маленькая) царя VI династии Пиопи II. Медными листами выкладывали водосточные желобы в пирамидных и храмовых сооружениях без следов припая. Медный кувшин и таз из гробницы царицы Хетепхерес IV династии сделаны также способом холодной ковки, а носик кувшина отлит и закреплен холодной ковкой [25, стр. 90—95]. Однако А. Лукасу удалось открыть применение твердого припоя из меди и тонкого слоя серебра в цилиндрических медных втулках для подпорок балдахина в гробнице Хетепхерес [12, стр. 34]. При обработке камня инструментами из кованой меди для придания им твердости добавляли смоченный песок, так называемый абразивный порошок.

В гробницах Мерерука и Анхмахора сохранились рельефы с изображением ювелирных мастерских, где посредством плавки и ковки свинца, золота и серебра изготовлялись различные предметы украшений (ожерелья, нагрудные воротники, кольца, браслеты) и сосуды. В мастерской Мерерука происходит взвешивание металла. Весовщик держит в руках чрезвычайно примитивно устроенные весы: неподвижный деревянный крест, к концам поперечной дощечки подвешены на крюках две чаши — на одной лежит металл, на другой стоят гири,

к вертикальной дощечке привешен на шнуре отвес (грузило). Когда вес металла равен весу гирь и чаши стоят на одинаковом уровне, отвес находится посередине (середина засечена). Чтобы взвешивать на таких весах, рука, которая их держит, должна быть неподвижна. На полу около весовщика стоят два ящика — с гирями и со слитками металла. Результаты взвешивания записывает писец. Весовщик, который был «начальником дома», т. е. управлял хозяйством Мерерука, и писец одеты, как служащие, в широкие передники-юбки до колен.

Металл здесь плавят тоже на костре — в двух глиняных тиглях в форме сапожков, соприкасающихся друг с другом спинками. Шесть работников-металлургов поддувают в костер из тростниковых трубок с глиняными наконечниками, защищая свободной рукой лицо от жара. Тяжелая работа поддувал, особенно утомляющая легкие, была облегчена лишь в период Нового царства изобретением мехов для поддувания, которые приводились в движение ногами. Мастер, выливающий расплавленный металл из тигля в литейную форму, специальными щитами охраняет руки от ожогов. Ему помогает подросток, сидящий на корточках,— открывает при помощи палочки носик тигля, чтобы струя металла лилась в стоящую на полу простую форму. Четверо кузнецов, сидя на корточках перед низкой каменной наковальней, куют металл небольшими кусками камня. Одна рука с камнем поднята у них вверх для размаха, другая прижимает к наковальне металлическую пластинку. Над кузнецами пояснительная надпись: «Ковка белого золота (т. е. серебра)». Рядом с мастерской изображены уже изготовленные из металла сосуды, кувшины, приборы для мытья — одни стоят на столиках, другие несут работники.

После обработки (литья и ковки, иногда только литья) драгоценные металлы — золото и серебро — передавали ювелирам. Тонкой ювелирной работой в древнем Египте большей частью занимались карлики — их маленькими руками было удобно нанизывать мельчайшие бусы и делать другую мелкую работу. В мастерской Мерерука они занимались изготовлением ожерелий различных форм из драгоценного металла и камней. Коротко подстриженные, с выбритым лбом карлики сидят на колодах и стоят перед двумя низкими столиками, на которых лежат ожерелья: широкие круглые колье из бус (в

египтологии их принято называть «воротниками») с застежкой из драгоценного металла в виде двух соколиных голов, длинное нашейное украшение в виде ленты с медальоном (рис. 22). Но за двумя крайними столами сидят на корточках обыкновенные работники, не карлики, два из них изображены очень натуралистически, с отвислым животом и жирной грудью, видимо от малоподвижной работы. Они изготовляют кайму нашейного

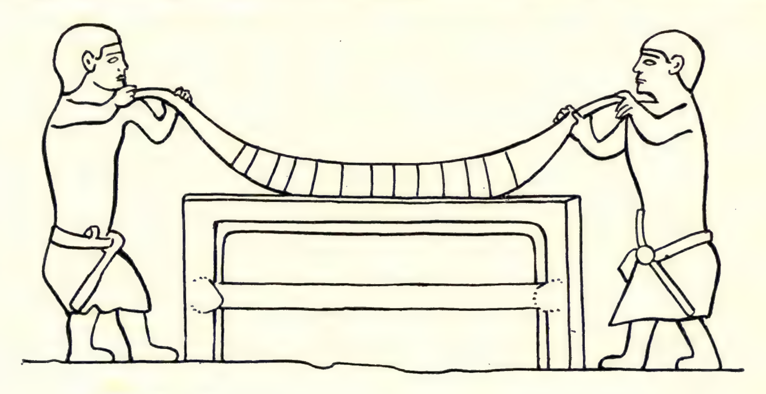

Рис. 22. Ювелиры-карлики за изготовлением ожерелья

украшения, нанизывая мельчайшие бусины. Один говорит другому (в пояснительной надписи): «Торопись, дай возникнуть (т. е. сделай готовым украшение)». Работающие за другим столом ювелиры, высоко подняв изготовленные ими украшения, любуются ими; один из них обращается к другому: «Оно очень красиво, товарищ!» Над мастерской ювелиров изображены изготовленные ими украшения: кроме ожерелий, воротников и колье здесь виден очень красивый налобный обруч — диадема с цаплями, от которой свисают две ленты, с длинным и коротким концом (рис. 23).

Изображение мастерской ювелиров на рельефе в гробнице Анхмахора интересно тем, что позволяет предположить двухэтажное здание: в высоком нижнем помещении с красивыми колоннами, увенчанными капителями в форме открытых цветов лотоса, работают люди нормального роста, в низком верхнем помещении — карлики. Мастерская, показанная в гробнице Тии, тоже находится в помещении с колоннами.

Золото и его обработка были известны египтянам еще в Раннее царство: в гробницах того времени были обнаружены золотой брусок времени царя Мины, четыре золотых браслета и золотой скипетр царя Хасехема (II династия) [25, стр. 98]. Во времена Древнего царства золото употреблялось не только для изготовления драгоценных украшений, но и для отделки (обшивки ли-

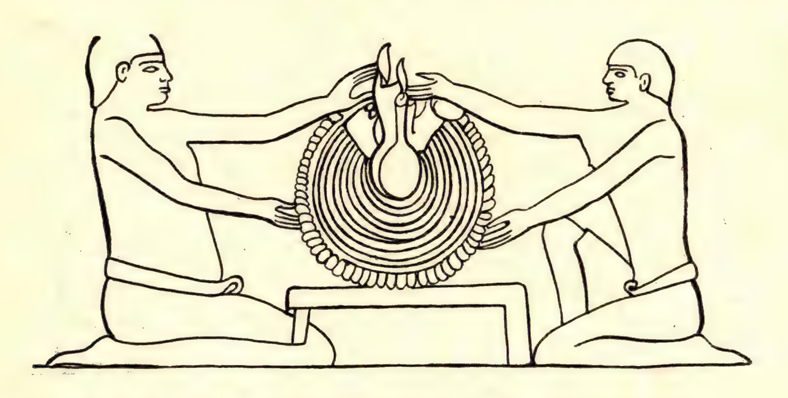

Рис. 23. Ювелиры за изготовлением нашейного украшения

стами золота) деревянных предметов — мебели и саркофагов. Много золотых и позолоченных предметов было обнаружено в гробнице царицы Хетепхерес: три небольших золотых сосуда, в том числе красивый золотой кубок с загнутым ободком и длинным носиком, золотые туалетные принадлежности, золотые листы, покрытые резьбой, составлявшие некогда золотую обшивку для ящиков, окованные золотом деревянные шесты и навес над кроватью, мелкие инструменты из золота и позолоченной меди, золотые кольца с инкрустациями из камней, позолоченная деревянная мебель и золотые иероглифы, инкрустированные на деревянном переносном кресле. В гробнице Хетепхерес были найдены также серебряные изделия, главным образом кольца и браслеты, но в меньшем количестве, чем золотые [69а, т. II, стр. 23—46]. Это объясняется тем, что серебро могло привозиться только из Азии и поэтому должно было считаться более ценным и редким металлом, чем золото. Впрочем, высказывается также предположение, что раннеегипетское

серебро было естественным сплавом серебра с золотом, месторождение которого встречается в самом Египте. Такой сплав называют электроном. В летописи на Палермском камне упоминается статуя времени V династии, сделанная из электрона, а на стене припирамидного храма царя Сахура изображена посуда из электрона, о чем сообщает пояснительная надпись [32, стр. 24; 25, стр. 99]. Иногда делали статуэтки из нескольких металлов, что свидетельствует о высокой квалификации ювелиров.

В Каирском музее хранится знаменитый священный сокол Иераконполя конца Древнего царства. Туловище птицы сделано из дерева, которое покрыто накладной медью, голова — из золота, она прикреплена к туловищу золотыми гвоздями — некоторые из них сохранились на месте; глаза сокола — из обсидиана [44, стр. 68—69].

Изделия ювелиров Древнего царства являются подлинными произведениями искусства и отличаются от роскошных драгоценностей Нового царства простотой и строгостью.

ПЛОТНИКИ И СТОЛЯРЫ

В грандиозном строительстве из камня во времена Древнего царства довольно широко использовали дерево. Пирамиды и храмы не могли быть построены без транспортных средств (судов, барж, саней и полозьев), различных подъемных сооружений (простых рычагов, лесов-помостов, распорок) и огромного количества орудий (строительных мотыг, колотушек, молотов), которые изготовлялись из дерева. На судах и баржах перевозили зерно, скот, плоды. Расширение в этот период внешних сношений Египта потребовало строительства морских парусных кораблей. Большое количество дерева расходовалось на орудия труда (сохи, мотыги), простые рычаги, коромысла и различные приспособления, которые употребляли в сельском хозяйстве: упряжки, клетки для птиц и мелких животных и т. п. Во времена Древнего царства из дерева продолжали строить часовни и беседки, делали полы, потолки, колонны и двери кирпичных домов, мебель, лари, саркофаги, статуи и всевозможные мелкие поделки.

Во времена Древнего царства Египет уже не изобиловал деревом, хотя по берегам Нила и высыхающих русел мелких речек (вади) росли еще рощи и даже леса. Из местного дерева для изготовления поделок употребляли главным образом акацию и тамариск, древесина которых отличалась достаточной крепостью. Но дерево лучшего качества и большей величины доставляли из Сирии и Палестины (строевой лес), а также из Нубии (черное эбеновое дерево). В летописи на Палермском камне сообщается о «прибытии 40 судов, наполненных кедровым деревом», в правление царя Снофру (IV династии) [32, стр. 20].

Изображение столярной мастерской сохранилось на рельефах в гробницах Тии и Мерерука [78, т. III, табл. 35, 33]. В мастерской вельможи Тии можно видеть, как два «столяра» распиливают стволы медными пилами на доски. Тонкие и неширокие медные пилы (длиной от 25 до 42 *см*) с наклонно расположенными зубьями, снабженные деревянными рукоятками, были известны в Египте с III тысячелетия до н. э. [7, стр. 47], благодаря чему египтяне с древнейших времен умели изготовлять доски и тонкую фанеру. Но для валки леса пила не употреблялась, даже в более поздние времена деревья рубили медными топорами [78, т. III, табл. 27; 65, т. II, стр. 13].

Столяры пилят стволы двумя способами: один, стоя на полу на одном колене, левой рукой держит (ближе к верхушке) вертикально поставленный ствол, а правой его распиливает, причем удивительно ровно для такого примитивного способа. Другой мастер, стоя, распиливает обеими руками более длинный ствол, привязанный верхней, уже распиленной частью к столбу, вбитому в землю. Согласно распространенному мнению, в распил доски вставлен клин, на верхнем конце которого закреплен камень-противовес [7, стр. 47] (рис. 24). Клин служил якобы для расширения распила по мере продвижения пилы, поскольку египтянам не был еще известен развод пилы (т. е. поочередное отгибание ее зубьев в обе стороны), необходимый для предотвращения зажимания пилы распиливаемыми частями ствола. Финский ученый О. Макконен внес поправку в неточное объяснение описанного способа распила: «На изображении показан клин, вставленный не в распил, а между привязанными веревками и распиливаемой доской, так что он явно служит для натяжения веревок и для закрепления доски в

неподвижном положении. Еще отчетливее это видно на рисунке, найденном в той же погребальной камере и также изображающем распил ствола, а именно в связи с постройкой корабля. Зачем было конструировать такое сложное устройство всего лишь для расширения распила? Это очень легко сделать и без груза, достаточно загнать деревянный клин в верхний конец распила». О. Макконен приводит пример от времени XI династии, когда развод пилы был уже, возможно, известен древним

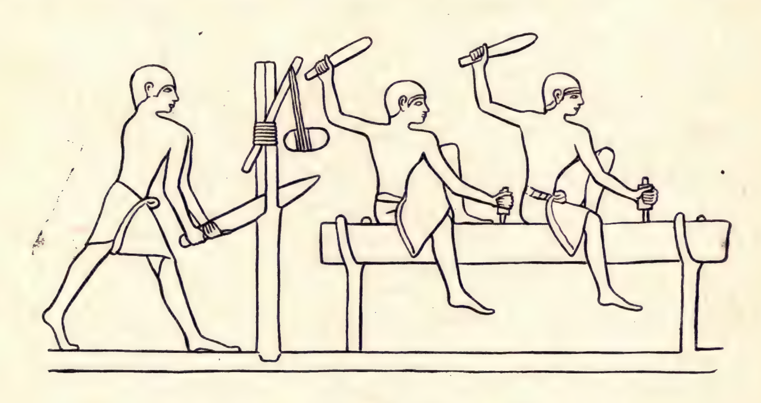

Рис. 24. Распил ствола дерева медной пилой и работа долотами

египтянам, а на миниатюрной модели столярной мастерской, найденной в склепе царевича Мекетра (2000 г. до н. э.), воспроизведен столяр, распиливающий закрепленную в раме доску на две более узкие, вставив в верхний конец распила чурбан [65, т. II, рис. 6]. Распил, видимо, и этим, более усовершенствованным способом — двумя руками — требовал от работающего большого физического напряжения. Столяр мастерской Тии стоит, широко расставив ноги, ему жарко, он завязал свой набедренник сзади и кричит другому: «Дай другую, она (т. е. пила) горяча!». Сидящий на корточках столяр описываемой мастерской строгает доску медным теслом, которое заменяло древним египтянам рубанок. Тесло привязано к рукоятке кожаным ремнем или веревкой.

Между двумя пильщиками расположился столяр, который, сидя на корточках, выдалбливает долотом-ста-

меской паз на доске или колоде, по рукоятке долота он бьет колотушкой. Пазы выдалбливались для шипов, посредством которых соединяли отдельные части деревянных изделий [7, стр. 49]. В другом конце мастерской деревообделочник, стоя на одном колене, просверливает крышку ящика трубчатым сверлом — предком нашего коловорота [44, стр. 60]. Мастер держит одной рукой сверло за головку, другой приводит его в движение, вращая рукоятку. Тиски и верстак не были известны древним египтянам.

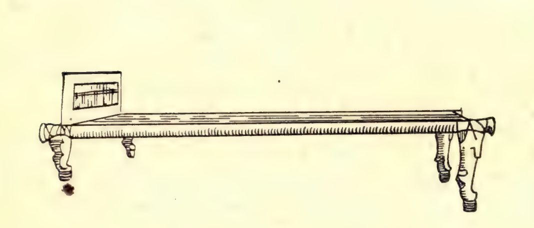

Рис. 25. Кровать царицы Хетепхерес

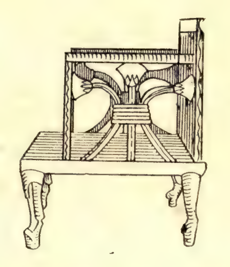

Рис. 26. Кресло царицы Хетепхерес

В середине мастерской двое «шлифовальщиков» шлифуют маленькими камнями деревянную раму кровати, концы которой заканчиваются вырезанными из дерева зонтиками папируса; ножки кровати сделаны в форме бычьих конечностей. Работа над кроватью, видимо, еще не закончена, потому что на раме не стоит доска для упора ног, а ножки не поставлены на копытца. Под кроватью стоит ларь и подголовник, который египтяне ставили на кровать. В пояснительной надписи указано, что кровать сделана из черного (эбенового) дерева (рис. 25).

В мастерской, изображенной в гробнице Мерерука, два столяра обрабатывают дверь: как сообщают пояснительные надписи, один «долбит дверь» долотом, другой «строгает дверь» теслом. На дверной створке верхняя петля сделана в виде цилиндрического валика, нижняя — в виде треугольника. Рядом с ними деревообделочник строгает весло для лодки. Двое шлифовальщиков полируют раму кровати, стоящей на ножках, вырезанных в форме львиных конечностей. В этой же

гробнице сохранилось любопытное изображение приспособления для сгибания конца длинной деревянной жерди. Оно состоит из вкопанного в землю столба, в верхушку которого упирается привязанный к нему вилообразный конец ствола, спускающегося на землю по диагонали; в отверстие между привязью и основанием вил засунута жердь, конец которой должен быть согнут. Стоящий на одном колене работник держит ствол, вставленный между жердью и диагональным стволом; на этом простом рычаге сидит другой работник и под его тяжестью конец жерди сгибается. Полагают, что для удержания сгиба жердь сначала нужно было намочить, затем нагреть и остудить.

Использование медных инструментов, усовершенствование навыков работы и тщательность ее исполнения позволили египетским столярам достигнуть столь высокого мастерства, что созданные ими поделки и мебель считают подлинными произведениями искусства. В захоронении дочери одного царя III династии был найден деревянный предмет из шестислойной тонкой фанеры, причем каждый слой был сделан из дерева другой породы; установлено пять пород дерева: кипарис, алеппская сосна, можжевельник, кедр и лиственное дерево грудоягодник («небес») (зизифус — единственное дерево египетского происхождения) [65, т. II, стр. 31]. В тайнике скальной гробницы царицы Хетепхерес сохранилась дворцовая мебель: балдахин, носилки (портшез), два кресла, подголовник и лари. Она выставлена в Каирском музее. Мебель отличается свойственной для искусства Древнего царства простотой и строгостью форм и отделки. Реконструированный для музея балдахин представляет собою как бы беседку, в которой стояла кровать и, возможно, кресло. Его длина — 3,20 *м,* ширина — 2,54 *м,* высота — 2,20 *м.* Дерево балдахина сгнило, но хорошо сохранилось листовое золото, которым он был обшит. Сохранившиеся крючки балдахина свидетельствуют о том, что он был покрыт занавесями, которые не были обнаружены. Пол балдахина был обшит медными листами. Хорошо сохранились концы деревянной рамы кровати, вырезанные в форме папирусных зонтиков, и ножки в форме конечностей льва. Длина ее рамы — 177,8 *см,* ширина — 97 *см.* Кровать была покрыта золотом. У двух кресел с подлокотниками ножки тоже вырезаны в форме конечностей льва, в которых воспроиз-

ведены анатомически точно даже кровеносные сосуды (рис. 26). Подлокотники одного кресла украшены тремя плавно согнутыми лотосами, другого — пальмой, они покрыты, как и ножки, золотом. Дерево носилок-портшеза сохранилось даже лучше, чем дерево кровати. Они украшены только золотым бордюром и инкрустированы золотыми иероглифами, составляющими имя и титулатуру царицы. Подголовник, высота которого 20,5 *см*, покрыт серебром [69а, т. II, стр. 23—34, табл. 5, 15, 16, 17—25, 31, 39].

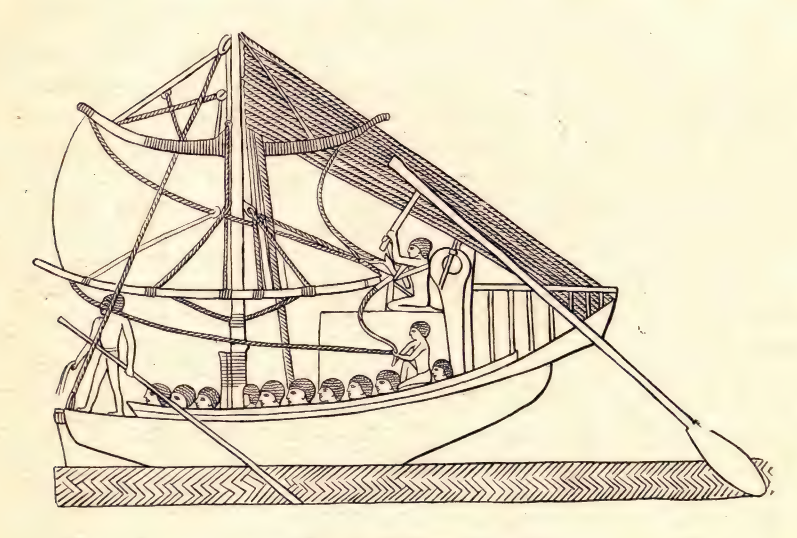

Рис. 27. Парусное судно

Суда, баржи и лодки строились на верфях, которые во времена Древнего царства имелись во многих местах. Из надписи сановника VI династии Уны мы узнаем о царских (государственных) верфях на юге Египта, у первых порогов, и в Среднем Египте, недалеко от Хатнуба: «Его величество послал меня прорыть пять каналов в Верхнем Египте и построить три грузовых и четыре перевозочных судна из акации Уауат. При этом правители Ирчет и Меджа (т. е. Нубии) поставляли для них дерево» и «Его величество послал меня в Хатнуб доставить большую жертвенную плиту из алебастра Хатнуба,

я спустил для него эту плиту, выломанную в Хатнубе, в течение всего лишь семнадцати дней. Я отправил ее вниз по Нилу на этом грузовом судне; я построил ему грузовое судно из акации в шестьдесят локтей длиной и тридцать локтей шириной, причем постройка заняла всего лишь семнадцать дней...» [32, стр. 36—37].

Из приведенных текстов следует, что грузовые суда строились из местной и нубийской акации. В летописи на Палермском камне сообщается также о постройке трех судов длиной в 100 локтей (52,3 *м),* но уже из ливанского кедрового дерева и другого вида хвойного дерева.

Грузовые суда с каменными плитами и изделиями бороздили Нил от мест строительства до каменоломен и обратно. В письме одного военачальника VI династии, написанном на папирусе, сообщается о прибытии в каменоломни Туры специального грузового судна для перевозки камня. В надписи сановника Дебхени конца IV династии рассказывается: «Был доставлен камень из Туры (Ра-ау) для облицовки там культового помещения вместе с двумя ложными дверями и стеной в эту гробницу» [28, стр. 2, 4]. В крытом ходе к храму последнего царя V династии, Униса, в Саккара изображен перевоз на грузовом судне по Нилу колонн гранита из Элефантины к пирамиде Униса. В пояснительной надписи говорится: «Прибытие (судна) из Элефантины, нагруженного колоннами гранита, к пирамиде „Прекрасно место сына Ра Униса“» [25, стр. 106]. Морские и прогулочные суда по Нилу были одновременно весельными и парусными. При попутном ветре ставили мачту и суда шли на парусах (рис. 27). При штиле использовали весла — на каждом борту судна гребли от восьми до двадцати гребцов, управляли судами штурманы и лоцманы при помощи больших весел [64, т. II, табл. 22, 24, 25; 63, стр. 104].

Во времена Древнего царства верфи имелись также в усадьбах вельмож, где строились лодки, грузовые и парусные прогулочные суда. На борту грузовых судов перевозили зерно, скот и плоды из владений, разбросанных по разным областям Египта. Изображение верфей сохранилось в одной медумской гробнице IV династии, на лондонском рельефе VI династии, в гробницах Тии, Мерерука и Каемнеферта. На лондонском рельефе показана редкая сцена подготовительных работ к судострое-

нию — валка леса и обработка сваленных деревьев. Один работник рубит медным топором ветви на дереве. Четверо лесорубов несут ствол дерева на жерди с помощью одной только веревочной петли. Двое плотников обтесывают ствол. Работа тяжелая, одному лесорубу жарко, и он закинул концы своего набедренника на спину. Рядом с валкой леса виден уже построенный остов судна. Около него работает плотник долотом и колотушкой.

В гробнице Тии изображена распилка медной пилой ствола, привязанного к столбу, обработка доски с помощью долота и колотушки, сборка составных частей

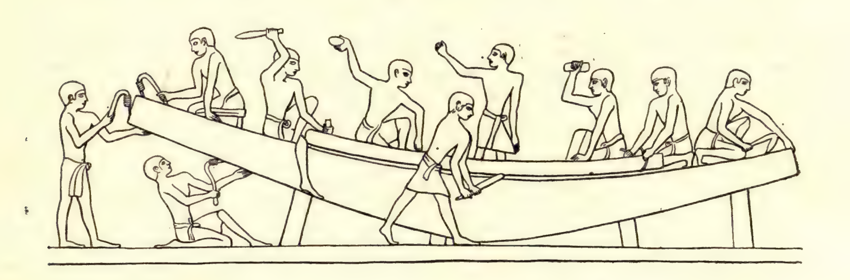

Рис. 28. Строительство судна

судна и наложение бортов, без ребер, с помощью системы шипов и пазов (рис. 28). Связывание бечевками досок судна очень хорошо представлено в медумской гробнице: два судостроителя, связывающих доски, находятся в середине судна, части кормы и носа уже перевязаны, на них сидят плотники — один строгает доски судна теслом, другой работает долотом и колотушкой. В 1954 г. в каменном тайнике возле пирамиды Хуфу была найдена деревянная ладья длиной 43,5 *м,* высотой 8 *м,* шириной 4,5 *м,* построенная из мелких деталей, соединенных с помощью деревянных клиньев и веревок.

Легкие челны и даже довольно большие весельные суда изготовляли из папирусных стеблей. Собиратели отправлялись в болотистые заросли, выдергивали из почвы длинные стебли папируса, связывали их в большие вязанки и несли на своих спинах на верфь. Под тяжестью ноши носильщики валились с ног [46, табл. 12]. На рельефах Древнего царства обычно показан завер-

шающий этап связывания лодки из стеблей папируса, когда она уже поставлена на подпорки. В лодке работают от одного до четырех вязальщиков — они с большим напряжением затягивают бечевки, которыми перевязаны на равных расстояниях стебли папируса, и завязывают их узлами. Им помогают подростки, подавая бечевки [63, рис. 83]. На одном рельефе изображен работник, подпирающий своей спиной переднюю часть лодки, чтобы при связывании она приняла правильную форму [67, табл. 23]. Рядом со строительством лодок на рельефах часто показывают изготовление — свивание бечевок из волокон папируса и травы хальфа [63, стр. 98].

КАМЕНЩИКИ И СТРОИТЕЛИ ПИРАМИД

Расцвет строительства во времена Древнего царства во многом обязан длительным навыкам в обработке камня, начавшейся с производства орудий и сосудов, которое продолжалось и во времена Древнего царства.

В гробницах Тии, Мерерука и Анхмахора [78, т. III, табл. 33, 34, 35] сохранились изображения мастерских по изготовлению каменных сосудов. Камнерезы показаны вращающими рукоятки сверл, нижними концами вставленных в каменные сосуды. Трубчатые сверла состояли из деревянного стержня (заканчивался развилкой) с изогнутой рукояткой в верхней части, под которой был прикреплен груз в виде двух камней. Головки сверл делали из кремня, песчаника и кварца. Эти сверла-полумесяцы сравнивают со сверлильными станками [7, стр. 72]. Работа сверлом считалась настолько важной, что знак сверла стал служить в египетском языке для обозначения мастеров, включая даже художников и скульпторов (по камню). Это объясняется тем, что в строительных работах и в каменоломнях обработка камня во многом зависела от удачно просверленных отверстий [7, стр. 74—75]. В V—VI династиях при изготовлении сосудов из камня наряду с каменным сверлом стали использовать также и медное. На незаконченных каменных сосудах (главным образом на цилиндрических кувшинах) сохранились следы работы медным сверлом с применением песка в качестве абразива. Полировали со-

суды небольшими камнями. Каменные сосуды и вазы делали не только из мягких пород камня, как, например, алебастр, но и из твердых — гранита, диорита, порфира, базальта. Поэтому особенно удивительны художественные шедевры, которые египтяне изготовляли из твердых пород камня для повседневной жизни [44, стр. 71].

Строительство пирамид из камня было начато во времена III династии (XXVIII в. до н. э.). В Саккара сохранился изящно выполненный пирамидный комплекс царя Джосера: ступенчатая пирамида, окружающая ее стена с бастионами, пирамидная колоннада и храмы. Пирамида царя Джосера построена из местного грубого известняка серо-желтого цвета, но облицована белым высококачественным известняком заречных каменоломен. Внутренние помещения пирамиды выложены гранитом и алебастром, вымощены базальтом. Строительство остальных пирамид III династии не было завершено. Подсчитан объем строительных работ на протяжении 55 лет III династии — около 2 млн. *куб. м* [63а, стр. 115].

Кульминационным пунктом в строительстве пирамид было время IV династии, когда шло сооружение семи пирамид, причем пять из них было завершено. При первом царе этой династии, Снофру, было закончено строительство пирамиды последнего царя III династии, Хуни, в Медуме и возведены две пирамиды в Дахшуре: южная «ромбовидная пирамида» с облицовкой из белого заречного известняка и северная «красная пирамида», сложенная из красного камня окрестных каменоломен (ее облицовка почти целиком исчезла). Общий объем строительства этих трех пирамид — более 3 млн. *куб. м* [63а, стр. 115]. При царях Хуфу и Хафра были возведены величайшие в мире пирамиды в Гизе из местного грубого известняка. Самой высокой (146, 5 *м*) из них и совершенной по форме была пирамида Хуфу. В отличие от небольших плит саккарских пирамид III династии она выложена из огромных каменных блоков весом 2,5 *т* каждый. Объем работы по сооружению этой пирамиды в течение 23 лет — 2,6 млн. *куб. м*. Пирамиды Хуфу и Хафра были облицованы белым заречным известняком, от которого сохранились лишь следы, при этом нижняя часть пирамиды Хафра была облицована гранитными плитами, от которых ничего не осталось. Внутренние части пирамид отделаны гранитом и алебастром. В припирамидном храме Хуфу и в гробнице царицы Хетепхерес

сохранился базальтовый пол. Меньшая по размерам пирамида царя Менкаура в значительной части была облицована шеститонными плитами гранита. Объем работы по строительству всех пирамид IV династии на протяжении 119 лет — 8,5 млн. *куб. м* [63а, стр. 115].

Во времена V династии объем работ по строительству восьми начатых пирамид в Абусире и Саккара царей Сахура, Ниусерра и других уменьшился до 1 млн. *куб. м* на протяжении 149 лет [63а, стр. 115].

Во времена же VI династии объем строительных работ царей Пиопи I, Пиопи II и других уменьшился до 0,5 млн. *куб. м*; на протяжении 164 лет было начато строительство четырех пирамид.

В короткий срок, за 60 лет, прошедших со времени строительства пирамиды царя III династии Джосера до возведения Великой пирамиды царя IV династии Хуфу в Гизе, каменщики и строители смогли быстро усовершенствовать навыки своей работы и организацию строительного дела.

О непосредственных строителях пирамид и храмов — каменщиках и каменоломах сохранилось мало сведений. Их огромные «мастерские» находились на строительных площадках, где воздвигали величественные пирамиды и храмы, прежде всего в окрестностях столицы — Мемфиса, и в расположенных рядом с ним каменоломнях или в каменоломнях, находящихся в пустыне — в Туре, Хатнубе и у первых порогов, к востоку от Асуана.

Добыча известняка производилась открытым способом: вырубали щели, в которые входили каменоломы, и начинали вырубку каменного блока по заданному размеру, размеченному выемкой с трех сторон. Такие выемки-канавки были обнаружены на территории храма царя Хафра. Достигнув нужной глубины желобка, отделяли кусок от массива ударами молота по резцу [7, стр. 60]. Точность и совершенство отделки известняковых плит каменщиками объясняются накопленным ими опытом по добыче и обработке этого камня.

В технике добычи твердых каменных пород — гранита и базальта — каменоломы оказались очень изобретательными. Им удавалось выламывать из массива каменные блоки, размеры которых доходили до 30 *м*. Для этого каменоломы с помощью тяжелых каменных молотов выбивали на камне прямоугольные отверстия через небольшие интервалы, располагая их на линии будущего

разлома. Отверстия расширяли отбивкой и закладывали в них деревянные клинья, которые поливали водой. Пропитавшись водой, дерево разбухало и производило прямолинейный разлом скалы. Следы разламывания гранитных блоков клиньями сохранились до наших дней к юго-востоку от Асуана.

Каменщики и камнеломы оставили на каменных плитах пирамид (главным образом облицовочных) скорописные надписи с наименованиями отрядов, в которые они были организованы. Надписи были иногда расположены на плитах вверх ногами и пересечены рабочими пометками. На этом основании установили, что обработку облицовочных каменных плит производили еще в каменоломнях [28, стр. 1].

Квалифицированные каменщики, отправленные в каменоломни, назывались «мастерами нагорья». Работа каменщиков в каменоломнях тщательно учитывалась начальниками рабочих отрядов. Сохранились пометки, сделанные ими красной краской на каменных плитах. Подсчитано, что норма разработок известняка на одного рабочего составляла около 2 *куб. м* [57, т. VIII, стр. 58]. Однако трудности еще не заканчивались после того, как были выломаны и обтесаны каменные блоки. Надо было еще переправить их к месту строительства: дотащить до Нила, погрузить на баржи, доставить водой до ближайшего места у подножия строительства, а отсюда опять тащить к строительной площадке. Чтобы вывезти гранит из каменоломен возле первых порогов, у Асуана, сановник VI династии Уна сумел в течение одного года проложить пять судоходных каналов через каменные пороги [32, стр. 37].

Сохранились изображения перевоза больших тяжелых статуй на деревянных санях, которые тянут десятки людей. Впереди них шли люди, которые лили из кувшинов воду, чтобы из-за трения не воспламенились деревянные полозья. Геродот записал предание о строительстве пирамиды Хуфу: «Они обязаны были таскать камни из каменоломен, что в Аравийском хребте, к Нилу; по перевозке камней через реку на судах их должны были принимать другие египтяне и тащить к хребту, называемому Ливийским» [II, 124].

Работа в каменоломнях пустыни происходила в тяжелейших условиях — жара и частое отсутствие воды. Сколько надо было, с одной стороны, изобретательности

и согласованности в организации работы, с другой — окриков и палочных ударов, чтобы волочь, грузить на судно и опять тащить до места строительства огромные массы каменных плит и блоков (около 480 *т*) с помощью слабых рук человека, примитивных саней и простых рычагов.

Поскольку рабочие отряды (их неквалифицированная часть) принимали участие в доставке камней на баржах, поэтому наименования их отрядов происходили от названия судовых команд. Отряды подразделялись на четыре смены. Рабочие отряды, как правило, были названы именами царей, например «Отряд Как дружествен Менкаура», «Отряд Как велик Хоркахет». То, что рабочие отряды носили имена царей, свидетельствует о сооружении ими пирамидного комплекса царя, именем которого названы, а если строили и не для царя, то на его средства.

Наскальные надписи в Хатнубе сообщают данные о числе рабочих, посланных в каменоломни: до 1600 человек. По предварительным подсчетам, каждая рабочая партия могла состоять из 10—15 человек, смена — из 200—250 человек, рабочий отряд — из 800—1000 человек.

На основании подсчетов допускают, что 100 тыс. человек, о которых сообщает Геродот [II, 124], работали над сооружением Великой пирамиды Гизе в начале ее строительства. Упомянутые Диодором 300 тыс. рабочих могли работать позднее, когда ускорились темпы строительства. Предполагают, что в последний период строительства этой пирамиды работы велись непрерывно в течение всего года. Считают, что на строительной площадке в Гизе могли одновременно работать 60 тыс. человек (из 100 тыс.), остальные в течение трех сезонов года. Указанное число людей смогло переместить 7 млн. *т* больших каменных глыб на строительстве пирамиды Хуфу [63а, стр. 120].

В надписях, сохранившихся на каменных плитах пирамид и гробниц, сообщаются даты работы «отрядов» каменоломен и их подразделений в сезоны года «сухость» и «выхождение». Эти времена года одновременно упоминаются на каменных плитах пирамиды царя III династии Хуни и гробницы Хемиуну IV династии. Каменные плиты для одного строительного объекта добывались одними и теми же отрядами, а для отдельных помещений — определенными подразделениями рабочих отря-

дов. Поэтому, даже учитывая переходный год в древнем Египте, можно сделать вывод, что рабочие отряды могли задерживаться в каменоломнях по меньшей мере в течение двух сезонов года, а во время третьего — «половодья» — переправляли каменные плиты на баржах по Нилу к месту строительства, т. е. фактически работали в течение всего года. Поскольку основное ядро рабочих отрядов было постоянным, состояло из обученных ремеслу людей и приходилось им работать не только в сезон «половодья», а также в периоды «выхождения» и «сухости», то нет оснований считать, что значительную часть этих отрядов составляли земледельцы. В период «половодья», если он совпадал с действительным разливом Нила, отдельные земледельцы Египта могли принимать участие в строительных работах (во время паводка земледельцам было много работы на полях), отбывая свою «повинность» на «дом царя», но лишь в качестве чернорабочих, главным образом по переноске тяжестей. Они могли входить в состав «ополчения», но не в постоянные рабочие отряды. Наименования отрядов, сохранившиеся на медных орудиях рабочих, свидетельствуют о том, что инструменты выдавались рабочим каменоломен и, следовательно, не были их собственностью. Все это позволяет предположить, что основное ядро рабочих отрядов строителей пирамид составляли зависимые от царя люди и рабы, возможно из числа военнопленных и осужденных.

Процесс и техника строительства пирамид известны нам — они были трудоемки и просты [11, 7, 63а]. Строительство пирамиды начиналось с кладки центрального ядра на выровненной площадке каменного плато. Для этого применяли некоторые простейшие приспособления. Ядро пирамиды окружали плотно прилегающими стенами, которые оканчивались ступенями-площадками. Кладку ядра делали горизонтальными рядами, стен — с небольшим уклоном внутрь для достижения большей устойчивости. Работу начинали с верхней площадки. Щели между стеной и ядром забивали щебнем и кусками оббитого камня. Кладку производили на глиняном растворе, который не отличался большой плотностью. Тщательностью обработки каменных плит — обтесыванием и полировкой—добивались плотного прилегания их друг к другу. Для проверки египтологи пытались протащить нитку между поверхностями каменных плит, но без-

успешно. Чтобы облегчить подъем больших каменных плит на верхние ряды кладки, сооружали наклонные насыпи из кирпича-сырца и леса-платформы. Остатки насыпей были обнаружены в Медуме, около пирамиды царя Хуни, и в Гизе, около пирамиды царя Хафра. Леса состояли из коротких деревянных балок, подробно описанных Геродотом. Блоки соединялись между собой с помощью широкого выступа — шипа и соответствующего ему паза в другом блоке. Для поднятия тяжестей применяли крюки из меди и канаты. Тяжелые камни помещали также на деревянные качалки, крепко привязанные к брусу, качая их и подпирая клином, плиты постепенно поднимали наверх. Пометки, сохранившиеся на каменных блоках, свидетельствуют о том, что уже в каменоломнях делалась разметка и указывалось место, на которое будет положен данный блок. Писалось также название строительного объекта, на который отправлялся камень. Для укрепления перекрытий делали своды (ложные). Предполагают, что многие технические усовершенствования были введены зодчим царя Джосера — Имхотепом, слава о котором дошла до древних греков и сохранилась до наших дней. Нет сомнения, что удивительно точные планы и ориентировка пирамид предшествовали их сооружению. Чтобы производить точные расчеты и составлять планы пирамидных комплексов с храмами, подземной системой канализации и дренажа дождевой воды, некрополями и припирамидными поселениями, зодчие должны были обладать большими знаниями не только в области строительного дела, но также астрономии, практической геометрии и гидравлики. Известны имена некоторых зодчих, руководивших строительством. Особенно знаменито сохранившееся в веках имя мудреца, астронома, врача и зодчего Имхотепа — строителя первой (ступенчатой) пирамиды царя Джосера III династии. «Есть ли другой (мудрец), подобный Имхотепу?» — спрашивает автор одного из «Поучений» Нового царства [9, стр. 163]. Зодчий Нехбу, строитель пирамиды царя Пиопи I (VI династии), повествует в своем жизнеописании о том, как он на практике учился руководить различными строительными работами под началом своего старшего брата, тоже зодчего. Способы строительства из камня, выработанные строителями и зодчими Древнего царства, успешно применялись и в более поздние времена.

ХУДОЖНИКИ И СКУЛЬПТОРЫ

Художники, как и ремесленники, обозначались в надписях одним и тем же словом «мастер» («хему»), написанным знаком «сверла», которое мы часто видим на рельефах Древнего царства в руках людей, изготовлявших каменные вазы. Это слово обозначало всех мастеров по каменным работам, в том числе и скульпторов, высекавших статуи и рельефы из камня. Но скульпторы, вырезавшие статуи из дерева, назывались другим словом — «резчик (по дереву)» («кести»). Наименование мастера закрепилось за скульпторами, работающими над твердым камнем, а наименование резчика по дереву перешло на резчиков по слоновой кости и даже по мягкому камню. Скульпторы и художники во времена Древнего царства, как показывают многочисленные рельефы в гробницах, часто работали в одном из отделений общей мастерской. В мастерской царицы Мерсианх III работают художники и скульпторы вместе с другими ремесленниками: один красит статую женщины, другой ее полирует, а рядом каменщики изготовляют гранитный саркофаг, ювелиры — предметы украшений, кузнецы куют металлические предметы [55, стр. 26]. Подобное можно наблюдать на рельефах из гробницы вельможи Тии: рядом трудятся мастера над деревянной и каменной статуями, полируют деревянную дверь, кровать [78, т. III, табл. 4].

В усадьбе вельмож художники и скульпторы занимали более высокое положение, чем служащие, ремесленники и слуги. Имя художника Ири в гробнице Пипианха написано такими же большими иероглифами, как и имя владельца гробницы. Художник Рахотепа запечатлел себя на стене его гробницы в легком папирусном челноке, наблюдающим волнующую борьбу отрядов в лодках; не теряя времени, художник закусывает, перед ним нагромождены всевозможные яства, а слуга помогает поднести ко рту большую пивную кружку [55, стр. 39]. Начальник скульпторов по дереву Неферихи занял почетное место у ног вельможи. Оба они закусывают, слушая музыку и наслаждаясь танцами [64, т. II, табл. 61]. В гробнице верховного сановника Мерерука мы видим изображение художника, который сидит перед мольбертом и рисует персонификации времен года [55, стр. 83; 78, т. I, табл. 1].

Поскольку на рельефах часто изображают людей, тянущих волоком большие статуи, можно предположить, что скульпторы высекали эти статуи либо в каменоломнях, либо в мастерских храмов, откуда их доставляли на место строительства. Скульпторы работали медными долотами, резцами, сверлами и деревянной колотушкой. Для обработки мелких деталей использовали тонкие резцы и особые маленькие молотки. На рельефе в гробнице Тии скульптор работает таким же сверлом-полумесяцем, каким камнерезы просверливали вазы из твердого камня [78, т. III, табл. 35]. Шлифовали поверхность статуи небольшими камнями. Если высекали статую большого размера, строили вокруг нее леса. Статуи делали как из мягкого, так и из твердого камня. Для статуй из дерева выбирали акацию или черное (эбеновое) дерево.

Египтяне верили, что умерший после ряда магических церемоний получал возможность видеть все изображенное на стенах культовых помещений внутри его гробницы и как бы заново переживать свою ежедневную жизнь. Но для этого было необходимо соблюсти еще одно условие—сохранить нетленным труп умершего. Найденные археологами мумии Древнего царства показывают, что в те времена уже научились делать их, но еще недостаточно прочными. Может быть, вследствие того что мумификация была тогда в зачаточном состоянии, получил особое распространение обычай ставить в поминальные храмы и в гробницы портретные каменные головы и статуи. По представлениям древних египтян, люди имели несколько душ. Одной из них был «двойник» человека, который рождался вместе с ним, мог существовать вне его (тень) и после смерти человека продолжал жить в его гробнице. Если мумия не сохранилась, «двойник» мог вселиться в статую покойного, при условии что она была похожа на него. Отсюда удивительная портретность и индивидуальность каменных и деревянных голов, статуй и статуарных групп царей и вельмож с инкрустированными глазами и окраской в принятые тогда тона. Хорошо известны рассказы археологов об огромном впечатлении, которое производили на работавших феллахов только что открытые в гробнице статуи.

Французский египтолог и археолог А. Мариэтт в 1871 г. едва успел спасти величайший памятник египет-

ской пластики XXVII в. до н. э. — статуарную пару из окрашенного известняка: царевича Рахотепа и его жены, царевны Неферт. Когда была вскрыта гробница Рахотепа и лучи света упали на статуи, сияющие своими инкрустированными глазами и хорошо сохранившейся окраской тела и костюмов, царевич и царевна показались феллахам магически ожившими, и от страха они хотели уничтожить памятники кирками. Рахотеп и Неферт, спокойно и величественно сидящие на своих каменных тронах в центре большого, почти пустого зала Каирского музея, и поныне производят неотразимое впечатление на посетителей. Не менее знаменита несколько более поздняя статуя вельможи Каапера из дерева с инкрустированными глазами, некогда покрытая окрашенным гипсом. Феллахи, обнаружившие статую, признали в ней портрет «сельского старосты» своей деревни, отсюда и пошло ее прозвище «шейх эль-белед», вошедшее и в египтологическую литературу.

Шедеврами мирового искусства являются статуя знаменитого Луврского писца с поразительно острым взглядом инкрустированных глаз и бюст царевича Анххафа, реалистически трактующий образ уже не молодого и усталого человека. Наряду с этими прекрасными «статуями согласно жизни», как характеризуют их надписи, сохранились торжественно-монументальные статуи царей и вельмож в парадной одежде, застывшие в канонизированной позе с прямо поставленной головой и выставленной вперед левой ногой [15, стр. 82].

Стены гробниц и храмов Древнего царства художники и скульпторы покрывали рельефами и росписями с изображением сцен ежедневной жизни египтян и сельскохозяйственного календаря.

При создании рельефов художник и скульптор работали вместе, причем художников часто называли писцами. Сначала камень покрывали гипсом, а если стена была в плохом состоянии, то предварительно еще илом, смешанным с соломой. Первый художник-писец чертил на гипсе клетки, а затем рисовал на них красной краской фигуры и писал иероглифы. Старший художник-писец вносил поправки и рисовал черной краской. После этого скульптор приступал уже к вырезыванию рельефов.

Трудоемкая техника выпуклого рельефа, при которой скульптору приходилось снимать поверхность, окру-

жающую изображение, была известна с конца додинастического периода. Ею очень тонко выполнены палетки из граувакка конца IV—начала III тысячелетия до н. э. С IV династии появляется врезанный рельеф, который требовал меньшей затраты времени на выполнение и лучше сохранялся. Как и статуи, рельефы покрывали краской. Особенности изображения фигуры человека на рельефе — голова, нижняя часть туловища и шагающие ноги вырезаны в профиль, глаза и верхняя часть туловища в фас — объясняются особой манерой видения предметов художником и обязательными пропорциями канона, который сложился во времена Древнего царства. Художники изображали предметы не так, как они их видели с учетом перспективы, а такими, какими они их знали, например кольцо выглядело на рельефе кругом, а не эллипсом. По этой же причине они еще не показывали внешнего вида дома, хлева, мастерской, но изображали то, что находится внутри этих помещений. Строгих законов канона художники придерживались прежде всего при изображении богов, царей и знати. При воспроизведении на рельефах слуг, ремесленников и работников они допускали значительные отклонения от канона, чтобы передать наиболее характерные черты простого люда. Свободны от правил канона и статуэтки работников.

При окраске статуй, рельефов и в росписях стен художники употребляли естественные минеральные краски и кисточки, сделанные из травы хальфа и расщепленных веток.

ДОМАШНИЕ РАБЫ И СЛУГИ

Знатная семья [24] состояла из мужа, жены, детей, матери вельможи и его родственников — братьев и сестер, а также многочисленных домочадцев и слуг, ядро которых составляли домашние рабы. Как установил Ю. Я. Перепелкин, собственники вельможеских хозяйств в основном были разбогатевшими наследниками родительского состояния по исключительному праву насле-

[24] Документы Древнего царства позволяют судить только о семье высших слоев населения.

дования имущества старшим сыном, к тому же преуспевшими в служебной карьере. Обездоленные младшие братья жили в доме у старшего состоятельного брата, служа ему лично или участвуя в управлении хозяйством, от которого они сами же кормились. В домохозяйстве Птаххотепа почти все писцовые должности были заняты «собственными братьями» хозяина [20, стр. 24—28].

Женщины и жены пользовались в древнеегипетском обществе не только большим уважением, но и самостоятельностью. Царская власть наследовалась по женской линии. Жена раздельно от мужа владела своим имуществом, полученным в приданое, и имела право им распоряжаться по своему усмотрению, например передавать детям по завещанию. На рельефах в гробницах вельмож жены часто изображались сидящими рядом со своими мужьями, причем таким же крупным масштабом. В статуях супружеских пар жена всегда обнимает мужа, а не наоборот. Но несмотря на нежные отношения между супругами, некоторые знатные и богатые вельможи, вроде верховного сановника Тии, следуя примеру царей, заводили у себя в усадьбе гаремы с танцовщицами и арфистками, среди которых могли быть и рабыни. Малая семья, выделившаяся ко времени Древнего царства в Египте, сохраняла еще значительные пережитки большой патриархальной семьи.

В домохозяйствах вельмож были сосредоточены огромные материальные ценности недвижимого и движимого имущества. Составить представление о жилищах Древнего царства, в которых жили вельможи, их служащие и работники, позволяют скудные данные раскопок поселений и некрополей, дополненные глиняными моделями «домов двойника», которые копировали основные черты жилых домов, хотя и были предназначены для души умершего.

Дома складывали из кирпича-сырца, сделанного из нильского ила с добавлением песка и рубленой соломы. Образцы найденных кирпичей свидетельствуют, что их сушили на солнце, а не обжигали на огне [12, стр. 103] [25]. Дома показывают значительную имущественную дифференциацию населения. Среди глиняных моделей встречаются простые дворы с укрытиями и дома с террасами, на

---

[25] Изображений строительства из кирпича-сырца не сохранилось до росписи в гробнице везира Рехмира XVIII династии.

которых устраивали хранилища. Терраса дома могла быть использована как второй этаж. Двухэтажные дома имели портики с колоннадой (из дерева) и боковую лестницу, ведущую на второй этаж. В потолке комнат нижнего этажа устраивали вентиляторы. Окна, иногда с деревянной решеткой, помещали высоко на боковой или задней стене дома. Крыши из кирпича-сырца были плоскими, сводчатыми или куполообразными. В домах зажиточного населения имелись ванные комнаты и туалеты. Они скопированы даже в одной гробнице II династии [37, стр. 31, 55—58]. Во всех домах делали очаги: в небогатых жилищах — из нескольких камней, в зажиточных — цилиндрические печи с дверцей внизу для извлечения золы. Топили засохшими ветками деревьев и навозом животных. Огонь добывали быстрым вращением сухого прута на куске пальмового дерева [44, стр. 95—96].

Об усадебных домах вельмож можно судить по царскому павильону, открытому в Саккара за оградой пирамидных сооружений царя III династии Джосера. Дом, построенный по прямоугольному плану, был разделен на две половины — служебную и личную: широкий зал, потолок которого поддерживался двумя колоннами, боковая сторожка и длинный зал с одной колонной, соединяющий боковые комнаты с жилыми помещениями — прихожей, спальней и комнатами разного назначения [37, стр. 54, 62, рис. 39].

Надписи и рельефы Древнего царства свидетельствуют о том, что к большому дому усадьбы примыкал двор с хозяйственными пристройками и фруктовый сад с виноградником и водоемом.

В состав «собственных людей» домохозяйств знати кроме подневольной челяди («мерет») в широком смысле этого слова (ее профессиональный труд описан в предыдущих главах) входил огромный штат личных слуг вельмож, основное ядро которых составляли домашние рабы («баку»), именуемые также «купленниками» («исуу»).

Во многих гробницах Древнего царства сохранились изображения большого числа личных слуг вельмож, которые их окружали и обслуживали с раннего утра и до ночи. На рельефе из гробницы Нисутнефера V династии показаны два карлика-раба, названные «купленниками». Один из них держит переносное ложе и подголовник хозяина, другой — посох и сандалии. Оба карлика носят

египетские имена — Джедефраанх и Анхиуджес. На одном из гробничных рельефов карлик с сандалиями в руках назван «спутником». Во многих гробницах показаны карлики, танцующие перед господином с цветами лотоса на голове [64, т. II, табл. 36]. В одном из Текстов пирамид говорится о «карлике-танцоре богов, весельчаке богов перед его (т. е. царя богов) троном» [72, пир. 1189а]. Карлики-танцоры и шуты для царского двора вывозились из Центральной Африки. Такого карлика привез

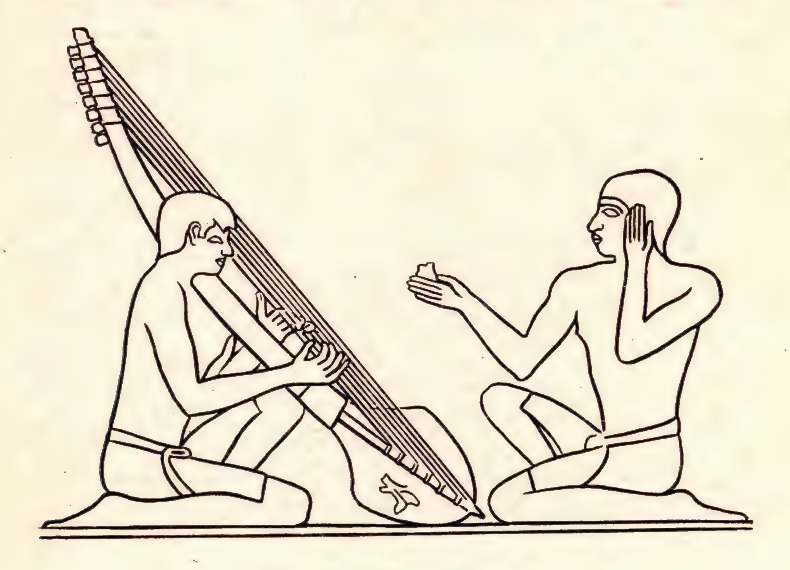

Рис. 29. Арфист и певец

сановник Хуфхор ко двору молодого царя Пиопи II. В указе царя Хуфхору говорится: «Желает мое величество видеть этого карлика более, чем приношения Синая и Пунта» [32, стр. 30].

В гробнице Нисутнефера в числе личных слуг хозяина показаны двое нубийцев, которые своей наружностью резко отличаются от египтян. «Нубиец, спутник Мери», как поясняет надпись, несет на плече мешок для одежды и держит в руке таз для умывания. В руках «нубийца, ключника, Сенеба» льняная одежда [57, т. III, табл. 27]. Слово «нубиец» в более поздние времена применительно к слугам означало «эфиопский раб». По-

скольку многие из слуг-рабов (иноземцев и карликов) носили должностное наименование «спутник», можно предположить, что носильщики паланкина сановника при дворе Хуфу были иноземными рабами. Из нубийцев формировались также отряды телохранителей царя — так называемые мирные нубийцы.

Одна надпись VI династии сообщает, что приобретали рабов-«купленников» на основании законной купчей: «купленники собственного владения — достал их (я) за вознаграждение (т. е. купил), припечатаны они были в сделке на дереве, чтобы они приносили (мне) заупокойные жертвы на кладбище» [25, стр. 178].

Изображения на рельефах в гробницах вельмож позволяют проследить отдельные моменты деятельности многочисленных слуг вельмож в течение дня. Утро вельможа проводил за туалетом, принимая в это время своих писцов с отчетами и одновременно слушая игру арфиста и флейтиста (рис. 29). Вельможа спокойно восседает на стуле с короткой спинкой, возле него стоит слуга, обычно карлик с собаками и павианом на поводке, а вокруг суетится масса слуг. Ключники-нубийцы приносят полотенца, таз и кувшин с водой, какое-то моющее средство, напоминающее мыло. Один слуга умащает маслом ноги хозяина, другой растирает ему спину, третий делает маникюр и педикюр. Домашний парикмахер надевает на коротко стриженную голову вельможи парик — это случается по праздникам или когда вельможа отправляется в присутствие. Двое слуг принесли праздничную одежду (ритуальную): накидку из шкуры пантеры, которую носили только высокие сановники — владельцы гробниц; накидку надевали на юбки-передники разного фасона, закрепляя ее на одном плече [63, стр. 19, рис. 8, стр. 20, рис. 9; 64, т. II, табл. 36]. Так же хлопотали служанки вокруг супруги вельможи. На рельефе XI династии сохранилась довольно любопытная сцена завивки довольно коротких волос царевны Кавит [76, табл. 25].

Выход или выезд вельможи на прогулку, в присутствие, на базар или для осмотра владений был обставлен очень торжественно. Паланкин с вельможей несли слуги — до двадцати человек — в такт поющейся ими песни. Целая свита слуг шла с вещами, которые могли понадобиться вельможе в дороге (сандалии, опахала, мухобойки). Карлики вели на привязи люби-

мых животных хозяина. Иногда кортеж сопровождали танцовщицы.

Когда вельможа совершал пешую прогулку, слуги следом за ним тащили переносное ложе, кресло, подголовник и даже балдахин, на случай если уставший от жары хозяин захочет отдохнуть. В том и другом случае слуги несли корзины с провизией [63, стр. 29—30]. Иногда вельможа направлялся на шумный базар, чтобы купить рыболовные крючки или новый посох; там происходил обмен съестных припасов на изделия ремесла, но мерилом стоимости уже могли служить зерно, золото и медь [19, стр. 162—171]. Часто вельможа предпринимал поездку на судне для осмотра своих дальних владений. Если был попутный ветер, судно шло на парусах, при штиле гребли матросы или слуги тянули его при помощи бечевок с берега. Судно сопровождали легкие папирусные челноки, на которых везли провизию [63, стр. 27].

Масса слуг и работников была занята приготовлением пищи и сервировкой стола для вельможи и его супруги.

В кухне и во дворе варили куски мяса в больших горшках, поставленных на стойку над очагом, жарили бычьи ноги и гусей, насаженных на вертел. Поварами были мужчины [63, рис. 62, 55]. Слуги подавали к столу на подносах красиво убранные фрукты и овощи, хлебы различной формы, сладкие пирожки с финиками и медом; молоко приносили в сосудах, заткнутых травой.

Сохранилось редкое изображение трапезы царевича Рахотепа и его супруги Неферт: они вдвоем сидят за невысоким столом на одной ножке. Ели руками, беря пищу непосредственно с подноса, поставленного на столик. Слуги несли к столу не только пищу, но и умывальные приборы с полотенцами для омовения пальцев до и после еды [74, стр. 222].

Вельможа смотрел на наказания пастухов, сельских старост и других «провинившихся» работников палочными ударами. Чтобы заглушить стоны несчастных, привязанных к столбам или брошенных на землю, флейтисты и арфисты громко играли на своих инструментах [25, рис. 17; 63, стр. 24, рис. 12].

На рельефе в гробнице Мерерука показана процессия из двенадцати слуг, сопровождающих вельможу и его супругу в спальню; двое слуг приготовляют им по-

стель, а шестеро стоят на страже возле ложа. Слуги и женщины гарема — танцовщицы, певицы, арфистки — провожали вельможу также в последний путь — к его гробнице, исполняя ритуальные танцы и песни.

Развитой во времена Древнего царства институт домашнего рабства, несомненно, оказал большое влияние и на способы эксплуатации подневольных людей «собственных домов» вельмож.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдиев В. И., История древнего Востока, изд. 3, М., 1970.

2. Андрианов Б. В., Древние оросительные системы Приаралья, М., 1969.

3. Берлев О. Д., Древнеегипетская денежная единица, — «Палестинский сборник», вып. 15. История и филология стран Ближнего Востока, М.—Л., 1966.

4. Берлев О. Д., Египетский военный флот в эпоху Среднего царства, — «Палестинский сборник», вып. 17. История и филология стран Ближнего Востока в древности и средневековье, Л., 1967.

5. Всемирная история, т. I, М., 1955 (глава: Перепелкин Ю. Я., Египет Древнего царства, стр. 160—190).

5а. Древняя Нубия. Результаты работ археологической экспедиции АН СССР в ОАР. 1961—1962. Под общ. ред. Б. Б. Пиотровского, М.—Л., 1964.

6. Кинк Х. А., Египет до фараонов, М., 1964.

7. Кинк Х. А., Как строились египетские пирамиды, М., 1967.

8. Коростовцев М. А., Из истории V династии в древнем Египте, — «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 31—34.

9. Коростовцев М. А., Писцы древнего Египта, М., 1962.

10. Лапис И. А. и Матье М. Э., Древнеегипетская скульптура в собрании Гос. Эрмитажа, М., 1969.

11. Лауэр Ж.-Ф., Загадки египетских пирамид, сокр. пер. с франц. М. П. Рожициной и Г. В. Сахаровой, общ. ред. И. С. Кацнельсона, М, 1966.

12. Лукас А., Материалы и ремесленные производства древнего Египта, пер. с англ. Б. Н. Савченко, общ. ред. В. И. Авдиева, М., 1949.

13. Лурье И. М., Горное дело в древнем Египте, — «Труды Института истории науки и техники», 1934, серия 1, вып. 3, стр. 105—138.

14. Лурье И. М., История техники древнего Востока, — «Очерки по истории техники древнего Востока», под ред. В. В. Струве, Л.—М., 1940, стр. 129—242.

15. Матье М. Э., Искусство древнего Египта, М., 1958.

16. Матье М. Э., Роль личности художника в искусстве древнего Египта, — «Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа», т. 4, 1947, стр. 5—99.

17. Перепелкин Ю. Я., «Дом шнау» в Старом царстве, М., 1960.

18. Перепелкин Ю. Я., Меновые отношения в староегипет-

ском обществе, — «Советское востоковедение», 1949, т. VI, стр. 302—311.

19. Перепелкин Ю. Я., О деньгах в древнейшем Египте, — сб. «Древний Египет», М., 1960, стр. 162—171.

20. Перепелкин Ю. Я., Частная собственность в представлении египтян Старого царства, — «Палестинский сборник», М., 1966, вып. 16.

21. Постовская Н. М., Начальная стадия государственного аппарата в древнем Египте, — «Вестник древней истории», 1947, № 1, стр. 233—249.

22. Постовская Н. М., Familia в Египте Древнего царства, — «Вестник древней истории», 1967, № 1, стр. 3—37.

23. Редер Д. Г., Роль финиковой пальмы в экономике древнего Египта, — сб. «Древний Египет и древняя Африка», М., 1967, стр. 107—112.

24. Редер Д. Г., Экономическое развитие Нижнего Египта (Дельты) в архаический период (V—IV тысячелетия до н. э.), — сб. «Древний Египет», М., 1960, стр. 172—180.

25. Савельева Т. Н., Аграрный строй Египта в период Древнейшего царства, М., 1962.

26. Савельева Т. Н., К вопросу о значении терминов [«пер», «хут» и «хут-аат»], — сб. «Древний Египет», М., 1960, стр. 181—194.

27. Савельева Т. Н., Надписи из гробницы Мечена (пер. и коммент.), — сб. «Древний Египет и древняя Африка», М., 1967, стр. 113—132.

28. Савельева Т. Н., Надписи строителей пирамид как исторический источник, М., 1960 (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).

29. Струве В. В., История древнего Востока, М.—Л., 1941.

30. Тураев Б. А., Древний Египет, Пг., «Огни», 1922.

31. Фараон Хуфу и чародеи. Сказки, повести, поучения древнего Египта. Сост., предисл. и прим. И. С. Кацнельсон, М., 1958.

32. Хрестоматия по истории древнего Востока, под ред. В. В. Струве и Д. Г. Редера, М., 1963.

33. Черезов Е. В., Техника сельского хозяйства древнего Египта. (Конспект лекций), Черновицы, 1968.

34. Черезов Е. В., Техника сельского хозяйства древнего Египта. (Учебное пособие), Черновицы, 1969.

35. Шолпо Н. А., Ирригация в древнем Египте, — «Ученые записки ЛГУ», 1941, № 78, серия ист. наук, вып. 9, стр. 82—100.

36. Шолпо Н. А., Подъем тяжестей в строительной технике древнего Египта, — сб. «Архив института науки и техники», Л., 1936, вып. 8, стр. 137—160.

37. Badawy A., A History of Egyptian Architecture, vol. I, Gîza, 1954.

38. Bissing F. W. R., La chambre de trois saisons du sanctuaire solaire du roi Rathoures (V^{e} dynastie) á Abousir, — «Annales du Service des antiquités de l'Egypte» 1956, t. LIII, fasc., 2, стр. 319—338, pl. I—XXIII.

39. Borchardt L., Bissing F. und Kees H., Des Re-Heiligtum des Königs Ne-woser-re (Rathures), Bd I—III, Berlin, 1905—1928.

39a. Borchardt L., Statuen und Statuetten von Königen und Privatleuten, Bd I, Le Caire, 1924.

40. B r e n t j e s B., Wildtier und Haustier im Alten Orient, Berlin, 1962.

41. B r e n t j e s B. [Wildtier und Haustier im Alten Orient], — «Wissentschaftliche Zeitschrift der Martin — Luther Universität», Halle — Wittenberg, 1962, Jg. XI, Juni., стр. 537—645.

42. B r u n n e r H., Die Texte aus der Heracleopolitenzeit von Siut, Glückstadt, 1937.

43. C a m i n o s R. A., Late-Egyptian Miscellanies, London, 1954.

44. D a u m a s F., La vie dans l'Égypte ancienne, Paris, 1968.

45. D a v i e s N. de G., The Rock Tombs of Deir el-Gebrawi, pt I—II, London, 1902.

46. D a v i e s N. de G., The Rock Tombs of Sheikh-Said, London, 1901.

47. E d e l E., Zu den Inschriften auf den Jahreszeiten der «Weltkammer» aus dem Sonnenheiligtum des Niuserre, t. II, Göttingen, 1964 (Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, I, Philologisch-historische Klasse, Jg., 1963, № 4).

48. E r m a n A., Reden, Rufe und Lieber aus Gräberbildern des Alten Reiches, Berlin, 1919.

48a. E r m a n A. und Grapow, Wörterbuch der aegyptischen Sprache, Bd I—VI, Leipzig, 1955.

49. E m e r y W. B., Archaic Egypt, Harmondsworth, 1961.

49a. E m e r y W. B., The Tomb of Hemaka, Cairo, 1938.

50. G a r d i n e r A. H., Late Egyptian Miscellanies, Bruxelles, 1937.

50a. G o y o n G., Nouvelles inscriptions rupestres du Wadi Hammamat, Paris, 1957.

51. H a s s a n S., Excavations at Gîza, vol. I—VII, Cairo, 1929—1953.

52. H a s s a n S., Excavations at Saqqara, 1937—1938, — «Annales du Service des antiquités de l'Égypte», 1938, t. XXXVIII, стр. 503—521.

53. H e l c k W., Bemerkungen zu den Pyramidenstadten im Alten Reich, — «Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts», Abt. Kairo, Wiesbaden, 1958, Bd 15, стр. 91—111.

54. H i c k m a n n H., Ägypten, Leipzig, 1961 (Musikgeschichte in Bildern, hrsg. von H. Besseler und M. Schneider, Bd II, Lif. I).

54a. J a c q u e t - G o r d o n H. K., Les noms des domaines funéraires sous l'Ancien empire égyptien, Le Caire, 1962 (Institut français d'archéologie oriental. Bibliothèque d'études, t. XXXIV).

55. J u n k e r H., Die Gesellschaftliche Stellung der ägyptischen Künstler im Alten Reich, Wien, 1959.

56. J u n k e r H., Die geisterhaltung der Ägypter in der Frühzeit, I, Wien, 1901.

57. J u n k e r H., Gîza I—XII. Bericht über die von der Akademie der Wissenschaften in Wien auf gemeinsame Kosten mit Dr. W. Pelizaeus unternommenen Grabungen auf dem Friedhof des Alten Reiches bei den Pyramiden von Giza, Bd I—XII, Wien — Leipzig, 1925—1955.

58. J u n k e r H., Die politische Lehre von Memphis, Berlin, 1941 (Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, № 6).

59. J u n k e r H., Weta und das Lederkunsthandwerk im Alten Reich, Wien, 1957.

60. Junker H., Zu einigen Reden und Rufen auf Grabbildern des Alten Reiches, Wien — Leipzig, 1943.
61. Kaplony P., Die Inschriften der ägyptischen Frühzeit, Bd I—III, suppl., Wiesbaden, 1963—1964 (Ägyptologische Abhandlungen, Bd 8, 9).
62. Kees H., Das Alte Ägypten. Eine kleine Landeskunde, Berlin, 1955.
63. Klebs L., Die Reliefs des Alten Reiches, Heidelberg, 1914.
Pyramid, — «Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde», 1970, Bd 96, стр. 117—124.
63a. Kosiński W. B., The Investment Process of the Cheops Pyramid, — «Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde», 1970, Bd 96, стр. 117—124.
64. Lepsius C. R., Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. Abt. I—II, Berlin, 1949.
65. Makkonen O., Ancient Forestry. An Historical Study, pt I—II, Helsinki, 1967—1969 (Acta Forestalia Fennica, vol. 82, 95).
66. Montet P., Les scènes de la vie privée dans les tombeaux égyptien de l'Ancien empire, Strassbourg, 1925.
67. Petrie W. M. F., Medum, London, 1892.
68. Quibell J. E., Hierakonpolis, t. I, London, 1900.
69. Reder D. G., Ancient Egypt, a centre of agriculture, — «Cahiers d'histoire mondiale», Neuchâtel, 1958, vol. IV, № 4, стр. 801—817.
69a. Reisner G. A. und Smish W. S., A History of the Gîza Necropolis, vol. I—II, Cambridge (Mass.), 1942—1955.
70. Rühlman G., Produktive und schopferische Tätigkeit in Darstellungen der altägyptische Kunst, — «Frühe Kulturen und produktive Arbeit». Beiträge zur Bedeutung des arbeitenden Menschen in den Orientalischen Kulturen, Halle, Saale, 1968, стр. 26—34.
71. Schäfer H., Ein Bruchstück altägyptischen Annalen, Berlin, 1902 («Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften», Philosophisch-historische Klasse, № 1).
72. Sethe K., Die altägyptischen Pyramidentexte, Bd 1—4, Leipzig, 1908—1922.
73. Sethe K., Urkunden des Alten Reichs, Leipzig, 1932—1933, Bd I, Hf. 1—4.
74. Staehelin E., Untersuchungen zur ägyptischen Tracht im Alten Reich, Berlin, 1966 (Münchner ägyptologischer Studien, 8).
75. Zába Z., Les maximes de Ptahhotep, Prague, 1956.
76. Wenig S., Die Frau im Alten Ägypten, Leipzig, 1967.
77. Wenig S., Der Sport im Alten Ägypten, Leipzig, 1969.
78. Wreszinski W., Atlas zur altaegyptischen Kulturgeschichte, Bd I—III, Leipzig, 1923—1936 (Bearbeitet von H. Schäfer).

СОДЕРЖАНИЕ

Татьяна Николаевна Савельева

КАК ЖИЛИ ЕГИПТЯНЕ ВО ВРЕМЕНА СТРОИТЕЛЬСТВА ПИРАМИД

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

*

Редактор *Н. В. Баринова*
Художник *М. И. Эльцуфин*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *З. С. Теплякова*
Корректор *В. А. Захарова*

*

Сдано в набор 4/V 1971 г.
Подписано к печати 21/VII 1971 г.
А-11230. Формат 84 × 108 1/32. Бум. № 1
Печ. л. 3,75. Усл. печ. л. 6,3. Уч.-изд. л. 6,51
Тираж 15 000 экз. Изд. № 2800. Зак. № 508
Цена 42 коп.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Опечатки и исправления

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
25	11 сн.	в следовательно	а следовательно
41	9 св.	очищенное	очищенное зерно
57	6 св.	остаточное, явление	остаточное явление
82	18 сн.	до додинастических	от додинастических
102	8 сн.	работу	работу по облицовке
110	1 сн.	„эфиопский раб“	„эфиопский раб“ [5, стр. 163]

906

Цена 42 коп.